

Министерство образования и науки Российской Федерации
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д.Ушинского»

**Вопросы отечественной
и зарубежной истории, политологии,
теологии, образования**

Материалы конференции «Чтения Ушинского»

**Ярославль
2008**

**ББК 63.3 (2) Я 434 +
63.3(0) Я 434
УДК 930, 930: 372.8,
В 748**

Печатается по решению
редакционно-издательского
совета ЯГПУ им.К.Д.Ушинского

В 748 Вопросы отечественной и зарубежной истории, политологии, теологии, образования [Текст]: материалы конференции «Чтения Ушинского». – Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К.Д.Ушинского, 2008. – 368 с.

В данном сборнике опубликованы тексты докладов ежегодной научной конференции «Чтения Ушинского» за 2007 год, сгруппированные по кафедрально-тематическому принципу. Они отражают результаты преимущественно инициативных научных исследований преподавателей кафедр всеобщей истории, отечественной истории, политологии и социологии, теории и методики преподавания истории и обществоведческих дисциплин, вновь создаваемой кафедры теологии.

**УДК 930, 930: 372.8, 93/99; 930.9, 93/99 (4/9)
ББК 63.3 (2) Я 434 + 63.3(0) Я 434**

Редколлегия: Л.М.Архипова, профессор, доктор истор. наук
(отв. ред.),
Г.Н.Кочешков, профессор, доктор истор. наук,
М.В.Новиков, профессор, доктор истор. наук
(отв. ред.),
А.Б.Соколов, профессор, доктор истор. наук,
А.С.Ходнев, профессор, доктор истор. наук

ISBN 978-5-87555-422-4

©Ярославский государственный
педагогический университет
им. К.Д.Ушинского, 2008
© Авторы материалов, 2008

Содержание

Актуальные проблемы всеобщей истории

Е.Е.Лях. Образ Иосифа Праведного в новозаветной апокрифической традиции первых веков христианства	3
Н.В.Новикова. Визуальная пропаганда в кампании суфراجисток начала XX века.....	11
Ю.Е.Барлова. Бедность, нужда и пауперизм в трудах английских политиков и мыслителей конца XVIII – начала XIX вв.	20
А.В.Литвинов. Партизанское движение в Эфиопии в 1936-1941 гг.....	30
Ю.А.Климова. Представления русских путешественников и публицистов о проявлении чудачества и эксцентричности в досуге англичанина второй половины XIX – начала XX вв.....	39
Ю.С.Никифоров. Социологический подход в историческом исследовании в конце XIX- начале XX в.: Н.И.Кареев и М.М.Ковалевский (опыт сравнительного анализа).....	48
А.С.Ходнев. Мнения американской политической элиты о деятельности Лиги Наций в 1920-1930-е гг.	57
Н.В.Бородкина. Неоголизм в военной и оборонной политике Ж.Ширака (1995-2000).	67
А.С.Гычева. Миссии ООН в Сьерра-Леоне и Демократической Республике Конго в конце XX – начале XXI в.....	76
С.В.Воронина. Развитие женского мусульманского движения во второй половине XX в. на примере Исламской Республики Иран и Республики Тунис.....	82

Народ, политика, власть в истории России

Л.М.Архипова. Русская триада в трактовке святителя Димитрия Ростовского.....	91
Е.Л.Сараева. Последствия реформ Петра I в контексте учения западников.....	97
В.В.Кудрявцев. Крымская война в контексте мировоззрения славянофилов.....	105
Ю.С.Крюкова. Путь исканий, или Кто и зачем вступал в российское масонство во второй половине XVIII – начале XX в.	114
Е.Е.Белова. К вопросу об истоках государственного призрения больных и раненых воинов в России.	122
А.Г. Любарец. Социальная деятельность ярославского духовенства в конце XIX- начале XX в.: к постановке проблемы... ..	130
А.М. Новоторцева. Условия введения подоходного налога в России в начале XX в.	137
В.В.Таточенко. Из истории изучения периодических изданий Ярославской губернии конца XIX – начала XX в.	143
О.В.Дубичев. Отражение проблем природопользования на страницах «Сельского вестника» в 1892-1898 гг.....	151
Г.В. Карандашев. Проблемы женского алкоголизма в России в конце XIX – начале XX в.....	157
М.Н.Иванов. Архетипы русской истории периода первой мировой войны.....	164
О.В.Ольнева. Газета «Голос» как источник сведений о повседневной жизни Ярославля в 1917 г.....	170
М.В.Александрова. Принципы и методы советской жилищной политики 1917-1932 гг. (по материалам Ярославля).....	178
Н.А.Миронова. Репрессии против медицинских работников в Советской России в начале 1920-х гг.....	187
Д.Н. Малахов Реформирование системы тыла РККА в период военной реформы 1924 – 1928 гг.....	196
Н.С.Новожилов. «Тоталитарная школа» изучения «кадровой революции» в партийной номенклатуре СССР в 1930-е гг. ...	206
О.Н.Литвинова. Оккупанты в восприятии брянских партизан в годы Великой Отечественной войны.....	214
М.В.Талашов. ЯГПИ в 1941-1945 гг.: к истории системы	

высшего образования в СССР в период Великой Отечественной войны.....	222
Актуальные проблемы политологии и социологии	
В.Н.Шеминов. О системном межпредметном подходе к анализу демографической ситуации.....	231
Л.Н.Тальзина. Город как элемент целостной социальной системы.....	237
И.А.Мамзелев. Региональные теледебаты на выборах в Государственную думу РФ в 2007 г. по материалам Ярославской области.....	242
Е.А.Пелевина. Политические технологии в современных избирательных кампаниях.....	251
Актуальные вопросы теологии	
В.В.Добродеев. Проблемы перевода Священного Писания Ветхого Завета.....	258
А.Н.Филькин, С.А.Кудрина. Русская философия против пагубного «Я»	269
С.Г. Осьмачко. Историки Московской духовной академии и реформы высшего духовного образования в России (вторая половина XIX – начало XX вв.).....	274
Н.И.Лихоманов. Репрессии против священнослужителей Ярославской области в первые годы после Октябрьского переворота.....	285
Д.И.Чистюхин. Миссионерская деятельность архиепископа Нила Исаковича.....	295
В.А.Марченко. Приоритеты раннего монашества в трудах свв. Иоанна Златоуста и Амвросия Медиоланского.....	303
М.А. Буждыгар. Религиозные искания С.Н. Дурылина в 1900-е– 1922 гг.....	313
В.Т.Юсупов. Новые религиозные движения: деструктивные психотехники.....	318
А.В. Еремин. К вопросу о периодизации истории государственно-церковных отношений в постсоветский период.....	329

Методика преподавания истории и обществоведческих дисциплин

Н.А.Валеева. Технологическая карта на уроках истории и обществознания в старших классах.....	337
И.Н.Баранова. Феномен диалога в истории педагогической деятельности.....	346
С.Д.Филатова. Педагогические возможности использования источников устного происхождения на уроках истории при изучении темы «СССР в 1960-1980 гг.».....	356
М.Е.Кожевникова. Студент в музейной среде.....	361

© Е.Е.Лях (ЯГПУ)

Образ Иосифа Праведного в новозаветной апокрифической традиции первых веков христианства

Личности Иосифа, или, как часто его называют, Иосифа Праведного, Иосифа Плотника, «обручника Марии», в раннехристианской литературе уделялось не так много внимания. Синоптики Матфей и Лука сообщают о нем весьма кратко. Иосиф происходил из дома Давида. Он был обручен с Марией, но «по обручении..., прежде нежели сочтались они, оказалось, что Она имеет во чреве от Духа Святого» (Мф. 1.18; Лк.1.27). Будучи праведен и не желая оглашения Марии, Иосиф хотел ее отпустить, но ангел остановил его, сказав, что сын, родившийся у Марии «от Духа Святого», спасет людей от грехов их. Кроме того, Иосиф должен был наречь сына Иисусом. Иосиф поступил, как велел ему ангел. Второй эпизод в евангелиях, связанный с Иосифом, встречаем только у Матфея. Он рассказывает об уходе Иосифа и Марии в Египет «от гнева Ирода» и о возвращении их «в землю Израилеву» после смерти Ирода. (Мф. 1.20-23) Лука сообщает также, что Иосиф и Мария ежегодно посещали Иерусалим на праздник Пасхи (Лк.2.41-50). Более мы не встречаем Иосифа Плотника на страницах канонических евангелий.

Таким образом, неизвестными остаются такие значимые моменты в судьбе Иосифа, как жизнь до обручения с Марией, отношение к Иисусу, Его учению и Его миссии, не рассказывается, как долго жил Иосиф, где и как он умер. Последний момент, время перехода в мир иной, момент предстояния человека перед вечностью, во всех культурах и тра-

дициях был особенно важен, так как подводил итог, а иногда обнаруживал истинный смысл человеческого бытия.

Эти моменты жизни Иосифа Праведного, безусловно вызывавшие интерес у христиан, получают свое освещение в новозаветных апокрифах. Иосиф является героем четырех апокрифов – «Евангелие детства», «Истории Иосифа Плотника», «Книга о рождении благодатной Марии и детстве Спасителя», «Евангелие Псевдо-Матфея». Все апокрифы были созданы позже канонических писаний – во II – V вв., имели широкое распространение среди верующих и были переведены на многие языки: греческий, сирийский, армянский, латынь, славянский и другие. По содержанию они очень схожи, а иногда просто дублируют друг друга. Например, «Евангелие Псевдо-Матфея» по структуре повторяет «Евангелие детства», прямо заимствуя из него фрагменты. Сообщения апокрифов об Иосифе не противоречат текстам канонических евангелий, но существенно дополняют их, создавая целостный образ Иосифа Праведного.

Апокрифы подтверждают, что Иосиф был плотником, родом из Вифлеема, города царя Давида. В отличие от канонических текстов, они сообщают, что Иосиф к моменту обручения с Марией был пожилым человеком, вдовцом, у него четверо сыновей и две дочери. При решении вопроса о том, кто будет опекуном Марии, выбор пал на Иосифа, так как «он был мудр, сведущ в законе и сделан священником в храме Господнем» [5. XI]. Иосиф принимает в дом Марию, которая живет у него два года. Когда Иосиф узнает о ее беременности, «страх, ужас, тоска и тревога охватывают его сердце, он не мог ни пить, ни есть в тот день» [5. V]. Далее апокрифы подтверждают сведения канонических евангелий, сообщая, что Иосиф решает не наказывать и обличать Марию, как этого требует иудейский закон, а тайно отпустить ее. Но ангел запрещает ему делать это, и Иосиф повинуется ангелу. После рождения Иисуса Иосиф, Мария и младенец

Иисус вынуждены бежать в Египет от гнева царя Ирода. Апокрифы подчеркивают трогательную заботу Иосифа о Марии и Иисусе во время далекого и опасного путешествия. Вернувшись в Назарет после смерти Ирода, Иосиф вновь начинает плотничать. Он «кормится от рук своих, как приписывает им завет Моисеев, ибо он никогда не получал пропитания от чужих трудов» [5. IX].

Далее апокрифы рассказывают об отношении Иосифа к мальчику Иисусу. Иосиф ведет себя как любящий отец, глава семьи. Он заботится об образовании и воспитании Иисуса, он отправляет Его учиться к учителям. Чудеса, совершаемые мальчиком Иисусом, вызывают злобу и зависть соседей, поэтому Иосиф, оберегая семью, бранит, а иногда и наказывает Иисуса за Его чудеса. «... Иосиф позвал мальчика и бранил Его, говоря, зачем ты делаешь то, из-за чего люди страдают и возненавидят нас, и будут преследовать нас». «... И когда Иосиф увидел, что Иисус сделал, он встал, взял Его за ухо и потянул сильно» [2. V]. В отличие от Марии, сохраняющей все увиденные ею чудеса в «сердце своем», Иосиф не придавал особого значения чудесам, совершаемым Иисусом, и удивился им лишь раз. Иосиф видел в Иисусе обычного мальчика, которого надо приучить к труду и обучить профессии.

Особое внимание апокрифы уделяют последним месяцам и дням жизни Иосифа Плотника. Он прожил до глубокой старости, до 111 лет, «не испытывая никакой телесной немощи, не утратил ни зрения, ни один зуб не выпал изо рта его. И разум его ни на минуту не затемнился. Но подобно младенцу, во все свои дела вносил он юношескую бодрость. И сохранил он здоровыми и безболезненными все члены свои» [5. X]. Чувствуя приближение смерти, «когда ангел возвестил, что час кончины близок, ... страх объял Иосифа, душа его смутилась» [5. XII]. Иосиф пошел в Иерусалим «и молился Богу, прося послать за своей душой архангела Ми-

хаила, чтобы душа его вышла из брэнного тела безболезненно, без страха и нетерпения. ... Ибо великий ужас и жестокая тоска овладевает всякой плотью в день кончины» [5. XII]. Он просил, чтобы архангел Михаил помешал злым духам и грозным демонам приблизиться к его душе и помог ей преодолеть волны огненного моря, грозных львов и подойти к раю. Из Иерусалима Иосиф вернулся в Назарет и сильно заболел. Перед самой смертью душа его «впала в тревогу» и он стал исповедовать грехи свои. В это время в его комнату вошел Иисус. Увидя Его, Иосиф воскликнул: «Приветствую Тебя много раз, о мой Дорогой Сын! Страдание и страх смерти уже приступили ко мне; но так как я внял голосу Твоему, душа моя обрела покой. О, Иисус из Назарета, Иисус, Утешение мое, Иисус, я поклоняюсь Тебе ныне во всем смирении и проливаю мои слезы перед Тобой, Ты Бог мой, Ты Господь мой» [5. XVII]. Таким образом, Иосиф лишь перед смертью признал Иисуса Богом. С помощью Иисуса архангел Михаил принял душу Иосифа и отстранил мрачных демонов.

Анализируя образ Иосифа Праведного, необходимо обратить внимание на две его стороны. Первая, Иосиф вопреки иудейскому закону, сомнениям, трудностям, опасности, непониманию и недоброжелательности окружающих, постоянно и терпеливо заботится о своей семье, о воспитании и образовании Иисуса. «... Если Святая Дева - это идеал материнства, то Иосиф Праведный на век запечатлел на земле высокий идеал супруга. На самой заре христианства среди злых обычаев и нетерпимости... он показал пример веры и гуманного отношения к женщине. Задолго до слов пламенного апостола Павла, всей своей жизнью доказал он, что любовь все покрывает, всему верит, всего надеется, все переносит» [5. С. 4].

Кроме «высокого идеала супруга», Иосиф воплощает образ идеального, с точки зрения христиан, иудея. На при-

мере его жизни автор апокрифа показывает причины перехода и сам переход иудея в христианство. Выбор этой темы не случаен, так как в раннехристианских общинах было немало иудеев.

Иудеи часто являлись героями апокрифов. Анализируя отношения первых христиан к иудеям, необходимо отметить, что оно было двойственным. С одной стороны, ряд апокрифов указывают на некоторое превосходство иудеев перед представителями других этносов, на их большую предрасположенность, готовность к пониманию и принятию христианства. Так, например, апостол Иуда Фома, имея дар от Духа Святого говорить на разных языках, придя в чужую страну для проповеди, пел именно на еврейском [1. С. 160]. В «Евангелие детства» рассказывается, что из трех учителей, занимавшихся с мальчиком Иисусом, двое почти сразу признали его «Великим Богом или ангелом» [2. VII], «полным великой благодати и мудрости» [2. XV]. Оба эти учителя были иудеями. В канонических писаниях отмечается избранность иудеев. «...иудеи люди набожные, из всякого народа под небесами» (Деян.2.5), или «Идите наипаче к погибшим овцам дома Израилева» (Мф.10.6;15.24). Евсевий сообщает, что «после первого великого гонения на Иерусалимскую Церковь ... ученики не в силах были отважиться на проповедь слова язычникам и возвещали его только иудеям» [2. II.8].

В то же время среди «необращенных», среди гонителей христиан авторы канонических и апокрифических книг называют иудеев (Мф.27.20; Деян.6.1-12; Деян.16.22; Деян.21.27-28); [8. С. 78-87; 6. С. 404]. Евсевий, говоря о «необращенных», о гонителях христиан, называет римлян, но чаще всего иудеев [4. II.1.8; 4. II.23.10; 4. III.5.2; 4. IV.15.29]. Очень резкие высказывания против иудеев содержатся у Иустина в «Разговоре с Трифоном иудеем». «... вы, подобно мухам, собираетесь и слетаетесь к ранам. Если бы кто-нибудь

прекрасно говорил о тысяче вещей, а сказал бы какую-нибудь малость, которая не понравилась бы вам или была бы не понятна ... или не точна: тогда бы вы, оставляя без внимания многое превосходно сказанное, схватываете незначительное словечко и стараетесь представить его как нечестие или беззаконие. ... Поэтому вы судимы от Господа за худые ли дела или за лживые, превратные истолкования ваши» [7. С. 318]. «... Вы не мудры и не разумны, но жестоки и лукавы, вы мудры только делать зло, но вы бессильны познать сокровенную волю Божью и верный завет Господа или найти вечные пути» [7. С. 330].

Чем же можно объяснить это двойственное отношение христиан к иудеям и сильные антииудейские настроения? Они заложены уже в канонических писаниях, которые не раз подчеркивали, что Иисус Христос проповедовал среди иудеев (Мф.10.16; Мф.15.24; Деян.2.5). В начале своей деятельности Его примеру следовали и апостолы. Идеи монотеизма были изначально присущи иудаизму, поэтому иудеи были более подготовлены к пониманию христианства. Ветхий Завет христиане считали своей священной книгой. Но после поражения иудейского восстания (132-135 г.), разрушения Иерусалимского храма происходит консолидация иудеев, уменьшается их количество в христианских общинах. Поражение иудейского восстания, крушение их надежд на скорый конец этого мира, разрушение Иерусалимского храма христиане стали рассматривать как справедливое наказание иудеям за казнь Христа, как воплощение слов «... кровь Его на нас и на детях наших» (Мф.27.25). Эти события привели к отдалению и разрыву христиан с иудеями. Вместо иудеев в христианские общины стали приходиться представители других народов, живших на территории Римской империи. Переосмыслив Ветхий Завет как пророческую, апокалипсическую книгу, христиане доказывали, что иудеи его не поняли и не узнали Мессию. Теперь, когда Христос принес Новый

Завет, от Ветхого Завета нужно отказаться. Возможно, сочетание всех вышеназванных явлений объясняет противоречивое отношение христиан к иудеям. Но, как не могли христиане окончательно отказаться от Ветхого Завета как от книги, пророчествующей об Иисусе Христе, так не могли окончательно порвать с иудаизмом как с одним из важнейших истоков своего учения.

Вернемся к образу Иосифа. На его примере автор апокрифа «История Иосифа Плотника» должен был объяснить читателям причины перехода иудея в христианство, доказать его необходимость и правильность. Иосиф, как показывает апокриф, безусловно, праведнейший из иудеев. Он «мудр», «сведущ в законе», «был священником в храме Господнем». Его профессия (плотник) и образ жизни («никогда не получал пропитания от чужих трудов») были уважаемы обществом. Но, несмотря на всю свою праведную, с точки зрения иудея, жизнь Иосиф боится приближения смерти. Праведная жизнь не спасает его от «ужаса», «жестокой тоски», «грозных демонов и духов», через которых должна пройти его душа. Иосиф просит помощи у Бога, но в его словах пока нет раскаяния в грехах прежней жизни, в них только просьба. Приближение смерти, ощущаемое им, и страх перед ней заставляют Иосифа ясно осознать свои грехи. Он раскаивается в них. «Горе языку, так как произносит слова тщеславия, лжи, неведения, заблуждения, непостоянства, лукавства; горе глазам, так как созерцали соблазн; горе ушам, так как услаждали речи клеветников; горе рукам, так как брали то, что не принадлежит им; горе чреву, так как желало запрещенную пищу; горе ногам, так как ходили не по путям Господним; горе человеку, умирающему в грехе» [5. XVI]. А осознание своих грехов, раскаяние в них является первым шагом к обращению в христианство. Сразу после раскаяния, которое как бы очистило душу Иосифа, к нему входит Иисус. И в этот момент Иосиф исповедует Его Богом,

и душа Иосифа обретает желанный покой. Таким образом, естественное для каждого иудея желание обрести посмертный покой и блаженство являются, с точки зрения автора апокрифа, важнейшими причинами прихода иудея в христианство. Основными этапами этого перехода названы страх за судьбу своей души; обращение к «своему богу»; появляющееся чувство богооставленности; исповедание грехов и признание истинного Бога. Апокриф «История Иосифа Плотника» возник в конце IV - начале V в., когда уже были известны первые жития святых, описывающие их безбоязненную, достойную смерть даже под пытками. Читатель должен был увидеть разительный контраст между переходом в иной мир христиан и «праведнейшего из иудеев» до тех пор, пока он не исповедовал Христа. Путь избавления от одного из самых сильных страхов - страха перед смертью, страха за судьбу души после смерти - вот о чем писал автор апокрифа и что должны были увидеть читатели. Своеобразный спор между иудаизмом и христианством полностью решился в пользу христианства.

Итак, образ Иосифа Праведного находит свое полное и последовательное раскрытие в новозаветной апокрифической традиции. Он дал новую возможность для христиан осмыслить наиболее актуальные и сложные вопросы как мировоззрения, так и повседневной жизни.

Библиографический список

1. Деяние Иуды Фомы апостола [Текст] / Е.С. Мещерская // Апокрифические деяния апостолов. – М., 1997. - С. 156-300.

2. Евангелие детства [Текст] / Свенцицкая И.С. // Апокрифические евангелия. – М., 1996. - С.179-186.

3. Евангелие Никодима [Текст] / Свенцицкая И.С.// Апокрифические сказания об Иисусе, святом семействе и свидетелях христовых. – М., 1999. - С.72-106.

4. Евсевий Памфил. Церковная история [Текст] / Евсевий Памфил. – М., 1993. - 456 с.

5. История Иосифа Плотника [Текст] / Свенцицкая И.С. // Апокрифические сказания об Иисусе, святом семействе и свидетелях христовых. – М., 1999. - С.47-64.

6. История Филиппа апостола и евангелиста [Текст]/ Скогорев А.П. // Апокрифические деяния апостолов. - СПб., 2000. - С. 327-358.

7. Иустин. Разговор с Трифоном иудеем [Текст]/ Иустин философ и мученик // Творения. – М., 1992. - С.132-362.

8. Учение Адама апостола, пророка и благовестника [Текст] / Мещерская Е.С. // Апокрифические деяния апостолов. – М., 1997. - С.75-111.

© Н.В. Новикова (ЯГПУ)

Избирательная реформа 1918 г. в Великобритании и миф о «великой суфражистской победе»

В годы Великой войны 1914-1918 гг., несмотря на существенное изменение стратегического курса большинства суфражистских обществ Великобритании, феминистки не отказывались от конечной цели своего движения - достижения политического равенства с мужчинами. В ведущих суфражистских изданиях не однажды подчёркивалась мысль о готовности организаций возобновить борьбу за избирательные права женщин, как только представится благоприятная возможность. Такие условия сложились к 1916 г. Внутреннее положение в Великобритании после двух лет ведения беспрецедентной войны складывалось так, что избежать значительных политических манёвров и очередной демократической реформы было практически невозможно.

Парламент, действовавший в годы войны, был избран в 1910 г., и его полномочия истекали к началу 1916 г. Ссылаясь на нецелесообразность проведения всеобщих выборов в условиях войны, ведущие политические партии, придерживавшиеся “перемирия”, сформировали коалиционное правительство в мае 1915 г., а парламент дважды в течение того же года продлевал сроки своего действия. Однако только обсуждение самой возможности национальной избирательной кампании в новой обстановке поставило перед правительством и законодателями ряд насущных проблем. Избирательная процедура в то время регулировалась в соответствии с законами 1884 и 1885 гг., по которым одним из определяющих был ценз оседлости: граждане имели право принимать участие в голосовании при условии проживания на одном месте не менее двенадцати месяцев, причем этот срок отсчитывался с момента последней регистрации потенциальных избирателей - с 15 июля предыдущего года. В обстановке войны, когда солдаты британской армии сражались за пределами страны, в подавляющем большинстве граждане либо потеряли своё избирательное право на основании ценза оседлости, либо не подлежали регистрации в силу имущественных ограничений. В результате правительство не только вынуждено было выдерживать критику оппозиции, подвергавшей сомнению его легитимность, но и учитывать общественное настроение, в котором укреплялось мнение, в особенности после введения обязательной воинской повинности, о необходимости дальнейшей демократизации избирательной системы. Одновременно в правящих кругах возобновились споры о возможности наделения избирательными правами женщин.

На протяжении 1915 и первой половины 1916 г. наибольшую активность в обсуждении вопроса и стремление найти его решение демонстрировал кабинет, тогда как нижняя палата парламента оставалась относительно пассивной.

Правительству важно было в тех условиях показать хотя бы видимость движения к обеспечению собственной легитимности, а члены парламента, которым война предоставила возможность и основания продлевать сроки депутатских полномочий, находились в более стабильном положении и не спешили с изменением избирательной процедуры.

Для выяснения позиций разных сторон и выработки согласованного решения по вопросу об изменении избирательной системы правительством был назначен комитет из представителей ведущих политических сил под руководством председателя палаты общин Дж. Лоутера. Среди 32 участников комитета, первое заседание которого состоялось 12 октября 1916 г., “суфражисты” и “антисуфражисты” были представлены в равной мере, однако вопрос о женском избирательном праве был далеко не приоритетным на заседаниях этого комитета. Его обсуждение было отложено до января 1917 г., когда все другие аспекты реформы были рассмотрены. К тому времени Д. Ллойд Джордж стал премьер-министром второго коалиционного правительства, и в его лице суфражистки нашли верного сторонника, в отличие от Г. Асквита, известного своим негативным отношением к политическим инициативам женщин.

Полный отчет о работе комитета спикера (именно под таким именем он вошел в историю) был обнародован 31 января 1917 г. Практические предложения комитета включали проект всеобщего избирательного права для мужчин с 21 года, а также упрощение процедуры голосования для солдат действующей армии, позволявшей им осуществлять своё политическое право по доверенности или по почте. Рассматривая вопрос о праве голоса для женщин, члены комитета высказывали опасение, что англичанки могут составить нежелательное большинство электората, поэтому было решено ввести возрастное ограничение для них, существенно отличающееся от мужского. В сущности,

комитет принял условия проекта, предложенного палате общин У. Диккинсоном ещё в 1913 г., согласно которому избирательным правом на общенациональных парламентских выборах наделялись бы женщины, пользовавшиеся правом голоса на местных выборах, и жёны избирателей органов местного самоуправления. С некоторыми поправками этот отчёт и составил основу будущего проекта реформы избирательной системы.

Таким образом, женские суфражистские организации оказались в стороне от событий, непосредственно вызвавших новое обсуждение проектов закона о народном представительстве. Очевидно, что непрерывная агитация немногочисленных и маловлиятельных суфражистских групп в пользу предоставления полных гражданских прав женщинам не имела прямого эффекта и не смогла убедить правительство поставить этот вопрос в политическую повестку. Изменение же обстановки и начало публичных дебатов по вопросу о национальной избирательной реформе предоставили суфражисткам возможность активизации своей прежней политики.

Модель поведения, избранная феминистками в ходе обсуждения законопроекта, и характер используемой ими риторики позволяют сделать заключение, что политическая позиция суфражистских обществ по этому вопросу отличалась предельной осторожностью и по существу была конформистской. Более того, если политики рассуждали о возможности включения женщин в электоральные списки в подчёркнуто снисходительном, покровительственном тоне, то последние, как показывают многие свидетельства, соглашались с отведённой им второстепенной, подчинённой ролью просительниц, ожидающих благоприятного решения “сильных мира сего”. Это положение в особенности справедливо в отношении самого многочисленного и авторитетного Национального союза обществ женского избиратель-

ного права, и, как видно из более поздних воспоминаний его идеологов и лидеров, со временем представления суфражисток о себе как “новичках”, “осмеливающихся” вступить в заветную, недоступную ранее сферу политики, еще более укрепились. Поэтому весьма характерными для таких авторов историй женского движения, как М. Фосетт и Р. Стрэчи, являются детальные описания встреч и обстоятельств переписки с известными депутатами парламента и членами кабинета - “друзьями суфражисток”, сопровождаемые почти апологетическими комментариями об их выдающихся личностных и деловых качествах, среди которых более всего ценились приверженность суфражистской идее и чувство юмора [См.: 1. Р. 121-155; 2. Р. 226-248; 3. Р. 350-366].

Робкая, безынициативная позиция руководства Национального союза проявилась в самом начале обсуждения возможности избирательной реформы. В мае 1916 г. М. Фосетт от имени своей организации направила письмо премьер-министру Г. Асквиту, в котором в самых осторожных выражениях подняла вопрос о женском равноправии. Основная мысль этого послания сводилась к заверению, что феминистские общества *далеки от намерения* оказывать давление на правительство, если законопроект, “о котором ходит столько слухов”, предусматривает лишь перерегистрацию на новых условиях избирателей, потерявших своё право голосовать на парламентских выборах в результате войны. Однако в случае, если правительство разрабатывает проект широкой реформы, направленной на пересмотр основ представительства с учётом воинской и трудовой повинности, Национальный союз счёл бы возможными попытки склонить членов кабинета к рассмотрению и женского вопроса [2. Р. 232-233]. Благоприятный ответ Г. Асквита, в общих словах пообещавшего свою поддержку, послужил своего рода сигналом к действию для суфражисток, с этих

пор направивших свои усилия на “сбор свидетельств общественной поддержки, которая стихийно растёт со всех сторон, и мобилизацию этой поддержки с целью убеждения парламента в необходимости учитывать её” [3. Р. 354]. Таким образом, с середины 1916 г. М. Фосетт считала главным делом организации “показать, что *теперь наступило время* (курсив в оригинале - Н.Н.), когда такая реформа была не только желанна, но и абсолютно необходима” [1. Р. 136]. Очевидно, что активизацию суфражистской пропаганды руководство Национального союза посчитало возможной только после своего рода санкции политической элиты, чего лидеры движения и не скрывали. Напротив, они пытались обратить это обстоятельство в дополнительный аргумент в свою пользу, представить его как доказательство женской лояльности и, значит, соответствия требованиям политического гражданства.

Вскоре министры и влиятельные депутаты парламента были засыпаны письмами и петициями, которые настаивали на включении требований женского избирательного права в проект обсуждаемой реформы. Главным аргументом феминисток стал тезис о необходимости признания вклада англичанок в обеспечение боеспособности страны или, в соответствии с особенностями риторики того времени, “аргумент силы”. Это можно объяснить двумя главными соображениями. Во-первых, феминистки следовали логике, предложенной самими инициаторами и авторами законопроекта, которые в ходе дискуссии оперировали такими понятиями, как “демократия”, “служба отечеству”, “патриотизм”, “социальная справедливость”. И, во-вторых, аргумент физической силы являлся ведущим при определении института политического гражданства. Согласно доминировавшим представлениям, полноценным гражданином страны мог считаться только тот, кто способен физически обеспечить вклад в благосостояние и обороноспособность

страны. Главным образом на этом основании женщинам было отказано в праве иметь самостоятельное представительство в парламенте. Как считали суфражистки, война опровергла это предубеждение и англичанки доказали свою способность к созидательному, общественно необходимому труду.

Несмотря на попытки энергично проводить пропагандистскую кампанию, организовывать встречи с политиками и женские депутации, сформированный комитет подтверждал принципиальную позицию Национального союза: если будет признано достаточным только перерегистрировать “старых” избирателей, учитывая их заслуги перед отечеством в ходе войны, то женское движение отзовёт своё требование.

Недостаток активности и выраженной политической воли, зависимая и, в сущности, пассивная позиция, занимаемая женскими организациями, были заметны даже наблюдателям со стороны. Например, видный государственный деятель лорд Нортклифф, проявлявший заинтересованность не столько в широкой демократической избирательной реформе, сколько в возможности увеличения электората за счёт консервативно настроенных состоятельных женщин, в одном из частных писем с сожалением заметил, что “абсолютно нигде [в стране - Н.Н.] нет движения в поддержку женского избирательного права”[2. Р. 238]. К моменту созыва комитета спикера Национальный союз так и не решился на организацию массовой кампании в поддержку женского политического требования. Получив отказ в просьбе присутствовать на заседаниях комитета и представить на рассмотрение его членов свои аргументы, руководители Союза ограничились лишь ожиданием её результатов.

Опасения, что предложения, касающиеся женских избирательных прав, могут быть исключены из законопро-

екта на любом из этапов его обсуждения, обусловили всю деятельность М. Фосетт. Известно, что она входила в состав группы, которая обсуждала содержание проекта, представленного комитету У. Диккинсоном, и в конечном итоге она согласилась на введение возрастного ограничения для женщин. Во-первых, М. Фосетт понимала, что шансы на включение требования всеобщего избирательного права в число предложений комитета невелики и все попытки его сторонников оказать давление “рискуют потерять даже общую рекомендацию о женском праве голоса в любой форме”. И, во-вторых, она учитывала, что внимание участников будет привлечено к проблеме численного преобладания женщин над мужчинами. “Думаю, что мы пришли к общему соглашению, что наименее спорный путь сокращения числа [голосующих] женщин - повышение возрастного ценза для них”, - заключила она в своём отчете о встрече исполнительному комитету Союза [Ibidem].

Решения комитета спикера тем не менее не были единодушно приняты всеми членами исполнительного комитета Национального союза. В частности, Э. Ретбон, которая в 1919 г. сменила М. Фосетт на посту президента суфражистского объединения, возражала против предложенного проекта, так как он исключал из электората большинство работниц. Однако её инициатива организовать кампанию в поддержку альтернативного проекта реформы избирательной системы не получила одобрения. Точку зрения президента о том, что “лучше несовершенный законопроект, который может быть утверждён, чем совершеннейшая схема в мире, которая не может пройти утверждение” [2. Р. 243], разделило большинство (11 против 7) комитета. В феврале 1917 г. на страницах “Коммон Коз” М. Фосетт подвела итог дискуссии, развернувшейся в руководстве Национального союза: “Мы требуем и будем продолжать требовать избирательных прав для женщин на тех же услови-

ях, какие уже предоставлены и будут предоставлены мужчинам. Однако я не думаю, что это так замечательно, когда парламент одним ударом отказался бы наделить правом голоса все женское население. Мужчины в этой стране никогда не получали политические права в такой оптовой форме” [4. Р. 98].

Примечательно, что позднее в своих мемуарах М. Фосетт останавливается на этом эпизоде и снова подчёркивает свою поддержку решениям комитета спикера. Но, если в 1917 г. она соглашалась с мнением, что предложенный законопроект - ограниченная и неудовлетворительная уступка женским требованиям, то в 1920 г. она оценивает эти события как знак успеха и безусловной победы женского движения: “Некоторые пылкие суфражистки выступили с протестом против решений комитета спикера как нарушающих независимость женщин. Понимая эти возражения, я не разделяла их. Напротив, я чувствовала, что [эти решения - Н.Н.] означали существенный прогресс, так как признавали в практической политической форме общепризнанный и наиболее ценный социальный факт, а именно - партнерство жены и матери в доме” [1. Р. 141].

Приведенные свидетельства признанного лидера суфражисток, относящиеся к разным периодам времени, помогают проследить, как одни и те же факты получали различную интерпретацию в зависимости от конкретной ситуации, а история борьбы за женское политическое равноправие постепенно обростала мифами, создаваемыми самими участниками движения. Миф о “великой суфражистской победе” 1918 г., в частности, оказался самым устойчивым.

Возвращаясь к событиям военного времени, необходимо отметить, что только после окончания работы комитета спикера, получив реальные свидетельства намерений политической элиты положительно решить женский вопрос,

руководство Национального союза активизировало публичную деятельность, чтобы путём продуманного давления на видных политиков обеспечить нужный перевес сил в пользу суфражисток. Однако, на наш взгляд, трудно предположить, что организованные ими митинги и шествия, визиты делегаций, петиции членам парламента и кабинета министров имели какой-либо действенный эффект. Механизм работы над предложенным законопроектом был уже запущен, и суфражистки могли с равным успехом оставаться лишь в роли наблюдателей.

Библиографический список

1. Fawcett, M. G. The Women's Victory and After: Personal Reminiscences, 1911-1918 [Текст] / M. G. Fawcett. - London: Sidgwick & Jackson, 1920.- 177 p.

2. Fawcett, M. G. What I Remember [Текст] / M. G. Fawcett. - London: Adelphi Terrace, 1924.- 260 p., ill.

3. Strachey, R. "The Cause". A Short History of the Women's Movement in Great Britain [Текст] / R. Strachey - London: G.Bell and Sons, LTD, 1928.- 429 p.

4. The Common Cause [Текст]. – London, 1917 - February 9.

© Ю. Е. Барлова (ЯГПУ)

Бедность, нужда и пауперизм в трудах английских политиков и мыслителей конца XVIII – I половины XIX века

В исторической литературе часто констатируется тот факт, что проблема нищеты в Англии резко обострилась в конце XVIII века. Действительно, в 1780 – 1790-х гг. в Англии и Уэльсе, вследствие роста безработицы, высоких цен на продовольствие, низких заработных плат, в результате последствий огораживаний, а также вовлечения Британии в

войны с Францией, во многих графствах выросли налоги на бедных, что было невыгодно не только состоятельным лендлордам, но и фермерам средней руки, а также простым прихожанам, имевшим землю в пользовании. Поэтому, когда мы признаем, что политики и мыслители того времени заинтересовались проблемой бедности вследствие ее обострения, мы говорим не языком бедных, которым в то время редко позволялось «говорить самим за себя», а языком элиты, которую эта проблема начала беспокоить. Под «обострением проблемы», соответственно, имелось в виду не столько ухудшение экономического положения бедняков, сколько неудобства, возникающие у тех общественных слоев, которые платили налог в пользу бедных. Таким образом, изучая взгляды на бедность в конце XVIII - начале XIX в., мы вынуждены мыслить теми категориями, стереотипами, которые были оформлены посредством предубеждений элиты того времени.

Воспринимая бедность как нужду, английские политики и мыслители выделяли две прослойки бедняков: первая – это ремесленники, сельские рабочие, одинокие женщины, дети и старики, ограниченные в средствах и нуждавшиеся в частной или общественной помощи. Вторая – пауперы, напрямую зависимые от организованной социальной помощи. Именно последняя группа в прямом смысле была сотворена социальной и политической элитой, которая, по сути, определяла, кто может называться бедным, а кто нет, и «заслуживает» ли человек социальную дотацию. С XVII в. пауперы, получавшие довольствие, были отделены от бедных в целом. И это скорее было не экономическое, а чисто административное отделение – жест властей, наделенных соответствующими полномочиями. Статус нищего, паупера, по словам английского исследователя, «был в прямом смысле сконструирован властью с помощью выплат, учреждений и закона»[1].

В целом, таким образом, проблема бедности воспринималась в английском интеллектуальном дискурсе как проблема *«абсолютной бедности»*, бедности как нищеты и пауперизма. Однако уже в конце XVIII в. появились первые попытки рассмотреть бедность как *относительную категорию*. Так, Адам Смит писал, что «в некоторых государствах сочтут необходимостью то, что в других посчитают за роскошь – например, льняные сорочки или кожаную обувь... Заработок же самого скромного рабочего может обеспечить самое необходимое для жизни - есть и одеваться, обустроить дом, завести семью... Большое количество заработка уходит на удобства, которые могут быть даже отнесены к излишествам...». Относительную природу бедности Смит, таким образом, выявляет через связь бедности и *социального стыда* - или разрыва между социальными стандартами и материальной способностью придерживаться их, будто бы «предвещаая» появившийся в XX в. *субъективный* подход к бедности – «бедность как ощущение себя бедным»[2].

Большинство мыслителей нового времени признавали, что бедность - категория *экономическая*. В то же время – возможно, под влиянием идей протестантской этики и особенностей английского Просвещения (представители которого, как известно, особое внимание уделяли вопросам морали и нравственности) – в рассуждениях о бедности конца XVIII – первой половины XIX вв. большое место занимают моральные, нравственные, ценностные аспекты. Об этом свидетельствуют даже эпитеты, употреблявшиеся вместе со словами «бедность» и «бедные». Э. Берк называл бедность «противоестественной», «заслуживающей порицания», «безнадежной», смотрящей на любую собственность «глазами, полными зависти»[3]. Д. Юм писал, что «бедность и тяжкий труд *деморализуют* умы простых людей, делая их непригодными для любого рода наук и искус-

ных профессий», связывая воедино категории «бедность» и «стыд»[4]. Связывал бедность с безнравственностью и преступлениями и Дж. Бенгам – он считал, что «беднейшие слои... в результате нужды или простоты, или того и другого, наиболее открыты для обманов и манипуляций...». Интересно, что, апеллируя к морали, мыслители конца XVIII в., даже если они по-разному относились к бедным, говорили о предпочтительности «срединной ситуации» - ни бедность, ни богатство. У. Годвин, которого причисляют к ранним социалистам, мечтал, что в воображаемой им коммуне все живут «в одинаково скромном достатке»[5]. Д. Юм цитирует молитву, которая призывает Бога «не дать ни Бедности, ни Богатства, дать же еды столько, сколько достаточно для пропитания... поскольку в первом случае я буду сыт и стану отрицать бога,... а во втором случае я буду беден, и украду, и опорочу имя Господа»[6].

В любом случае пагубное влияние на мораль крайней бедности, нужды не оспаривал, наверное, ни один мыслитель. Более того, именно «моральные» аргументы преобладали в дискуссиях по наиболее острому вопросу, касавшемуся проблемы бедности, - вопросу о том, каковы причины живучести в обществе этого явления и как решать проблемы, связанные с нищетой и пауперизмом.

По этому вопросу научная и общественная мысль конца XVIII – начала XIX вв. разделилась на два противоположных направления. Первое часто называют «мальтузианским», или «социал-дарвинистским», второе – «эгалитаристским», хотя ни хронологически, ни концептуально эти названия не точны[7]. Представители первого направления – те, кто, объясняя причины бедности, основывались на так называемом принципе ее *личной обусловленности* (люди сами виноваты в своей нищете) и считали, что выходом является отказ от дотаций бедным и ориентация последних на самопомощь. Родоначальником этого подхода

является Дж.Тауншенд, уже в 1786 г. в работе «Исследование законов о бедных доброжелателем человечества» высказывавший идеи, которые впоследствии повторил Т. Мальтус и которые, соответственно, были объединены термином «мальтузианство». «Количество пищи, – пишет Д. Тауншенд, – вот что регулирует численность человеческого вида». Это закон природы, который человек не способен отменить или изменить[8]. Рано или поздно численность населения начинает превышать количество пищи, поэтому в обществе всегда должны быть бедные, которые обречены на голод и нуждаются в работе. Они и являются истинными виновниками чрезмерной нищеты – так как увеличивают свою численность ранее, чем будет обеспечена достаточная для их поддержания провизия. Таким образом, Тауншенд выделяет три причины роста нищеты: безрассудное размножение бедных, леность и порочность бедняков, лишенных добродетелей протестантской этики - трудолюбия, трезвости и бережливости, - и английские законы о бедных, по которым общество должно содержать пауперов. Выход из положения - воздействовать на нищету голодом. Это приведет к сокращению населения и тем самым ограничит главный источник нищеты. Кроме того, голод – идеальное средство принуждения бедных к труду: беднякам «мало известны мотивы, которые стимулируют деятельность более высоких слоев общества: гордость, честь, честолюбие. В результате лишь только голод может заставить их работать»[9].

Аргументы Тауншенда почти слово в слово повторялись в более поздних сочинениях Т. Мальтуса и Д. Риккардо. Так, в ставшем классическим труде Мальтуса «Опыт о законе народонаселения...» (1798) предлагается знаменитая формула, объясняющая нехватку средств к существованию на всех: население имеет тенденцию к росту в *геометрической* прогрессии, тогда как средства к существованию рас-

тут в *арифметической*. Т. Мальтус считал, что «система государственной помощи бедным поощряет размножение населения и тем самым увеличивает бедность. Поэтому, чтобы поднять благосостояние населения, нужно отменить законы о бедных и предоставить помощь нуждающимся всецело частной благотворительности». Кроме того, он считал, что человек «должен воздерживаться от вступления в брак до тех пор, пока он не окажется в состоянии содержать рожденных им детей. Все это приведет к сокращению прироста населения и, в конечном счете, к преодолению нищеты, к улучшению участи и увеличению счастья низших классов общества»[10]. «Только прививая беднякам ценности независимости, - писал через несколько лет экономист Дэвид Риккардо, - и обучая их не искать постоянно систематической или случайной благотворительности, а искать собственные источники поддержки, ... мы значительно приблизимся к более стабильному и здоровому государству»[11].

«Отец утилитаризма» Дж. Бентам перефразировал эту же аргументацию в своей работе «В защиту излишеств. Боль и наслаждение» (1818). Он настаивал на том, что, проводя жесткие и даже антисоциальные меры в отношении бедных, можно не только блокировать, но и устранять социальные проблемы: «Если сделать помощь бедным *болезненной*, - писал он, - бедные от этого лишь выиграют, так как будут стремиться *сами поддерживать себя*,... и в дальнейшем это приведет их к наслаждению... Бедные перестанут быть паразитами. Им вернут их достоинство». В этой же работе Бентам разработал план «Паноптикона» - некоего прообраза работного дома XIX в., в котором должны были содержаться все трудоспособные люди без собственности и без профессии (их он насчитал около миллиона). Суровая диета, изоляция и строгая дисциплина, верил Бентам, сде-

лают бедных продуктивными, трезвыми и замедлят их чрезмерное воспроизводство.

Похожих взглядов придерживался и Ф. М. Иден, трехтомное сочинение которого «Положение бедных» (1797) содержало подробное описание условий жизни трудящейся бедноты, детальные отчеты из рабочих домов и домов призрения, за что его, кстати, высоко оценивал К. Маркс. Лишь *самопомощь*, писал Иден, сможет облегчить существование бедных, а любое законодательно оформленное «право на помощь» будет ослаблять сильнейший двигатель человечества – стремление к обладанию собственностью [12].

Показательно, что все упомянутые выше мыслители ссылаются на труды А. Смита, который все же смотрел на эту проблему немного по-другому. В русле своей общей доктрины Смит полагал, что попытки бороться с бедностью бесполезны и обречены на провал, т.к. они являются вмешательством в законы рынка. Будущее процветание и богатых, и бедных, считал он, зависит от свободы рынка труда. По логике Смита, безработные сами вправе выбирать себе работодателя, а последние вправе нанимать рабочих за самое маленькое жалованье, за которое они (рабочие) согласятся у них работать, и так как труд в современном обществе является предметом, регулируемым законами спроса и предложения, со временем заработка бедных сами зафиксируются на своем «естественном» уровне.

Кардинально иного взгляда на нищету и ее причины придерживались представители второго направления – это У. Годвин, У. Хэзлитт, Ч. Холл. Писатель и публицист У. Годвин в двухтомном трактате «Рассуждение относительно политической справедливости» (1793) признавал, что общество делится на два класса – богатых и бедных. Последние составляют 98% населения. Причина нищеты – в существовании частной собственности. Годвин полагал, что в

идеальной общине одинаково скромно обеспеченных тружеников «люди будут приучены к простым началам справедливости и поймут, что ничто, кроме дарований и добродетелей, не дает права на уважение»[13].

Уильям Хэзлитт в памфлете «Мальтус и свободы для бедняков» (1807) обвиняет Т. Мальтуса в том, что тот «сделал себя пророком богатых и великих, особенно тех из них, кто не склонен к подаяниям..., с помощью магических формул типа «излишнее» или «избыточное» население»[14]. Показательно, что Хэзлитт, в отличие от большинства своих современников, хотя бы пытается говорить от лица самих бедных, ссылаясь на их мнения: «Не так давно я спросил старого работающего крестьянина – думает ли он, что нищета в его округе возникла по причине увеличения работающих бедняков, в результате которого стало не хватать работы на всех. Он ответил: «Нет!», сказав, что в его местности не стало больше людей, чем обычно, и не больше, чем требуется для того, чтобы выполнять соответствующие работы летом, чтобы выжить зимой...Выжить зимой! Боже праведный! Неужели эти слова не ранят сердца богатых и могущественных сильнее, чем любой плач?» Хэзлитт, по сути, предлагает сократить расходы на роскошь: «лошади для удовольствий и экипажей, повсеместно содержащиеся в этом королевстве, потребляют такое количество продукции, производимой землей, какого было бы достаточно для содержания всех пауперов... Мальтус... подаст бедному жесткое, как скребок, полотенце, а сам возьмет чистый, белый носовой платок, чтобы стереть помаду со щеки раскрашенной проститутки...!» В то же время Хэзлитт признает, что налоги на бедных тяжелы для обычных людей, «гуманность которых оказалась обескровленной налоговым бременем, возложенным на них их экономикой», и тоже поддерживает идею самопомощи: «Спасе-

ние бедняков, я убежден, должно происходить изнутри их круга»[15].

Ч. Холл, врач по образованию, в труде «Влияние цивилизации на народы европейских государств» (1805) выделяет два общественных класса: богатых и бедных – и связывает понятия «богатство» и «власть». «Господство богатых над трудом бедных столь же сильно и эффективно, - пишет он, - как власть над своими подданными наиболее абсолютного из всех когда-либо живших монархов...»[16]. Но, обращаясь к статистическим данным, он показывает, что в силу огромной смертности, особенно детской, среди бедняков естественный прирост этой части общества крайне низок. А раз так, то утверждение Т. Мальтуса, будто нищета народных масс есть следствие их неразумного размножения – ложно. Не невежество и тупость народа является причиной его нищеты, а наоборот, нищета масс – причина их умственной и нравственной неразвитости. Считая цивилизованное общество в существующем виде несправедливым, Ч. Холл в качестве идеала видит общество, в котором каждый ведет хозяйство и распоряжается продуктом своего труда.

Таким образом, представителей второго направления объединяет критика в адрес последователей Тауншенда и Мальтуса, попытка взглянуть на проблему «глазами бедных», «морально-нравственный» уклон в аргументации и довольно абстрактные предложения относительно решения проблемы нищеты. Возможно, именно поэтому они не отвергали идеи самопомощи как выхода из кризисной для бедных ситуации.

Знакомство со взглядами английских политиков и мыслителей конца XVIII – первой половины XIX в. выявляет три вида восприятия бедных элитой в новое время: как объектов благотворительности, жалости, симпатии и щедрости, как угрозу общественному порядку, общественной

морали и общественному здоровью и, наконец, как потенциальный производственный ресурс: надо обучить их трудиться, дать им нужные стимулы, и они начнут работать на общее благо. В целом с конца XVIII в. происходит трансформация восприятия бедных - «от симпатии к угрозе, которую необходимо контролировать или использовать с целью социального и экономического конструирования» [17].

Показательно, что проанализированный нами первый этап дебатов о бедности закончился отменой в 1834 г. всех государственных дотаций бедным и заменой их «анти-социальной» системой рабочих домов. Но именно это повлияло на то, что в конце XIX - начале XX в. в Англии зародились идеи социального либерализма, были проведены важные социальные реформы, на основе которых в середине XX в. сформировалась модель социально-экономического и политического устройства, получившая название «государства всеобщего благосостояния» («Welfare State»), предусматривающего ответственность общества за уровень жизни тех людей, кто был не в состоянии обеспечить себя самостоятельно.

Как верно замечает британский исследователь П. Линдерт, диалог по вопросу о социальной помощи до сих пор не закончился и вполне актуален, так как два основных «потока аргументов», которые «повторялись, видоизменяясь, в течение столетий», по сути, отражают «вечный» конфликт между желанием помочь другим и желанием дать им стимул к самопомощи [18].

Библиографический список

1. Slack P. Poverty and Policy in Tudor and Stuart England [Text]. L., 1993. - 7 p.
2. Smith, A. The Theory of Moral Sentiments [Text]. Part I, section III, paragraph I.III.16

3. The Works of the Right Honourable Edmund Burke. [Text] L., 1857. In 16 vol. [Vol. 2, Reflections on the Revolution in France](#), paragraph 2.1.63, 2.1.74, 2.1.172, 2.1.189

4. Hume, David. *Essays, Moral, Political, and Literary*. Library of Economics and Liberty. Retrieved from the World Wide Web: <http://www.econlib.org/library/LFBooks/Hume/hmMPL1.html>

5. Годвин В. О собственности [Текст] / В.О. Годвин. - М., 1958.

6. Hume D. Op. Cit.

7. См., напр., Сычева В. С. Измерение уровня бедности: история вопроса [Текст] / В.С. Сычев // Социологические исследования. - М., 1996. - № 4. - 141 с.

8. Townsend J. Dissertation on the Poor Law by a Well-Wisher of Mankind [Text]: Berkeley, Los Angeles, London, 1971 - 38 p.

9. Ibid. [Text] - 23 p.

10. Цит. по: Jones K. The making of Social Policy in Britain. [Text] - 8-9 p.

11. Цит. по: Jones K. Op. Cit. [Text] - 10-11 p.

12. Identifying the Poor: papers on measuring poverty to celebrate the bicentenary of the publication in 1797 the "State of the Poor" by Sir Frederick Morton Eden. Ed. F. G. Pyatt [Text]. Oxford, 1999.

13. Годвин, В. О собственности [Текст] / В.О. Годвин. - М., 1958.

14. Hazlitt, W. Reply to Malthus. Malthus and the Liberties for the Poor [Text]. London, Longman, 1807. - 3-6 p.

15. Ibidem

16. Hall Ch. The Effects of Civilization on the People in European States [Text]. New York, 1965. - 47-48 p.

17. Slack P. Op. Cit. - 205 p.

18. Lindert P. H. Growing Public. Social Spending and Economic Growth since the 18 century. [Text]: Vol. I. The Story. Cambridge, 2004. - 377 p. - 3-4 p.

Партизанское движение в Эфиопии в 1935-1942 гг.

История партизанского движения является одной из наиболее дискуссионных страниц в историографии Второй мировой войны. До сих пор вызывают споры вопросы о его составе, движущих силах, целях, средствах и методах борьбы. Опыт сопротивления народов Востока против оккупационных войск обобщен еще недостаточно, как и типология их борьбы. А между тем она внесла немалый вклад в конечную победу над фашизмом. В этом отношении особый интерес вызывает партизанское движение в Эфиопии как пример одного из первых сопротивлений оккупационному режиму в условиях современной войны.

Народная борьба с фашизмом на территории этого африканского государства не была объектом специальных исследований, занимая лишь отдельные страницы в работах по общей и военной истории Эфиопии. Она оказалась в тени боевых действий регулярной армии в двух итало-эфиопских войнах (1895-96 гг. и 1935-36 гг.), которые привлекали внимание всей Европы. После поражения войск Эфиопии и ее провозглашения частью итальянской колониальной империи в мае 1936 года интерес к этому государству заметно упал перед европейскими проблемами, в то время как в Эфиопии борьба не только не прекратилась, но вспыхнула с новой силой.

Основными дискуссионными вопросами эфиопского партизанского движения являются периодизация, состав участников, отношения партизан, коллаборационистов и местного населения, идеология движения, источники снабжения, стратегия, тактика и эффективность партизанских действий, воздействие политики оккупационных властей на

интенсивность движения, его влияние на общественно-политическую жизнь страны.

Существует два основных подхода к периодизации партизанского движения. Польские ученые А. Бартницкий и И. Мантель-Нечко выделяют два периода так называемых «Великих партизанских войн» (1936-1937 и 1938-1941), которые разделяет начало проведения более либеральной «новой итальянской политики» князя Д'Аосты на рубеже 1937-38 годов [1. С. 516]. Однако эта периодизация скорее отражает изменения и тактике борьбы с партизанами оккупационных властей, чем само движение, поскольку масштабы партизанской борьбы на протяжении обоих этапов оставались достаточно соразмерными и деятельность Д'Аосты значительно на нее не повлияла.

Эфиопский историк Бахру Зевде считает, что партизанское движение прошло два этапа, разделяемые покушением на итальянского вице-короля Грациани и последовавшим за ним террором в феврале 1937 года. Первый этап представлял собой борьбу оставшихся регулярных войск, которую возглавляли крупные феодалы, склонные к компромиссам с итальянцами. Второй этап характеризовался всенародной борьбой с оккупантами под руководством военачальников более низкого ранга, склонных к войне до победного конца [3. Р. 167]. Однако эта периодизация также довольно условна, поскольку борьба за полное освобождение Эфиопии была характерна для обоих этапов сопротивления. Не случайно многие из «склонных к компромиссу» высших феодалов были в конечном итоге захвачены в плен или расстреляны итальянцами, что вполне объясняет их замену на военачальников более низкого ранга. К тому же последние нередко переходили в подчинение более знатных феодалов либо сами имели довольно высокое происхождение. Например, в провинции Годжам руководителями партизанской борьбы были внуки ее бывшего полунезависимо-

го правителя негуса Такла Хайманота, а в провинциях Шоа и Бегемдыр из заточения были освобождены сыновья свергнутого в 1916 году императора Лиджа Иясу, которые жаловали титулами наиболее видных партизанских командиров.

Более объективным является критерий выделения этапов партизанского движения согласно тактике борьбы его участников: 1. октябрь 1935 – май 1936 (от начала войны до захвата итальянцами Аддис-Абебы) – партизанское движение играло вспомогательную роль для регулярных войск; 2. май 1936 – октябрь 1937 (от провозглашения аннексии Эфиопии Италией до краткосрочного освобождения партизанами города Адуа) – проведение партизанским движением крупных боевых операций; 3. октябрь 1937 – август 1940 (от захвата итальянцами Адуа до прибытия английской «миссии 101» для координации партизанской деятельности) – оборонительный этап партизанского движения, что не сказалось на массовости борьбы; 4. сентябрь 1940 – май 1941 (от освобождения партизанами большей части провинции Годжам до вступления императора Хайле Селассие I в Аддис-Абебу) – наступательный этап партизанского движения во взаимодействии с англичанами; 5. май 1941 – январь 1942 (освобождение всей территории страны) – развитие партизанского движения по нисходящей.

Таким образом, партизанская борьба в Эфиопии началась уже во время боевых действий регулярных армий в 1935 г. Отдельные подразделения эфиопских войск, разбитые итальянцами, оставались на местах и по собственной инициативе приступали к партизанским действиям и к грабежу местного населения, что было в традиции эфиопской армии, содержавшейся феодальными поборами. Несмотря на реформы Хайле Селассие I, проводившиеся в предвоенные годы, централизованного снабжения вооруженных сил

добиться не удалось. Феодалная система обеспечения армии распространилась и на партизанское движение. Поскольку большинство отрядов возглавляли бывшие чиновники провинций, они продолжали собирать традиционные налоги. Это обусловило слабость снабжения партизан и заставило переходить к активным действиям на итальянских коммуникациях, потому что разоренная войной страна не могла дать движению всего необходимого, а особенно оружия и боеприпасов.

Основными участниками борьбы против оккупантов в Эфиопии стали многие бывшие сановники императора, провинциальные феодалы, военнотружущие, крестьянство, интеллигенция и духовенство. Они подразделялись на три категории: «дарак тор» – постоянные солдаты; «мададе тор» – крестьяне, сражавшиеся только по необходимости; «гафиры» – партизанские информаторы в городах [З. Р. 172].

В целом партизанское движение было довольно разнородным и многообразным по мотивации и идеологии. К сопротивлению людей толкала традиционная агрессивность к внешнему миру, религиозные мотивы, стремление к сохранению феодальных порядков, на которые покушались итальянцы, патриотизм и желание выжить. Разрушая феодальную систему и образование, отдавая лучшие земли итальянским поселенцам, развивая товарно-денежные отношения, оккупационные власти нарушали основы жизни большинства населения страны, тем самым расширяя базу партизанского движения. Необходимо отметить, что поражение регулярных войск не так болезненно сказалось на эфиопах, как на это рассчитывали итальянцы. Историческая традиция Эфиопии знала длительные периоды оккупации, которые приводили к восстановлению христианского царства. Так было и в период падения Аксумского государства в X веке, так было и во времена войны с мусульманами Ах-

мада Граня в первой половине XVI века, так было и в период обращения императорской верхушки в католическую веру при Сисиннии (1607-1632) и, наконец, во время английской экспедиции лорда Нэпира в 1867-68 гг. Однако во все эти тяжелые периоды правитель Эфиопии находился в стране. Поэтому большинство участников сопротивления не могли простить императору отъезд из страны. На этой почве появлялись республиканские настроения. Однако большинство участников борьбы придерживались традиционных промонархических взглядов. Не случайно они пытались найти замену отъехавшему императору в виде сыновей Лиджа Иясу или восстановления традиционных правителей. К тому же император в 1941 году все-таки вернулся в страну вместе с английскими войсками, что первоначально тоже было воспринято вполне адекватно, поскольку в середине XIX века англичане уже помогали эфиопским феодалам справиться с самовластием императора Теодроса II. Однако не стоит преувеличивать степень влияния международной обстановки на партизанское движение в Эфиопии, как это делали А. Бартницкий и И. Мانتель-Нечко, связывавшие его интенсивность с осознанием эфиопами международной ситуации [1. С. 514]. Большинство партизан не имели не только никакого представления о событиях в мире, но часто и о происшествиях в других провинциях, поскольку координация партизанских отрядов практически отсутствовала. Они сражались за свое государство, за свою веру, за свои традиции против «римского цезаря». Партизаны были убеждены, что их страна «не имеет лучших защитников, чем они сами», что она будет жить вечно [2. С. 894-895]. В этом их убеждало и эфиопское духовенство, которое призывало людей к борьбе с врагом и само показывало пример в лице расстрелянного итальянцами абуны Петроса.

Итальянцы осознавали крепкую связь традиционной культуры и движения сопротивления. Не случайно вице-король Грациани после покушения на его жизнь приказал уничтожить монахов монастыря Дабра Либанос, одной из главных святынь Эфиопии. 21 мая 1937 г. 297 монахов и 23 подозреваемых соучастников были расстреляны, более 100 диаконов и школяров высланы и тоже позднее казнены. Еще несколько сотен монахов были отправлены в концентрационные лагеря [6. Р. 226-227].

Итальянцы уничтожали как традиционную эфиопскую культуру, так и с трудом созданное Хайле Селассие современное образование путем физического истребления его носителей, что оттолкнуло от них и интеллигенцию, которая до войны нередко жаждала колонизации своей страны для последующего развития. С. Панкхерст справедливо писала: «Во время итальянской оккупации школы в Эфиопии были закрыты и всякое настоящее образование для эфиопского народа кончилось» [7. Р. 548]. То, что итальянские фашисты создавали взамен, трудно было назвать образованием. Публично Грациани заявлял: «Мы будем открывать школы, чтобы эфиопский народ мог выйти из своего векового невежества и идти к свету истины» [4. Р. 8], а в документах для служебного пользования итальянцы писали вполне откровенно, как, например, генерал Гульемо Наси, губернатор провинции Харар: «Я все еще замечаю, что уполномоченные и граждане, прежде всего, носятся с идеей расширить начальное образование для туземцев и учить нашему языку как можно больше детей. Это глубокая политическая ошибка, которая ведет к тому, чтобы вывести из их собственного класса тех людей, которые будут иметь внешний лоск образованности и будут отказываться от работы в полях, как мы это знаем из нашего собственного колониального опыта и опыта других колоний. Их влечет в город, где они домогаются государственной службы, конку-

рируют с националами в профессиях, которые должны быть уделом последних, образуя класс недовольных или, хуже того, мятежных людей. Мы должны оставить строго необходимое образование только для сыновей вождей и наиболее важной знати, потому что они могут позднее унаследовать должности своих отцов, служить нам переводчиками и занимать скромное должностное положение» [8. Р. 49-50]. Эта директива вполне объясняет расширение базы партизанского движения. Прогрессивная интеллигенция, которая до войны критиковала пороки своей отсталой страны, не постыдилась встать в один ряд с косными феодалами для защиты традиций против одного из наиболее развитых государств Европы, осуществлявшего в Эфиопии ряд прогрессивных преобразований: строительство дорожной сети и современных предприятий, развитие товарно-денежных отношений и пр. Более того, интеллектуалы были одними из самых активных участников партизанского движения. Не случайно Текле Хаварьят, автор эфиопской Конституции 1931 года, одним из первых выступил против отъезда императора из страны за помощью к европейцам. Когда 2 мая 1936 г. после поражения эфиопских войск Хайле Селассие I уезжал из Эфиопии на специальном поезде, на одной из станций к нему в традиционной одежде эфиопского воина подскочил Текле Хаварьят и, протянув императору винтовку, вскричал: «Государь, пойдем в горы!» [5. Р. 226-227].

Ставка итальянцев на сепаратизм и косность традиционных феодалов также себя не оправдала. Партизаны прекрасно осознавали свою региональную принадлежность, о чем свидетельствует их обращение к императору 1937 года [2. С. 894-895]. Местная элита стремилась, как правило, вести партизанские действия именно в своих регионах и попадала в плен к врагу, не желая уходить в другую область. Более того, доходило и до столкновений между враждующими феодалами провинций [3. Р. 174]. Хотя

формально партизаны были подчинены командующему императорской армией расу Имру, после его пленения в конце 1936 года попытки объединить партизан практически прекратились. Привыкнув к относительной независимости от императорской власти, региональные феодалы не собирались повиноваться ни расу Имру, ни итальянцам. Сменивший в конце 1937 года на посту вице-короля Итальянской Восточной Африки Грациани князь Амадео Д'Аоста пытался назначать представителей разных национальностей и вероисповеданий в качестве чиновников не в их родные регионы, стремясь поссорить различные группы населения Эфиопии. Но подобную политику до войны проводил и Хайле Селассие, и она вызывала гнев не против другого народа или религии, а против центрального правительства, которое представляли итальянцы.

Тактика партизанской борьбы эфиопов в первую очередь сводилась к блокированию шоссейных и железных дорог с целью перехвата боеприпасов и продовольствия для обеспечения участников сопротивления. Предпринимались и захваты гарнизонов небольших городов и даже штурм Аддис-Абебы летом-осенью 1936 года, которые, однако, преследовали ту же цель. Партизаны, как правило, терпели поражение в прямых столкновениях с регулярными войсками, но одерживали победы, применяя знание особенностей местности. Однако и в том, и в другом случаях участники сопротивления обычно несли большие потери, чем оккупанты. Это объяснялось активным применением итальянцами отравляющих химических веществ, а также тактикой эфиопов, склонных к рукопашной схватке, что в связи с плохим вооружением вело к гибели большого числа партизан. В случае тяжелого положения командиры отрядов вступали в переговоры о сдаче с врагом с целью затягивания времени. Нередко ценой собственной жизни или пле-

нения они выигрывали часы для выхода из окружения своих подчиненных.

Таким образом, партизанское движение в Эфиопии имело как общие для движения сопротивления, так и уникальные черты. Первые выражались в тактике партизан, в ведении борьбы при отсутствии регулярной армии, в расширении сопротивления в ответ на зверства оккупантов. Вторые – в обусловленности партизанского движения традиционным феодальным характером общества, в его значительной религиозной подоплеке и в ярко выраженном регионализме участников борьбы. Тем не менее, партизанская борьба сплачивала жителей Эфиопии, способствовала их осознанию единства страны, несмотря на региональную, этническую или конфессиональную принадлежность.

Библиографический список

1. Бартницкий, А., Мантель-Нечко, И. История Эфиопии [Текст] / А. Бартницкий, И. Мантель-Нечко. – М.: Изд-во «Прогресс», 1976. – 592 с.

2. Хрестоматия по новейшей истории [Текст]: в 3 т.: Хрестоматия по новейшей истории. – М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. – Т. I. 1917-1939. – 928 с.

3. Bahru Zewde. A History of Modern Ethiopia 1855-1974 [Text] / Bahru Zewde – L.: James Currey, 1994. – 236 p.

4. De Marco R. The Italianization of African Natives [Text]: Government Native Education in the Italian Colonies, 1890-1937 / De Marco R. – New York: Columbia University Teachers College, 1987. – 220 p.

5. Greenfield R. Ethiopia: A New Political History [Text] / Richard Greenfield – L.: Pall Mall Press, 1965. – 450 p.

6. Henze P. B. Layers of Time. A History of Ethiopia [Text] / Paul B. Henze – L.: Hurst & Company, 2000. – 372 p.

7. Pankhurst, S. Ethiopia, a Cultural History [Text] / Sylvia Pankhurst. – L.: Lalibela House, 1955. – 646 p.

8. Teshome G. Wagaw. Education in Ethiopia [Text]: Prospect and Retrospect. / Teshome G. Wagaw. – Ann Arbor: The University of Michigan Press, 1979. – 256 p.

© Ю. А. Климова (ЯГПУ)

Представления русских путешественников и публицистов о проявлениях чудачества и эксцентричности в досуге англичанина второй половины XIX – начала XX в.

В мемуарах русских путешественников и публицистов, в путевых заметках и отчетах русских корреспондентов в Англии в указанный период времени встречаются упоминания о странностях в образе жизни англичан. Проявления чудачества и эксцентричности наши соотечественники усматривали в манере поведения жителей Англии, в их общественной жизни, в развлечениях и досуге. Известно, что «чудачество» определяется как некое отклонение от нормы [12. С. 216, 224]. Согласно исследованиям этнопсихологов в рамках социальной психологии, при восприятии одной нацией другой за норму зачастую берется некое представление о себе [17]. Следовательно, россияне создают образ англичанина, сравнивая его с неким образом «русского», более того, историк Н. А. Ерофеев считает, что такое сравнение способствует самоидентификации наших соотечественников [9. С. 10]. Рассмотрим, как русские путешественники и публицисты видели досуг англичанина второй половины XIX – начала XX в.: что именно, на их взгляд, было в этом досуге странного и необычного, что позволяло делать выводы о чужаковатости и эксцентричности англичан. Важно попытаться выяснить, как проявились в этом представлении россиян о себе и поиск русской идентичности, так как Англия издавна занимала умы русских

мыслителей, в поисках путей дальнейшего развития России [11. С. 4], с новой силой этот поиск был инициирован Великими реформами [14. Т. 1 С.525].

Такое явление, как лондонский светский сезон – время, когда все стремятся в столицу и все изысканные и дорогостоящие развлечения, зрелища и увеселения сконцентрированы там же, зачастую трактовалось россиянами как одно из проявлений присущего, по их мнению, англичанам чудачества. Литератор В. П. Боткин отмечает, что «лондонский сезон обнаруживает некоторые свойства английского характера с весьма комической стороны и особенно там, где дело касается до изящных искусств» [3. С. 301]. Чудачество, приписываемое в этом случае русскими путешественниками англичанам, можно охарактеризовать следующим образом: представители английской светской публики, по мнению россиян, не смыслящие в искусстве, в частности, в музыке, тем не менее, в обязательном порядке посещают оперы и концерты, а также сами на досуге музицируют весьма дилетантским образом, обучая музыке и своих дочерей [5. С. 25; 3. С. 301 – 301]. Об этом довольно едко говорит русский корреспондент П. Д. Боборыкин, впервые посетивший Англию в 1867 г.: «дилетантство достигло даже весьма обширных и, увы, ...довольно-таки тяжелых размеров» [2. С. 245]. Отсутствие должного профессионализма в области музыки и искусства, так настойчиво приписываемое англичанам, можно объяснить влиянием стереотипа. Мнение об англичанах как людях практичных, а значит, холодных и бездушных, было свойственно этническому стереотипу, созданному русскими путешественниками. Как следствие такого мнения, у русских существовало представление о неспособности или даже нежелании англичан воспринимать искусство [9. С. 197]. Эта бездушность англичанина противопоставлялась богатому духовному миру русского человека, что можно встретить в источниках.

Например, О. А. Новикова в книге, изданной в Англии в 1880 г., пишет следующее: «Ее [России – Ю. К.] привилегия – богатства духовные, которые, в соответствии со старомодными русскими воззрениями, не вовсе заслуживают презрения» [15. С. 302]. Некоторые реалии тогдашней английской действительности также могли быть истолкованы русскими путешественниками таким образом, что невольно способствовали вышеизложенным взглядам и мнениям. Дилетантство, или, более мягко, любительство, действительно очень ярко проявилось в Англии изучаемого периода. По мнению британского исследователя истории досуга П. Борси, «этос любительства» был своеобразным ответом на возраставший профессионализм и тенденции коммерциализации на рынке досуга, характеризующий конец викторианской и начало эдвардианской эры, и эта система ценностей поддерживалась традиционной правящей элитой и ведущими фигурами в рамках среднего класса [21 С. 34 – 36].

Яркое впечатление на русских путешественников производила клубная жизнь в Лондоне. Клубы, кроме общественно-политической функции, являлись также местом проведения досуга. Эти учреждения не являлись для русских людей чем-то принципиально новым. В изучаемый период уже сложилась клубная культура в России – благодаря влиянию все тех же англичан [1; 4; 10]. Однако о приверженности англичан к клубной деятельности некоторые наши соотечественники говорили как о чудачестве. Е. Н. Водовозова предлагает вниманию читателя иронично-утрированный тип англичанина - «клубиста», который всю свою жизнь проводит в клубе, ничем, кроме жизни клуба, не интересуется и, отошедши в мир иной, увековечивается в эпитафиях клубных некрологов [5. С. 64]. Возможно, в этом выразилось непонимание значимости клуба для англичанина как не только места проведения досуга, но и об-

щественно-политической организации. Русские путешественники вообще мало говорят о том, как именно осуществляется общественно-политическая деятельность клубов, лишь констатируя факт свободного выражения политических мнений членами клубов. Можно согласиться с Н. А. Ерофеевым, объяснившим это явление боязнью столкновения с российской цензурой [9. С. 50 – 52]. В источниках уделяется значительно больше внимания тому, как англичане проводят досуг в клубе. Другим объяснением может служить тот факт, что наши соотечественники говорят об английских клубах с позиции уже готовых представлений о клубной деятельности в России, где в XIX в. клубы преимущественно являлись местом досужего времяпрепровождения состоятельных людей и, следовательно, сохраняли в большей степени развлекательные функции [10. С. 152]. На основе источников можно сделать вывод, что, по мнению наших соотечественников, досуг в клубе предполагает удовлетворение человеческой потребности в общении с равными себе, приятное времяпрепровождение, обсуждение последних политических и городских новостей, светских сплетен, заведение полезных знакомств, а также игру в карты, бильярд или кегли [5. С. 57 – 65]. Так или иначе, это подразумевает довольно активное общение с другими членами клуба. Отсюда странной и непонятной на русский взгляд была такая особенность английского отдыха в клубе, как молчание.

Можно привести несколько свидетельств из источников. Е. Н. Водовозова называет этот феномен «уважением молчания». В общих чертах он описан следующими фразами источника: «Если англичанин замечает, что сосед его собирается промолчать весь вечер, он ни за что не заговорит с ним и отходит от него с полнейшим уважением; точно также требует он, чтобы и его молчание было уважено. Не нарушая приличия, по понятиям своей страны, он умеет

отлично быть сам собою среди огромной толпы, предаваться своим размышлениям, делать все, что ему угодно, никогда не стесняя ни себя, ни других» [5 С. 64]. Нечто подобное наблюдал и юрист, историк и философ Б. Н. Чичерин, посетивший Англию во время путешествия 1858 – 1861 гг. Он говорит о послеобеденных собраниях в гостиной дома, где Чичерин останавливался как гость. Довольно иронично автор замечает, что «после обеда мужчины спали перед камином, дамы же сидели в кругу и молчали. Мне после объяснили, что в Англии так водится. Нужно только держать себя смирно и не соваться с разговорами; тогда вас принимают за спокойного человека и все вас любят» [20. С. 113].

Спортсмен-конькобежец Н. А. Панин-Коломенкин, в 1908 г. победивший на IV Олимпийских играх в Лондоне, посетил там ряд клубов, в том числе спортивного характера. Об одном из них в своих мемуарах он пишет следующее: «Там имелась так называемая комната «молчания»: два камина с ярким пламенем, перед каждым полукруг кожаных кресел, толстый ковер во всю комнату и ...строжайшее требование соблюдать полнейшую тишину. Джентльмены греются, читают газеты, сосут сигару или просто сидят, развалиясь в креслах» [16. С. 144]. Такая отгороженность производила большое впечатление на русского человека, менталитет которого предполагает большую открытость к общению. Четкое разграничение «общественной» и «частной» сфер жизни в Англии проявлялось в своеобразном «изоляционизме», представлявшем собой искусство одиночества в толпе [4. С. 158]. Данную особенность русские путешественники наблюдали везде, где могло собраться общество из нескольких человек. В этом можно усматривать отражение следующей тенденции: в XIX веке клуб преимущественно выполнял роль места спокойного досуга, и, что интересно, досуг этот не обязательно предполагал общение. Большинство клубов стремились

обеспечить условия для отдыха в одиночку, культивируя 'privacy' – акцент на частное, личное. Исследователи предполагают, что английский клуб предлагал максимально комфортную модель социальности: считалось, что джентльмен находится среди равных и ему не нужно ежеминутно доказывать свои права и достоинства [4. С. 158 – 159]. Такое явление чужеземцам казалось странным, вызывало большое удивление, и более того, даже насмешки. Казалось бы, зачем англичанину приходиться, например, в клуб, если частную жизнь можно вести дома?

Российский историк Н. А. Хренов в труде «Мифология досуга» рассматривает пространство российского клуба как игровое, в котором реализуется потребность человека в состязании, соперничестве [19. С. 253]. Исходя из этого мнения, исследователь Е. В. Выгузова делает вывод, что член русского элитарного клуба находился в окружении не только друзей, но и соперников, и ему приходилось вести непрерывное состязание в умении держать себя, соблюдать определенные традиции [7. С. 45-56]. Получается, что россиянин в отечественном клубе просто не мог побыть собой, а потому с таким удивлением говорит об этой особенности английской клубной жизни. Кроме того, отечественный историк Б. Н. Миронов отмечает, что для менталитета россиян – представителей образованного общества периода 1870 – 1890-е гг. – было характерно ассоциировать такой индивидуализм с эгоизмом, не приемлемым этически [14. Т. 2 С. 318].

Представления о чудачествах англичан связываются также с их чрезмерной, по мнению русского человека, увлеченностью спортом. Здесь можно упомянуть мнение И. М. Майского о прямо-таки «африканских страстях», которые будит спорт в душе английского рабочего и которые совершенно ему не свойственны в обычной жизни [13. С. 386 – 387]. Ст. Вольский, корреспондент неофициального

периодического издания эсеров «Заветы», говорит, что высшие и средние слои английского общества увлечены спортом в ущерб серьезности и скрываются за игрой от социальных и политических проблем, от недовольства народных масс и угрозы социализма [6. С. 150-159]. Социал-демократ по взглядам, И. М. Майский отмечает, что спорт отвлекает рабочих от политической борьбы, что на руку патерналистски настроенным правящим кругам [13. С. 386-387]. В обоих случаях налицо политическая окраска высказываний. Наши соотечественники не могут понять, как можно заниматься чем-то несерьезным, в данном случае спортом, который в России в изучаемый период входил в число так называемых «светских удовольствий» и серьезно не воспринимался [18. С. 7 – 9], когда остаются нерешенными такие важные вопросы. Россияне всегда принимали во внимание социальную и политическую ситуацию в Англии, размышляя о проблемах собственной страны [11. С. 4]. Нужно еще учитывать, что эсеры и социал-демократы относились к капитализму, олицетворением которого являлась Англия, резко отрицательно [14. Т. 2 С. 321].

Интересно объяснение причины английских чудачеств, предложенное Е. Н. Водовозовой. Она утверждает, что англичанину свойственно постоянно «вести тяжелую борьбу с житейскими препятствиями», добиваясь своей цели, без этого англичанин не может жить. Если же он лишен этой возможности, то начинает страдать «невыносимой хандрой, сплином». «Тогда от давящей его скуки он принимается искать развлечения в самых странных приключениях и находит какое-то наслаждение совершать несказанные безумства. Всегда оригинальный, он делается тогда величайшим эксцентриком» [5. С. 93]. Мнение о том, что англичанину некогда отдохнуть из-за обилия дел и самого ритма его деловой жизни, было очень распространено среди россиян изучаемого периода. А. И. Герцен говорил об «отсут-

ствии континентальных развлечений» в Лондоне и о том, что масса занимается «завоевыванием себе насущного хлеба, купцы – недосугом стяжания, все – суетой дел; но нервные, романтические натуры, любящие жить на людях, умственно тянуться и праздно млеть, пропадают здесь со скуки, впадают в отчаяние» [8. С. 9]. В подобных высказываниях могло также отражаться характерное в XIX веке для ментальности русского образованного общества неодобрение буржуазной этики стяжания, присущей Западу [14. Т. 2 С. 319].

Таким образом, рассматривая представления русских путешественников о странностях и чудачестве в английском досуге, можно сделать вывод, что наши соотечественники видят Англию и англичан с позиции условной «нормы», то есть неких соображений о том, что свойственно и присуще русскому человеку. Наши соотечественники позиционировали себя как людей более общительных, открытых, которым не свойственна погоня за наживой, богатых духовно в отличие от англичан.

Библиографический список

1. Алябьева, Л. «Айда со мной в кофейню!» Два века из истории лондонских заведений [Текст] /Л.Алябьев // Родина: журн. –М., 2003. - №5/6.
2. Боборыкин, П. Д. Воспоминания [Текст] / П.Д. Боборыкин. - М., 1965. - Т. 2.
3. Боткин, В. П. Две недели в Лондоне [Текст] / В.П. Боткин // Русский вестник. - 1860 . - Т. 25. - № 12.
4. Вайнштейн, О. «Храмы вежливости и комфорта»: Клубная жизнь в Англии XIX века [Текст] /О.Вайнштейн // Родина: журн. - 2003.- №5/6.
5. Водовозова, Е. Н. Жизнь европейских народов [Текст] /Е.Н. Водовозова: издание II -. СПб., 1881. - Т. 2. Жители севера.

6. Вольский, С. Нечто об английской интеллигенции [Текст] / С. Вольский // Заветы. – М., 1912. - Сентябрь.

7. Выгузова, Е. В. Элитарные клубы как пространство репрезентации аристократической культуры: к истории вопроса [Текст] / Е.В.Выгузова // Известия Уральского государственного университета. – 2005. – № 35. – С. 45-56.

8. Герцен, А. И. Былое и думы [Текст] /А.И.Герцен. - М., 1969. - Кн. 2. Ч. 6 – 8.

9. Ерофеев, Н. А. Туманный Альбион: Англия и англичане глазами русских. 1825 – 1853 [Текст] /Н.А.Ерофеев.- М., 1982.

10. Завьялова, Л. «Новый род собрания, называется клуб...»: метаморфозы Английского клуба в России [Текст] / Л.Завьялова // Родина: журн.- М., 2003. №5/6.

11. Казнина, О. А. Русские в Англии: русская эмиграция в контексте русско-английских литературных связей в первой половине XX века [Текст] /О.А.Казнина. - М., 1997.

12. Карасик, В. И., Ярмахова Е. А. Лингвокультурный типаж «английский чудак» [Текст] / В.И. Карасик. - М., 2006. – 240 с.

13. Майский, И. М. Воспоминания советского посла [Текст] / И.М.Майский. - М., 1964. - Кн.1: Путешествие в прошлое.

14. Миронов, Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX в.): генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: в 2 т. [Текст] / Б.Н.Миронов. - СПб. , 2003.

15. Новикова, О. А. Английские предрассудки [Текст] /О.А. Новикова.// «Я берег покидал туманный Альбиона...» Русские писатели об Англии. 1646 – 1945 / подгот. Казнина О. А., Николукин А. Н. – М., 2001. – 648 с.

16. Панин-Коломенкин, Н. А. Страницы из прошло-

го: воспоминания спортсмена [Текст] / Н.А.Панин-Коломенкин // - М., 1951. – Т.1. - 211 с.

17. Стефаненко, Т. Г. Социальные стереотипы и межэтнические отношения [Текст] / Т.Г.Стефаненко// Общение и оптимизация совместной деятельности / под ред. Г. М. Андреевой, Я. Яноушка. – М., 1987. - С. 242-250.

18. Хмельницкая, И. Б. Столичный досуг в начале XX века: Петербург и Москва: дисс. ... канд. ист. наук [Текст] /И.Б.Хмельницкая.- М., 2005.

19. Хренов, Н. А. Мифология досуга [Текст] / Н.А. Хренов.- М., 1998.

20. Чичерин, Б. Н. Воспоминания [Текст] / Б. Н. Чичерин. Путешествие за границу / под ред. М. А. Цявловского.- М., 1932.

21. Borsay P. A history of leisure: the British experience since 1500 [Text]. Basingstoke (Hants.); New York: Palgrave Macmillan, 2006.

© Ю.С. Никифоров (ЯГПУ)

**Социологический подход в историческом исследовании
конца XIX – начала XX века
(Н.И. Кареев и М.М.Ковалевский)**

В научной литературе феномен тесного взаимодействия различных дисциплин в процессе исторического исследования получил название «междисциплинарного» или «методологического» синтеза [18]. Яркий пример методологического синтеза – соединение истории и социологии, породившее такие новые дисциплины, как историческая социология и социальная история. Их взаимное проникно-

вание началось в XIX в., во времена Конта, Спенсера, Дюркгейма и Вебера – родоначальников социологии. Почему же возник социологический подход в историческом исследовании? Многие авторы говорят о появлении на рубеже XIX-XX вв. поколения историков с новым научным мировоззрением. По словам Л.П. Репиной, «для историков конца XIX –начала XX века научно-познавательный идеал воплощался в социологии, а создание новой исторической науки связывалось с ее «социализацией» [23.С.13]. П.Вен указывает на стремление этих ученых к изучению новой исторической тематики: «Существовала область фактов, которую требовалось изучить, и вся деятельность, не признавшая себя историей или философией, получила название социологии» [2.С.332]. В России среди историков-социологов могут быть названы В.О.Ключевский, Б.Н.Чичерин, К.Д.Кавелин.

Интересным для сравнительного анализа представляется социологический подход в историческом исследовании ученых «русской исторической школы» Н.И.Кареева и М.М.Ковалевского, которых многое объединяет. К проблемно-тематическому соприкосновению интересов историков можно отнести исследования по аграрному вопросу накануне и в эпоху французской революции. В области идеологии оба ученых были либералами, а в методологическом плане придерживались позитивистских идей. И, наконец, оба они - социологи, создавшие оригинальные теории и методики. В нашем исследовании сделаем акцент на проблеме соотношения истории и социологии в трудах Н.И.Кареева и М.М.Ковалевского. Заявленная проблема затрагивалась в ряде научных работ. Этому вопросу уделяли определенное внимание В.П.Золотарев и Б.Г.Сафронов, исследовавшие непосредственно творчество Кареева и Ковалевского, Г.П.Мягков и С.Н.Погодин, изучавшие этих историков в рамках научного сообщества «русской школы» [3,

19, 20, 24]. Среди новейших работ отметим монографию О.В. Бодрова [1]. В числе работ, непосредственно не связанных с историками «русской школы», но затрагивающих сходную проблематику, укажем диссертационное исследование А.С.Попова, посвященное синтезу истории и социологии в творчестве представителей школы В.О.Ключевского [21].

Социологическая теория Кареева получила развитие в его обобщающих трудах [5.6.7.8.9]. Он сравнивал здание исторической науки с трехэтажным зданием, последний этаж которого дает выход на социологию и философию [6.С.6]. Историк создал собственную версию этико-субъективной социологии, в центре которой личность, без которой не может существовать ни общество, ни государство, ни какой-либо другой социальный институт. Для ученого характерен и определенный акцент на психологический фактор. Кареев считал, что психические взаимодействия (ум, чувства, воля) лежат в основе развития всех сфер жизни общества, а внутренний мир человеческих личностей двигает историю [5.С.239-244]. Оригинально определяется Кареевым и цель истории, которая идентифицируется им как наука конкретная, частная, феноменологическая. Она заключается в поиске фактов, установлении взаимосвязей между ними и первичных обобщениях - «изучать конкретное прошлое без попользования предсказывать будущее» [9.С.23]. В противовес истории Кареев выделяет социологию как науку теоретическую, абстрактную и интегрирующую, провозглашая главным вопросом социологической методологии «открытие законов, которыми управляются общественные явления» [7.С.48]. Таким образом, ученый разграничивает интерпретационные возможности истории и социологии: «Историки, идеографически изучающие общества, готовят для социологов фактический материал, которые находят в нем проявления эволюции» [7.С.45]. Мак-

симальное обобщение, которое может, по Карееву, позволить себе историк - типологизация исторических явлений, в результате которой выявляются социологические типы - род, государство, полис, деспотия, сословная монархия, абсолютизм. Именно в духе типологизации выполнен ряд работ Кареева [4]. Интересно замечание историка А.Про о приеме типологизации: «Социологический подход в истории является типологическим, он образует типы, которые потом сравнивают, устанавливая отношения или несовместимости, рассчитывая различия или корреляции» [22.С.214].

Кареев поднимает проблему двух научных методов - сравнительно-исторического и эволюционного, дающих, соответственно, горизонтальный и вертикальный срезы общества. Обосновывая сравнительно-исторический метод, Кареев проводит мысль о его социологической направленности - «одинаковые причины порождают одинаковые следствия, а потому обнаружение сходств - первый шаг к установлению социологического закона» [7.С.27]. Суть эволюционного метода ученый сводит к исторической точке зрения, определяемой как генетическая и эволюционная, которая заключается «в понимании жизненных отношений путем исследования их происхождения и прослеживания развития» [9.С.203]. Критикуя однофакторные теории исторического развития Гегеля, Спенсера, Маркса [8], историк обосновывает многофакторную социологическую теорию исторического процесса, когда «действует множество сил и события порождены сочетанием целого ряда причин» [6.С.47]. Конкретизируя многофакторную модель, Кареев пишет, что «каждая история – равнодействующая условий - географических, этнических и собственно исторических (культурных и прагматических); физических, биологических и социально-психологических» [6.С.67]. Задача социологического метода в истории видится Кареевым в духе

позитивистской теории прогресса - «вообразить предел социальной эволюции, где совпадут человеческий мотив и его удовлетворение, как конечная цель истории, который даст возможность построить теорию прогресса» [8.С.235].

Другой представитель «русской школы» М.М. Ковалевский, основываясь уже на обобщении фактического материала конкретно-исторических исследований, строит научный метод генетической социологии. Как и Кареев, он стремится к объяснению исторических явлений через анализ их происхождения. Этот метод проходит красной линией через самые фундаментальные труды Ковалевского [14.15]. Концепция генетической социологии Ковалевского связана с идеей прогресса, которая несет дух позитивизма и вытекает из следующего определения: «Генетическая социология – часть науки об обществе, его поступательном ходе, которая занимается вопросом о происхождении общественных институтов, каковы: семья, собственность, религия, государство, нравственность и право» [17.С.272]. Генетическая социология, по мнению Ковалевского, должна заниматься изучением законов эволюции на основе фундамента фактов, добытых этнографией, исследуя развитие институтов и их символическое окружение у народов.

Социологические представления Ковалевского нашли отражение в его теоретических работах [10, 17] и характеризуются широтой сравнительных обобщений. Этому способствовал историко-сравнительный метод [10], с помощью которого он стремился осуществить познание исторических ступеней развития одного явления, проведя типологические обобщения в ряде дисциплин (социология, история, право, экономика). Ковалевский, как и Кареев, придерживается многофакторной теории исторического развития: «Следует говорить не об одностороннем влиянии, а о руководящих факторах общественной жизни – экономическом, правовом, государственном» [17.С.15]. Много внима-

ния ученый уделяет вопросу отношения социологии, как «отвлеченной общественной науки», к другим дисциплинам. Рассуждая о природе социологии и истории, Ковалевский задается мыслью: «Справедлива ли мысль Фюстеля де Куланжа, что социология, так сказать, покрывается историей?» [17.С.39]. По мнению Ковалевского, это не так: «Задача истории в изображении прагматической связи хода событий, из которых слагается жизнь наций и человечества» [17.С.39]. Далее историк продолжает цепь логических рассуждений, выделяя общее и различное в двух науках: «Со стороны изучения причинной связи явлений, история представляет общее с социологией, которая, в отличие от истории, отвлекается от массы конкретных фактов и указывает общую тенденцию» [17.С.40]. Здесь можно увидеть прямое сходство с представлениями Кареева. Ведущую роль в его социологической теории играло учение о прогрессе, сущность которого он видел в развитии солидарности между социальными и национальными группами: «Прогресс - расширение сферы солидарности внутри национальных групп и между группами всего человечества» [17.С.352]. Солидарность понимается Ковалевским как «замыренная среда, из которой устранены элементы борьбы, замененной сознанием общности целей и взаимной зависимости членов группы» [17.С.37]. Ковалевский выделяет стадии развития чувства солидарности – родовое единство, патриотизм, космополитизм.

Своеобразие научного интереса Ковалевского отмечал Н.И. Кареев: «Если в социологических работах Ковалевский был историком, то в исторических работах он - социолог» [Цит.по: 2.С.53]. Интересно отметить, что сам Ковалевский делил историков по методам их работы на ученых социологического типа и историков-эмпириков: «Необходимо разделение труда между местными «исследователями» и всеобщим историком-социологом, задача которого

установить вехи на поле расходящихся путей» [15.С.5]. В конкретно-исторических трудах в рамках социологического подхода Ковалевский анализирует такие социальные образования, как род, семья, община, институт частной собственности и государство, раса, нация, городская и сельская община в их постоянном историческом развитии [12.16]. В работе «Первобытное право» Ковалевский решает проблему: «Какую общественную единицу признать эмбрионом исторических форм общежития – род, семью или общину?» [16.С.1]. Еще одна работа Ковалевского представляет собой сравнительно-исторический очерк процесса постепенного разложения коллективных форм землевладения как на Востоке, так и на Западе [12]. Историк анализирует законодательные и административные меры правительств Запада в отношении Индии, Алжира, Мексики, Перу. В историческом исследовании Ковалевский применяет концепцию социальной дифференциации, солидарности и договорных отношений как основы государственного развития, объясняя поступательное движение представительных начал в другой работе [14]. Среди других работ, выполненных в социологическом русле, также хочется выделить «Общественный строй Англии в конце средних веков» [13], в котором через анализ статистики распределения движимой и недвижимой собственности Ковалевский выходит на социальную структуру английского общества к началу нового времени – сословия и классы, а также исследование, посвященное английскому местному самоуправлению [11], где автор обращается к вопросу о развитии суда присяжных, мирового суда и др.

В заключение скажем, что представления Н.И. Кареева и М.М. Ковалевского о соотношении истории и социологии в научном исследовании во многом совпадают. Можно говорить о формировании общей методологии в рамках научного сообщества «русской школы». К общим

чертам методологии М.М. Ковалевского и Н.И. Кареева как историков-социологов можно отнести следующие: обоснование и применение сравнительно-исторического и эволюционного методов, признание многофакторности исторического процесса, вера в прогресс, использование приема типологизации, четкое разделение функций в научном исследовании между историей (сбор фактов и их описание) и социологией (открытие законов общественного развития). Философия позитивизма, либеральная идеология и интерес к проблемам развития Запада в новое время – все это способствовало сближению и социологических представлений историков. Отличия обусловлены разностью методологических принципов ученых. Социологические теории Н.И.Кареева – результат умозрительных философских построений, отправная точка и руководство в конкретном историческом исследовании. Метод Н.И.Кареева – дедукция, движение от общих гипотез к частным историческим фактам. Для Ковалевского же, наоборот, социологические обобщения – результат конкретно-исторического исследования. Метод М.М.Ковалевского – индукция, восхождение от частных фактов к общей социологической гипотезе. Среди других отличительных черт подхода Н.И.Кареева следует отметить рассмотрение личности как исходного пункта социальных процессов (антропоцентризм) и акцент на психологический элемент в концепции многофакторности. В отличие от Ковалевского Кареев понимает социологию как метод познания общества, а не как учение о порядке и прогрессе в социальной сфере. В методологии Ковалевского акцент сделан на демографический компонент в теории многофакторности, учение о солидарности и идею всемирно-исторических сравнений.

Библиографический список.

1. Бодров, О.В. Профессор М.М.Ковалевский. У ис-

токов изучения английской общественной и политической мысли в России [Текст] / О.В.Бодров. - Казань, 2006. – 326 с.

2. Вен, П. Как пишут историю. Опыт эпистемологии [Текст] / П.Вен. - М.: Научный мир, 2003. – 394 с.

3. Золотарев, В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева [Текст] / В.П.Золотарев. - Л., 1988. – 240 с.

4. Кареев, Н.И. Город – государство античного мира [Текст] / Н.И.Кареев. - Спб., 1910. – 155 с.

5. Кареев, Н.И. Историко-философские и социологические этюды [Текст] / Н.И. Кареев. - Спб., 1899. – 370 с.

6. Кареев, Н.И. Историология [Текст] / Н.И.Кареев. - Пг., 1915. – 320 с.

7. Кареев, Н.И. Общие основы социологии [Текст] / Н.И.Кареев. - Пг., 1919. – 280 с.

8. Кареев, Н.И. Основные вопросы философии истории [Текст] / Н.И.Кареев. - Спб., 1897. – 455 с.

9. Кареев, Н.И. Теория исторического знания [Текст] / Н.И.Кареев. - Спб., 1913. – 294 с.

10. Ковалевский, М.М. Историко-сравнительный метод в юриспруденции и приемы изучения права [Текст] / М.М. Ковалевский. - М., 1880. – 72 с.

11. Ковалевский, М.М. История полицейской администрации с древнейших времен до смерти Эдуарда III [Текст] / М.М.Ковалевский. - Прага, 1877. – 219 с.

12. Ковалевский, М.М. Общинное землевладение, причины, ход и последствия его разложения [Текст] / М.М. Ковалевский. - М., 1879. – 232 с.

13. Ковалевский, М.М. Общественный строй Англии в конце средних веков [Текст] / М.М.Ковалевский. - М., 1880. – 396 с.

14. Ковалевский, М.М. От прямого народоправства к представительному и от патриархальной монархии к пар-

ламентарной [Текст]: в 3т. / М.М.Ковалевский - Спб., 1906. – Т.1.-320 с.

15. Ковалевский, М.М. Очерк происхождения и развития семьи и собственности [Текст] / М.М. Ковалевский. – М., 1939. – 210 с.

16. Ковалевский, М.М. Первобытное право [Текст] / М.М.Ковалевский. - М., 1886. – 175 с.

17. Ковалевский, М.М. Социология [Текст] / М.М.Ковалевский. - Спб., 1910. – 288 с.

18. Междисциплинарный синтез в истории и социальные теории: теория, историография и практика конкретных исследований [Текст] / Б.Г. Могильницкий [и др.] ; Рос. акад. наук, Ин-т всеобщей истории, Томский гос. унив.- М., 2004. – 169 с.

19. Мягков, Г.П. Русская историческая школа. Методологические и идейно-политические позиции [Текст] / Г.П.Мягков. - Казань, 1988. – 200 с.

20. Погодин, С.Н. Русская школа историков: Н.И.Кареев, И.В.Луцицкий, М.М.Ковалевский [Текст] / С.Н. Погодин. - Спб., 1997. – 345 с.

21. Попов, А.С. Школа В.О.Ключевского: синтез истории и социологии в российской историографии [Текст] /А.С.Попов. - М., 2005. – 286 с.

22. Про, А. Двенадцать уроков по истории [Текст] / А.Про. - М., 2003 – 280 с.

23. Репина, Л.П. Новая историческая наука и социальная история [Текст] / Л.П.Репина. - М, 1998. – 278 с.

24. Сафронов, Б.Г. М.М.Ковалевский как социолог [Текст] / Б.Г. Сафронов. – М, 1960. – 260 с.

© А.С.Ходнев (ЯГПУ)

**Лига Наций в оценках политической элиты США
1920-1930-х гг.**

В XX веке в США постоянно шли дискуссии в среде политической элиты по вопросу об отношении к международным организациям. Эта тема часто ставилась еще шире: насколько эффективна многосторонняя дипломатия в целом и в какой степени средства многосторонней дипломатии отвечают интересам страны или элит?

Прошло столетие, а отношение политических элит к международным организациям и их роли в мировой политике по-прежнему выглядит противоречивым и запутанным. Кроме того, историки считают, что во время дискуссии о Лиге Наций сложилась устойчивая система взглядов таких ведущих сенаторов-республиканцев как, например, У. Бора, который оказал сильное влияние на дрейф общей политической линии США в сторону изоляционизма[7]. Существование противоречивых дискурсов ставит перед историком международных отношений межвоенного периода вопрос о том, как эти разноречивые послания влияли на общие тренды политики.

Катастрофические последствия первой мировой войны инициировали дискуссии об объединении усилий государств во имя предупреждения возможности повторения столь разрушительного, прежде всего для Европы, конфликта. Победа Союзных держав в 1918 году санкционировала возможность серьезного обсуждения на Парижской мирной конференции идей международного арбитража и консультаций в рамках новой международной организации.

К числу необычных для американцев событий современники относили решение президента США В. Вильсона лично участвовать в Парижской мирной конференции 1919 года. Он стал первым президентом, который покинул страну на шесть месяцев (за исключением короткого возвращения в США в февралю-марте 1919) и вызвал этим шагом жесткую критику в Конгрессе и оппозицион-

ной республиканской прессе. Сенат 66-го Конгресса состоял из 49 республиканцев и 47 демократов. Это придавало особый драматизм всему контексту, в котором проходило обсуждение вопросов внешней политики США и проблемы Версальского мирного договора в 1919-1920.

Борьба в США по вопросу о том, следует ли признать Версальский мир, началась еще весной 1919 года, когда поступили первые сведения о содержании договора. Интенсивные дискуссии вскоре захватили демократическую и республиканскую партии, профсоюзы, университеты и колледжи. Однако основной ареной борьбы стал американский сенат, поскольку именно ему предстояло, согласно конституции, решить судьбу договора. На стороне В. Вильсона, то есть за ратификацию Версальского договора, вступление США в Лигу Наций и, следовательно, продолжение участия в европейской и мировой политике выступало руководство демократической партии, члены администрации, большая группа сенаторов (не только демократов, но и республиканцев), многие представители прессы и делового мира. Они доказывали выгоды вступления США в Лигу Наций, связанные с более свободным доступом американского капитала в Европу и подмандатные территории в Африке и Азии, завоеванием США положения лидирующей державы мира. Присоединение США к Лиге Наций, утверждали сторонники В. Вильсона, поможет преодолеть социальные волнения в Европе и остановить рост сил социализма.

Особое направление во внешней политике США, признаками которого был отказ участвовать в Лиге Наций, признавать обязательства по Версальскому и другим договорам с Европой, принято в историографии именовать «изоляционизмом». Однако этот термин не очень точно отражает сущность данного вектора политики США. Во-первых, изоляционизм никогда не был тем трендом в поли-

тике, к которому в точности подходило это слово, обозначающее «обособленность», «изолированность», отсутствие внешних связей. Во-вторых, исследователи давно заметили трудности классификации идеологии и взглядов проводников данной политики.

Большая часть советских американистов подчеркивала двойственный характер изоляционизма и его сложную эволюцию. Эта точка зрения была отражена в монографии Е.И. Поповой [11]. А.С. Манькин подчеркнул, что корни изоляционизма формировались практически одновременно с рождением США, а само явление в той или иной степени неизменно присутствует в жизни американского общества [8.С.3-4].

По оценке А.С. Манькина, две соперничавшие группировки: вильсонисты и изоляционисты – сформировались в США в ходе обсуждения вопроса о ратификации Версальского мирного договора [8.С.24]. А.С. Манькин считал, что группировку изоляционистов поддерживали крупные и мелкие монополистические объединения, фермерские союзы, городские жители, интеллигенция Запада и Севера. Южане, по мнению А.С. Манькина, «неодобрительно относились к изоляционизму» [8.С.18].

Американский историк Г. Ф. Маргулис предложил иную классификацию группировок в лагере изоляционистов: не две, а четыре фракции. Помимо трех известных группировок – «непримиримых», которые противодействовали вступлению в Лигу Наций в любой форме, «мягких» и «жестких» сторонников различных поправок к Версальскому договору, Г.Ф. Маргулис обнаружил между последними двумя группами «умеренных» [7], более склонных к компромиссам в отношении ЛН.

Напряженная дискуссия в конгрессе США по вопросу о Версальском договоре открылась 10 июля 1919 г. и продолжалась больше восьми месяцев. В. Вильсон хотел

ратификации договора так, как он был подписан союзниками в Версале, без каких-либо поправок. Позднее, понимая, что ему не удастся завоевать необходимую часть голосов республиканцев, В. Вильсон согласился на некоторые интерпретационные поправки, не связанные с процедурой ратификации. Однако компромисс не был найден ни на индивидуальных встречах В. Вильсона с некоторыми республиканцами, ни на заседании 19 августа 1919 года комитета по иностранным делам. После этого, президент решил обратиться за поддержкой к народу США. Несколько десятков поправок и 4 оговорки сенатского комитета по иностранным делам означали такие изменения в договоре в пользу США, что они существенно нарушали достигнутые в Париже договоренности. Часть поправок была перемещена «умеренными» с первых позиций в списке комитета на последние, поскольку они могли помешать другим государствам принять Версальский договор. Так поступили, например, с поправкой, предложенной республиканским сенатором Х. Джонсоном, который потребовал предоставить США 6 голосов в Лиге Наций, пропорционально представительству Британской империи. Еще одна поправка вызвала серьезные споры в сенате. Ее текст был внесен Г.К. Лоджем, который предложил передать все экономические права на провинцию Шаньдун в Китае, принадлежавшие до войны Германии, Китаю, а не Японии, как это было записано в Версальском договоре[2.Р. 6951-6952].

Изоляционисты требовали, прежде всего, неподчинения США Лиге Наций и нападали на статью 10 Устава Лиги о коллективных мерах в случае агрессии, называя ее «связывающим обязательством», покушением на независимость решений Америки, диктатом Англии и Франции, угрозой доктрине Монро, поскольку Лига, по их мнению, могла вмешиваться в дела Западного полушария. У. Бора внес 10 ноября следующее уточнение в поправку к статье

10 устава ЛН: «США не принимают на себя ни юридических, ни моральных обязательств по статье 10 и не будут связаны никакими условиями договора по указанной статье»[3]. Статьи 10 и 11 Устава ЛН требовали от членов Лиги противодействовать агрессии и уважать территориальную целостность государств, а любая войны против члена ЛГ потенциально могла привести к участию в ней США, — утверждали изоляционисты. Кроме этого, критика как республиканцев, так и демократов была направлена в отношении статьи 22 Устава ЛН о мандатах для управления «отсталыми народами». Г. К. Лодж призывал не принимать обязательство перед Лигой и «отправиться в Азию, Африку и Европу, чтобы взять под опеку другие народы»[6.Р.23]. Против идеи «взять под опеку и принять другие обязательства по Уставу над бывшими германскими заморскими владениями» выступил сенатор-демократ от Теннесси Д.К. Шилдс [2.Р.6834]. Другой представитель демократов в сенате от Оклахомы, Р.Л. Оуэн, выступавший, в целом, за одобрение Версальского договора, неожиданно внес 17 ноября 1919 поправку, осуждавшую Великобританию за объявление протектората над Египтом, и, следовательно, лишавшую Египет права на самоуправление[2.Р.8644]. 19 марта 1920 года резолюция о ратификации Версальского договора даже с существенными поправками была отвергнута сенатом. Таким образом, В.Вильсон потерпел поражение в одном из самых главных своих начинаний, а одна из самых больших страна мира отказалась поддержать Версальскую систему. Это событие было проявлением незрелости глобальной системы международных отношений. В то же время обсуждение отношения к Лиге Наций показало, что в дискурсе существуют некие устойчивые, связанные в цепочки кластеры понятий, воздействовавшие на эмоции публики.

На первом месте была идея американской исключительности, широко распространенная среди народа США и значительной части политической элиты. Главное ее содержание: США – несколькими очень серьезными свойствами значительно отличаются от других стран, и это не позволяет данной нации участвовать в принятии решений в глобальных политических институтах. Американцы считали свою страну особой, выбравшейся из захолустья, построившей демократию, сотворившей свою культуру, географически защищенной, обладающей большим богатством и военной мощью, принявшей иммигрантов со всего мира. Ни одна другая нация в мире, по мнению американцев, не обладала подобной миссией. С этим были согласны многие политические лидеры. В. Вильсон выразил в сентябре 1919 года эти настроения, возможно, лучше всех: «Единственная бессмертная черта Америки – ее совесть. Америка не была бы бессмертной, поскольку имеет огромное богатство. Другие великие нации имели огромные богатства и погибли в разложении и бесчестии, потому что у них ничего больше не было. Америка великая нация благодаря идеям, которые она выдвинула. Америка великая – благодаря целям, которые она перед собой поставила. Америка великая потому, что у нее есть мировоззрение, которого нет у других наций, и одно предназначение, заставляющее сохранять непоколебимую верность Соединенным Штатам – предназначение нести свободу человечеству» [6.Р.17]. В. Вильсон считал, что эта миссия Америки может быть реализована в активной международной политике и участии в таких многосторонних институтах, как Лига Наций.

Изоляционисты, выступившие против участия США в 1920-1930-х в Лиге Наций, не раз обращались к той же аргументации. Они утверждали, что США достаточно сильны и независимы, чтобы оставаться вне международных организаций, применять свою силу там и тогда, где это

будет необходимо, вместо того, чтобы зависеть от интересов других наций.

В политическом дискурсе ЛН в США были заметными и другие кластеры: защита национального суверенитета США во взаимозависимом мире; негативное отношение к другим странам и социальным системам; опасение статуса меньшинства, в которое могли часто попасть США в международной организации; доминирование национальных интересов над международными обязательствами в области безопасности; нежелание финансировать международную организацию. Например, У. Бора предупреждал американцев, что признание Устав ЛН означает «отказ от доктрины Монро» [6.Р.49], а значит, и суверенной политики. Эту же мысль повторял сенатор-демократ У. Кинг.

Однако У. Бора, зарекомендовавший себя стойким оппонентом Лиги Наций, высказывался и за поддержку участия в международной организации: «Если будет создан институт международного права, я бы предоставил суду обязательную юрисдикцию. Я бы дал ему такую же силу, какой обладает Верховный суд США в спорах между штатами. Это единственная система, которая даст малым нациям право быть услышанными, когда они имеют противоречия с крупными государствами» [9.Р.200]. Г. К. Лодж заявил в 1919, что он не возражал бы против международного органа, который на самом деле содействовал бы разоружению и укреплению мира, но «если пытаться добиться многого, можно потерять все» [14.Р.322].

Не меньше противоречий можно обнаружить в высказываниях тех, кто поддерживал ЛН. Ведущим представителем вильсонистов считают К. Свэнсона, сенатора-демократа от Вирджинии, заявившего: «Я не могу удержаться от того, чтобы не высказать свою точку зрения и подчеркнуть, что Лига Наций сегодня является наиболее важным фактором на земле, действующим в пользу мира и

процветания» [4]. Однако, несмотря на то, что К. Свэнсон часто критиковал внешнюю политику администрации К. Кулиджа за отказ от сотрудничества с Лигой Наций, он выступил с поддержкой выдвинутых республиканцами планов увеличения расходов на военно-морской флот [5], иными словами, действовал в противоположном требованиям Устава Лиги Наций направлении о содействии снижению уровня вооружений.

Существенную роль в создании дискурса о ЛН в США играли религиозные воззрения его коллективных авторов. Например, республиканец от Иллинойса Л. Шерман обвинил ЛН в том, что в ней в основном представлены католики и папа будет контролировать большинство голосов членов организации [15.Р.105]. По мнению историка из Финляндии М. Рутсила, протестантская община стала наиболее страстным оппонентом Лиги Наций как таковой [13].

Во время политического кризиса в Маньчжурии 1931 года, благодаря усилиям дипломатов, прежде всего консула в Женеве П. Джилберта, США фактически включились в обсуждение в ЛН вопроса о японской агрессии в Северо-Восточном Китае. 23 сентября 1931 года Джилберт сообщил в телеграмме-молнии госсекретарю США Г. Стимсону о том, что «в Совете [*Лиги Наций* – А.Х.] растет стремление использовать американское сотрудничество в проведении переговоров» [12]. Это был действительно ключевой момент как для авторитета ЛН, так и для США, стремившихся сохранить свои интересы на Дальнем Востоке. Однако европейские представители в ЛН проявили нерешительность, а США после недолгой дипломатической переписки с Женевой вернулись к «изоляционизму», фактически предоставив Японии свободу в дальнейшем усилении на Дальнем Востоке.

После этих событий высказывания о ЛН в конгрессе США все больше склонялись к идеологемам изоляциониз-

ма. Характерным в этом отношении было выступление 29 января 1935 года сенатора Т. Шолла: «Они [*европейские страны – А.Х.*] – инструменты богов. Они стоят как Аякс на страже огня, как Леонид в Фермопильском проходе и мешают нашему вовлечению в Лигу Наций... Подальше от Европы и других наций, аннулирующих долги! Держитесь от них дальше! Держитесь от них дальше!»[10.Р.128]. Лига Наций в этом кластере Т.Шолла ассоциировалась не просто с Европой, а с историей европейской цивилизации. США всегда считали себя продолжателями ценностей европейской цивилизации. Однако Европа в этом дискурсе представлена как зона бесконечных конфликтов, в которые европейцы стремились втянуть США.

Дискурсы ЛН, существовавшие в США, оказали достаточно сильное воздействие на принятие политических решений. В общественном мнении США постепенно утвердились в 1920-1930-х идеологемы изоляционизма, несомненно, недооценивавшие вероятность и опасность новой мировой войны. В США в результате запутанных посланий политической элиты сложилось стойкое недоверие к международным организациям.

Библиографический список

1. Congressional Record [Text]. - Vol. 58. - Pt.6. - P. 6269
2. Congressional Record [Text]. - Vol. 58. - Pt.7. P. 6951-6952.
3. Congressional Record [Text]. - Vol. 58. - Pt. 8. P. 8213-8214.
4. Congressional Record [Text]. - Vol. 67. - Pt. 1. P. 975.
5. Congressional Record [Text]. - Vol. 70. - Pt. 2. P. 1189
6. Luck E. Mixed Messages: American Politics and International Organizations, 1919-1999 [Text]. - Washington: Brookings Institution Press, 1999.

7. Margulies H. F. The Moderates in the League of Nations Battle: an Overlooked Faction. [Text] // The Historian. 1998. – Vol. 60. - № 2. 273(15). Gale Document Number: A20427119. <<http://find.galegroup.com/ips/start.do?prodId=IPS>>.

8. Манькин, А.С. Изоляционизм и формирование внешнеполитического курса США (1923-1929) [Текст]. - М.: Мысль, 1980.

9. Newfang O. The United States of the World: A Comparison between the League of Nations and the United States of America [Text]. - N.Y.: G.P. Puntman's Sons, 1930.

10. Ostrower G. The United States and the League of Nations [Text] // The League of Nations in Retrospect. Proceeding of the Symposium Organized by the United Nations Library and Graduate Institute of International Studies. - N.Y.-Berlin: Walter de Gruyter, 1983.

11. Попова, Е.И. США: борьба по вопросам внешней политики. 1919-1922 [Текст]. - М., 1966.

12. P. Gilbert from Geneva to the Secretary of State, September 23, 1931 [Text]. SD 500. C. 112/648 RG 59. - Department of State. National Archives. - Washington.

13. Ruotsila M. Conservative American Protestantism in the League of Nations controversy [Text] // Church History. - 2003. - Vol.72. - № 3. - 2003. - P. 593. Gale Document Number: A108694266. <<http://find.galegroup.com/ips/start.do?prodId=IPS>>.

14. Selected Articles on the League of Nations [Text]. - N.Y.: H.W. Wilson Co., 1919.

15. Stone R. The Irreconcilables: The fight Against the League of Nations [Text]. - Lexington: University of Kentucky Press, 1970.

© Н. В. Бородкина (ЯГПУ)

**Неоколлизм в военной политике
Ж. Ширака (1995 – 2007)**

Ж. Ширак занял президентский пост 7 мая 1995 г., для Франции это событие – не простая смена президента. В силу того, что Ширак по политической принадлежности был голлистом, международное сообщество ожидало, что он будет проводить внешнюю политику, в том числе и военную, руководствуясь концептуальными принципами, заложенными первым президентом Пятой республики Ш. де Голлем. Однако вопрос, насколько военная политика Ж. Ширака соответствовала положениям военной доктрины Ш. де Голля, является на сегодняшний день открытым.

После окончания Второй мировой войны Франции было необходимо решать такие внешнеполитические задачи, как сохранение целостности своих колониальных владений и участие в послевоенном урегулировании. Генерал де Голль, возглавлявший движение «Свободная Франция», которое затем было переименовано в «Сражающуюся Францию», первый осознал, что укрепить престиж страны и вернуть ей статус великой державы невозможно без новой концепции внешней политики. Стоит напомнить, что итоги Второй мировой войны для Франции были неутешительными, так как она потерпела поражение от гитлеровской Германии в 1940 г., после чего вишистское правительство маршала Петена активно сотрудничало с Гитлером. По большому счету, благодаря усилиям де Голля, который добился поддержки СССР, Франция получила свою зону оккупации в Германии и одно из 5 мест постоянных членов в Совете Безопасности ООН. Генерал де Голль итоги своей деятельности в военный период охарактеризовал так: «Я спас дом и даже кое – какую мебель» [7. С. 247].

В этой кризисной для страны ситуации появление идеи, провозглашавшей возрождение Франции путем расширения влияния в мировой политике, вполне закономерно. В своих «Военных мемуарах» де Голль так определил основные цели Франции: « Франция лишь в том случае явля-

ется подлинной Францией, если она стоит в первых рядах... я думаю, что Франция, лишенная величия, перестает быть Францией» [2. С. 29].

Не все разделяли идеи де Голля, были сторонники и у так называемой «атлантической» концепции. Они утверждали, что экономическое положение и военный потенциал не позволяют Франции в дальнейшем играть роль великой державы [12].

Придя к власти в 1958 г., генерал де Голль видел возможным и необходимым добиться высокого морального авторитета страны на международной арене. По его мнению, «чтобы пользоваться международным авторитетом, нет необходимости быть огромной страной» [7. С. 429], для этого необходимо обладать национальной независимостью, подразумевавшей свободную систему союзов с учетом международных отношений. Опасаясь потери Францией свободы в принятии решений, де Голль отрицательно относился к любым видам военной интеграции, предусматривающим наднациональный характер [24. Р. 43-44.].

По мнению авторитетного французского исследователя в области международных отношений Ф. М. Дефаржа, внешнеполитическая концепция Ш. де Голля предполагала создание ядерного потенциала, способного значительно усилить положение Франции на международной арене; проведение независимой внешней политики; создание европейской организации под руководством Франции; рациональное управление бывшими французскими владениями [4. С. 137].

Обладание ядерным оружием являлось для де Голля в определенном смысле «входным билетом» в «клуб великих держав». Он говорил: «Франция должна приобрести ядерное оружие, потому что другие им владеют, иначе она не сможет распоряжаться своей судьбой» [6. С. 38].

3 ноября 1959 г. в своем выступлении в Высшей военной школе (Ecole militaire) Ш. де Голль отметил необходимость пересмотра взглядов на задачи и структуру вооруженных сил и реорганизацию армии [1. С. 69]. Однако сам де Голль, давая характеристику французским ядерным силам, заявлял в 1964 г.: «Наша бомба – мирная. Она делает войну против Франции невозможной» [23. Р. 121].

Реализация концепции внешней политики Ш. де Голля в военной области позволила Франции в непростой международной обстановке играть одну из ведущих ролей на международной арене.

Однако к середине 90-х годов международная ситуация, на которой строилась голлистская внешняя политика, ушла в прошлое: развал Советского Союза повлек за собой разрушение биполярного мира и окончание «холодной войны». Итогом этого стало изменение баланса сил в мировой политике. Франции необходимо было занять свое место в новом мировом порядке. Это предстояло осуществить президенту Франции Жаку Шираку.

Концепция национальной обороны и военно-стратегическая доктрина Франции при президенте Шираке подверглись изменениям, которые изложены в Белой книге по обороне 1994 г., в Декларации по оборонной политике премьер-министра А. Жюппе и министра обороны Ш. Миллона 1996 г., а также в военной программе на 1996-2002 и 2002-2008 гг. [22; 14; 20; 21].

Новые условия на международной арене требовали корректив в концепции национальной безопасности Франции. Франция теперь должна была быть способна противостоять локальным кризисам, контролировать затяжные кризисы. Театры военных действий теперь могли находиться на достаточно большом расстоянии от национальной территории. Некоторые из таких конфликтов не создавали непосредственной угрозы интересам Франции, однако нарушали

принципы международного права или уважение суверенитета государств, то есть такие принципы, которые Франция обязана защищать, так как является постоянным членом Совета Безопасности ООН [11. С. 114].

Так, по заявлению А. Жюппе: «оборона Франции не замыкается на себе самой...более того, она входит в общеевропейскую и международную.» [14. Р. 5]. В декларации министра обороны Ш. Миллона утверждается: «Обеспечивать нашу безопасность перед лицом внешней угрозы в меньшей степени означает противостояние гипотетической агрессии, нежели борьбу с очагами пожара, которые могут возникнуть и рядом с нами и вдали от нас» [14. Р. 12.].

В соответствии с новыми доктринальными установками руководство Франции во главе с Ж. Шираком сочло необходимым усилить военную эффективность. Для этой цели предусматривалось проведение военной реформы, чтобы создать принципиально новые вооруженные силы [10. С.2.].

Закон о военном планировании на 1997 – 2002 гг. предусматривал следующее.

Во-первых, переход армии, комплектуемой на основе всеобщей воинской повинности, к профессиональной. По новому закону в период между 1996 и 2002 гг. в армии проводится коренная реформа, цель которой состоит в том, чтобы перейти от армии смешанного типа численностью 548 тыс. человек к полностью профессиональной армии численностью 143 тыс. человек [11. С.118.]. В частности, министр обороны Ш. Миллон говорил о 50 тыс. контингенте в рамках НАТО и 35 тыс. для действия в разных театрах военных действий [14. Р.13-15.].

Граждане Франции, которые родились после 1 января 1979 г., не обязаны служить в армии, хотя могут пойти добровольцами на срок от 9 мес. до 2-х лет. Все юноши, а с 2003 года и девушки обязаны хотя бы один раз принять

участие в «гражданских рандеву» (rendez-vous citoyen), которые представляют собой пятидневные военные сборы [8].

Во-вторых, продолжение модернизации систем вооружения, в которой главная роль была отведена ядерному арсеналу. По заявлению премьер-министра Франции Л. Жоспена, которое он сделал 22 октября 1999 г., «Франция – одна из первых стран, приспособивших свои силы ядерного устрашения к новой международной обстановке после “холодной войны”» [13].

В июле 1996 г. был снят с вооружения носитель ядерного оружия самолет «Мираж IVP», однако 5 «Миражей» были оставлены на базе в Истре для выполнения разведывательных функций. Военно-воздушный компонент ядерных сил стал состоять из 45-60 самолетов «Мираж 2000N» и 24 палубных самолетов «Супер Этандар». Планировалась постепенная замена самолетов «Супер Этандар» на авианосцы «Шарль де Голль» и новые многоцелевые самолеты «Рафаль – М», которые к 2007 – 2008 гг. были оснащены модернизированными ракетами ASMP-A [5. С. 425].

В-третьих, структурную перестройку оборонной промышленности. Предпосылками к ней стали понимание необходимости высокой эффективности техники и разведки для обороны, а также воплощение голлистского принципа стратегической автономии Франции. В своей Декларации Миллон заявил о развертывании таких спутниковых систем наблюдения и связи, как «Гелиос-2» и «Трамильсатком», вместе с Германией, Испанией и Италией, которое должно было способствовать усилению общеевропейской обороны [14. Р. 15].

Помимо укрепления партнерства с европейскими странами в сфере обороны, планировалось создание высокоэффективных центров военной промышленности, которые могли быть включены в европейские военные комплек-

сы. Производство и потребление военной продукции должны быть организованы в общеевропейском масштабе [14. Р. 6.]. Кооперация с другими странами Европы, преимущественно с Германией, Великобританией, Италией, способствовала снижению расходов на содержание государственных заводов и позволяла иметь современную и не такую дорогую оборону [9]. Однако надежды на многие совместные европейские проекты были оправданы лишь отчасти. Так, проект строительства военных фрегатов «Hogizon», заключенный между Францией, Англией и Италией, был в апреле 1999 г. отложен Т. Блэром [17].

В самом начале своего президентства Ж. Ширак возобновил ядерные испытания. Военная программа на 1997-2002 гг. предусматривала 100 млрд. франков, то есть пятую часть всех военных расходов, на содержание и испытание ядерного оружия [15].

Можно говорить о том, что Франция стремилась сохранить военную мощь, в том числе ядерную, для того, чтобы поддержать статус мировой державы. К сожалению, военные реформы осложнялись обстоятельствами финансового характера. Из-за отсутствия необходимого финансирования французское правительство было вынуждено отказаться от некоторых военных программ. Например, вместо ракеты М5 осуществлялась разработка ракеты М51, которая позволила сэкономить 23% бюджетного финансирования [21]. Однако содержание солдат обходилось все дороже, разработка, производство и апробация новой техники становилось непомерно дорогими для бюджета страны. Например, новый танк «Леклер» стоил 8,5 млн. долларов, в то время как его предшественник танк АМХ-30 стоил 4 млн. долларов, вполне естественно, что «Леклер» никак не мог выйти на экспортный рынок, если еще учесть, что Россия предлагала на внешнем рынке намного лучший танк Т-80 по цене 2 млн. долларов [3].

Высокие расходы на вооруженные силы вызывали во французских политических кругах недовольство, особенно со стороны Французской коммунистической партии [18], в то время как правые партии были недовольны некоторым сокращением военных расходов [19].

Таким образом, при президенте Ж. Шираке военная доктрина сохранили основные принципы военной доктрины де Голля. Франция продолжала рассматривать военную мощь и ядерные силы как главное средство сдерживания противника и сохранения статуса великой державы. Отличительной чертой военной доктрины Ширака являлась разработка общеевропейской оборонной политики и обсуждение необходимости наличия европейской ядерной доктрины. Это обусловлено, в первую очередь, трудностями финансового характера, создающими условия, в которых все сложнее в одиночку поддерживать статус великой державы.

Библиографический список

1. Военный зарубежник [Текст]: информ.-аналит. журн. – М., 1961. - № 11.
2. Голль, Ш. де. Военные мемуары. Призыв (1940-1942) [Текст] / Ш. де Голль. - М., 1957. - 29 с.
3. Известия [Текст]: науч.-попул. газ. – М., 2001, ноябрь.
4. Дефарж Ф. М. Ведение в геополитику [Текст] / Ф. М. Дефард.- М., 1996. - 137 с.
5. Ежегодник СИПРИ. 1998. Etat des forces nucleaires françaises au 21.09.2001: <http://obsarm.ogr/nucannex/nucforces.html>. С.425.
6. Манжола, В. А. Ядерное оружие Франции и вопросы европейской безопасности [Текст] / В. А. Манжола. – Киев., 1989. - 37 с.
7. Молчанов, Н. Н. Генерал де Голль [Текст] / Н. Н. Молчанов. - М., 1972. - 256 с.

8. Независимое военное обозрение [Текст]: аналит. газ. о политике. - М., 1996.- 27 июня.

9. Независимое военное обозрение [Текст]: аналит. газ. о политике. – М., 1996. -10 октября.

10. Зарубежное военное обозрение [Текст]: информ. – аналит. журн. – М., 1997. - № 2.

11. Франция: Справочное издание МИД Франции [Текст]: [пер. с франц.] / Франция: Справочное издание МИД Франции. – М., 1999. – 118 с.

12. Aron, R. Immuable et changeante. De la IV-e a la V-e Republique [Текст] / R. Aron. – Paris., 1959 – 378 p.

13. Allocution de M. Lionel Jospin.

http://www.defense.gouv.fr/actualites/discours_pm/221099/221099.htm.

14. Assemblée Nationale: Déclaration du gouvernement sur la politique de defense par M.A. Juppé, premier ministre, et declaration de M. Ch. Millon, ministre de la defense. Col. 4.4042(2654). Doc. Mis en distribution le 3 avril 1996 [Текст]: офиц. Текст. – Paris., 1996.

15. Budget français de la defense: <http://quidfrance.com/WEB/DEFENSE/Q055600.HTM>

16. Chantebout, B. L'organisation générale de la defense nationale en France depuis la fin de la seconde guerre mondiale [Текст] / B. Chantebout. – Paris, 1967. - 51 p.

17. Le Monde [Текст]: аналит. газ. - Paris, 1999, avril 28.

18. Desarmement: la France toujours mauvais élève: <http://www.humanite.presse.fr/journal/2000/2000-08/2000-08-15/2000-08-15-007.html>.

19. Le Monde [Текст]: аналит. газ. – Paris, 1997, sept. 7.

20. Défence Nationale [Текст]: аналит. журн. – Paris., 2002. - Octobre.

21. La loi de programmation 1997-2002: <http://perso.wanadoo.fr/lioubov/armee/prog.html>

22. Le Livre Blanc sur la Defense. 1994. La dissuasion nucleaire est-elle encore necessaire dans le context geostrategique actuel?- [http: // www.ihedn.fr/](http://www.ihedn.fr/)

23. Peyrefitte, A. C'était de Gaulle [Текст] / A. Peyrefitte. – Paris.: FAYARD, 1997. - 121 p.

24. Valintin, F. Une politique de defense pour la France [Текст] / F. Valintin. – Paris, 1957. - 44 p.

© А.С. Гычева (ЯГПУ)

Миссия ООН в Сьерра-Леоне (октябрь 1999 года – декабрь 2005 года)

Африка неоднократно подвергала проверке политическую решимость и возможности Совета Безопасности ООН. С окончанием «холодной войны» появились ожидания, что ООН, наконец, сможет способствовать окончанию войн в Африке. Во время «холодной войны» деятельность ООН по поддержанию мира определялась интересами двух противоборствующих блоков во главе с СССР, с одной стороны, и США, с другой стороны. После ее окончания ООН предприняла беспрецедентное число миротворческих операций. Большинство их проводилось на территории Африканского континента. Несмотря на ожидания, что ставший более единым Совет Безопасности сможет создать мирную обстановку в Африке, неудачи в Сомали и Руанде испугали организацию и заставили быть более осторожными самых влиятельных ее членов.

Всегда сложно оценить успех той или иной операции. Выделяют шесть факторов, которые способствуют достижению успеха при проведении миротворческой миссии: готовность партий, существующих в стране, разоружиться и принять результаты выборов; развитие эффективной стратегии

работы с потенциальными «спойлерами» [1. P.5-53]; отсутствие экономических ресурсов для продолжения войны; сотрудничество региональных игроков в осуществлении мирных процессов; прекращение оказания военной и финансовой поддержки местным группам со стороны внешних сил, способствующих продолжению войны, и их обеспечение финансовой и дипломатической поддержкой для осуществления мирного процесса; руководство операциями по поддержанию мира способными посланниками ООН [2. P.196].

Судьба миротворческой миссии в Сьерра-Леоне доказала, насколько важную роль играют эти факторы. Эта миссия пользовалась как региональной, так и внешней поддержкой со стороны ведущих стран мира. Великобритания использовала свое постоянное членство в Совете Безопасности ООН, чтобы убедить США поддержать учреждение самой крупной миротворческой Миссии в мире в Сьерра-Леоне в 2000 году. При поддержке британских войск Миссия ООН в Сьерра-Леоне была готова действовать против лидера Объединенного революционного фронта (ОРФ), Фодая Санко, и его спонсора, Чарльза Тейлора из Либерии, после того, как Санко попытался саботировать миссию в мае 2000 года.

Гражданская война в Сьерра-Леоне началась в марте 1991 года, когда подразделения ОРФ начали военные действия, в восточных районах вблизи границы с Либерией в целях свержения правительства. Сначала армия Сьерра-Леоне пыталась защитить правительство, используя поддержку Группы военных наблюдателей (ЭКОМОГ) Экономического сообщества западноафриканских государств (ЭКОВАС). Однако в следующем году она сама его свергла. В 1997 году армия объединилась с силами ОРФ и сформировала правящую хунту. В феврале 1998 года ЭКОМОГ в ответ на нападение со стороны сил хунты, составленных из мятежников и армейских подразделений, начала военное наступление, которое завершилось падением хунты и ее изгнанием из Фри-

тауна. Но в декабре 1998 года объединенные силы вновь попытались захватить Фритаун, и в январе 1999 года они заняли большую часть города. ЭКОМОГ ценой больших потерь среди гражданского населения и своего персонала удалось вытеснить мятежников из столицы. Проблема заключалась в том, что Либерия и Буркина-Фасо предоставляли мятежникам ОРФ оружие и тыловые базы в обмен на долю в прибыльной торговле алмазами, которую вела Сьерра-Леоне. Неудивительно, что конфликт распространился на территорию соседних Либерии и Гвинеи.

7 июля 1999 года при содействии ООН и ЭКОВАС все стороны конфликта подписали Ломейское соглашение, предусматривающее прекращение боевых действий и формирование правительства национального единства. Соглашение призывало ОРФ трансформироваться в политическую партию и давало лидеру ОРФ Санко пост вице-президента, а также обязанности председателя Комиссия по управлению стратегическими ресурсами. ООН согласилась предоставить персонал для помощи в наблюдении за ходом процесса разоружения и выборов.

Вскоре после того, как в мае 1999 года Олусегун Оба-саньо вступил в должность президента Нигерии, он объявил о выводе из Сьерра-Леоне 8500 из 12000 нигерийских войск. При наличии большого числа внутренних проблем новый гражданский режим в Нигерии не был готов и дальше нести те убытки, включающие в себя 1 миллион долларов в день, которые несла бывшая военная хунта Нигерии. Чтобы заполнить тот вакуум, который образовался после ухода нигерийских миротворцев, была учреждена миссия ООН в Сьерра-Леоне. Олуйеми Адениджи, нигерийский дипломат, выполнявший обязанности Специального представителя ООН в Центральной Африканской республике, был назначен специальным представителем в Сьерра-Леоне. Самые большие контингенты для Миссии ООН в Сьерра-Леоне были пре-

доставлены Индией, Нигерией, Иорданией, Кенией и Бангладеш.

Миссия ООН в Сьерре-Леоне столкнулась с огромными проблемами, так как Санко, несмотря на то, что подписал мирное соглашение, действовал как «спойлер» [3. P. 205]. ОРФ продолжал вести бои с Революционным советом вооруженных сил (РСВС) и Силами гражданской обороны в сельской местности, что мешало развертыванию миротворческих сил ООН в богатых алмазами провинциях. Начиная с мая 2000 года, ОРФ совершал нападения на миротворцев ООН. При этом некоторые из них были убиты, 500 взяты в заложники. ОРФ также захватывал их тяжелое оружие и средства передвижения. Посланная в июне 2000 года миссия ООН, которая была создана для оценки положения в Сьерра-Леоне, указала в своем докладе на ряд серьезных проблем в управлении Миссией ООН в Сьерра-Леоне и отсутствие общего понимания всеми миротворцами их мандата. В докладе было также отмечено, что некоторые военные соединения испытывают недостаток в должной подготовке и боевой технике [4]. Даже до конфиденциального доклада, написанного генералом Виджеем Джетли, просочившегося и опубликованного в международной прессе в сентябре 2000 года, постоянно появлялись заявления о напряженности в отношениях между политическим и военным руководством ООН. В докладе индийский Командующий силами Миссии ООН в Сьерра-Леоне обвинял младших нигерийских должностных лиц в попытке саботировать Миссию ООН в Сьерра-Леоне, которые вступали в тайные сговор с мятежниками ОРФ с целью продолжения конфликта, чтобы извлечь выгоду из незаконной торговли алмазами. В результате Нигерия отказалась предоставлять своих миротворцев под командование Джетли и Индия заявила о выводе своего трехтысячного контингента из Сьерра-Леоне в сентябре 2000 года.

Ввод британских сил между маем и июнем 2000 года помог стабилизировать ситуацию во Фритауне и его окрестностях. Небольшой британский контингент, который находился вне командования ООН, должен был помочь восстановить армию Сьерра-Леоне.

После первого сражения ЭКОВАС согласилось отправить трехтысячные Силы быстрого реагирования США для поддержания миротворческой Миссии ООН в Сьерра-Леоне. Число миротворцев ООН увеличилось в результате до 20 тысяч человек, чтобы избежать судьбы Анголы и Руанды. Признавая, что незаконная торговля алмазами сыграла свою роль в развязывании конфликта, Совет Безопасности ООН в июле 2000 года запретил мировой импорт необработанных алмазов из Сьерра-Леоне. Позднее, в марте 2001, Совет Безопасности наложил такие же санкции на Либерию за то, что она оказывала поддержку ОРФ.

После поражения в мае 2000 года Миссия ООН в Сьерра-Леоне разработала новую стратегию, чтобы восстановить доверие и уверенность в миссии по поддержанию мира. Олуйеми Адениджи убедил лидеров ЭКОВАС заменить Санко на посту главы ОРФ. Более того, полевой командир ОРФ, Исса Сесей, стал сотрудничать с ООН в решении задач по разоружению. После этого Миссия ООН в Сьерра-Леоне создала совещательную группу высокого уровня под председательством президента Каббы, которая должна была обсуждать выполнение ООН поставленных задач совместно с ОРФ. Еще одним результатом новой стратегии ООН в Сьерра-Леоне стало подписание в ноябре 2000 года Абуджанского соглашения между правительством Сьерра-Леоне и ОРФ, которое позиционировали как соглашение о прекращении огня. Это было третье мирное соглашение, подписанное за время гражданской войны в Сьерра-Леоне. До этого в 1996 году было подписано Абуджанское, а в 1999 году Ломейское соглашения. Абуджанское явилось всеобъемлющим

соглашением, которое затрагивало политические, военные и социально-экономические проблемы, препятствующие установлению мира в Сьерра-Леоне. Спустя неделю после подписания этого соглашения все стороны приступили к выполнению его условий: разоружение, демобилизация, освобождение военнопленных, открытие дорог. Спустя восемь месяцев Кабба смог объявить об окончании десятилетнего конфликта в Сьерра-Леоне.

Официально гражданская война в Сьерра-Леоне закончилась 18 января 2002 года, когда все партии подписали Декларацию об окончании войны. В мае 2002 года в стране были проведены президентские и парламентские выборы, на которых Ахмед Теджан Кабба был вновь избран на должность президента.

Силы Миссии ООН в Сьерра-Леоне были выведены из страны в конце 2005 года. В августе 2005 года Совет Безопасности ООН принял Резолюцию 1620 [5], согласно которой было создано Объединенное ведомство по Сьерра-Леоне. Оно должно помочь стране достичь длительной стабильности и развития.

Несмотря на значительный прогресс Миссии ООН в Сьерра-Леоне, которая до этого находилась на грани неудачи, многие проблемы остались нерешенными. В результате жертвы ЭКОМОГ и Миссии ООН в Сьерра-Леоне могли оказаться напрасными. Ситуация в районах, расположенных вдоль границы с Либерией, оставалась нестабильной из-за нападений как Вооруженных сил Либерии, так и либерийских повстанцев. ООН следовало активно способствовать реформированию в области безопасности, а именно подготовке армии Сьерра-Леоне. Эта новая армия должна контролировать незаконный экспорт алмазов, что позволит сократить источники финансирования незаконных организаций.

Библиографический список

1. Stedman S. Spoiler Problems in Peace Processes [Text] /S.Stedman //International Security.- 1997.- 22/2.- P. 5-53.
2. Africa in International Politics. External Involvement on the Continent [Text]. - Routledge: Taylor and Francis Group, 2004.
3. Ibid.
4. UN Fifth Report on the United Nations Mission in Sierra Leone [Text]: S/2000/751. - 2000. - 31 July.
5. Резолюция Совета Безопасности ООН352, [Текст]: SC/1620 (2005). - 2005.- 31 августа.

© С. В. Воронина (ЯГПУ)

Развитие женского мусульманского движения во второй половине XX века на примере Тунисской Республики и Исламской Республики Иран

Одной из определяющих характеристик второй половины XX в. стала борьба в мусульманском мире за достижение равенства мужчин и женщин. Признание равноправия женщин и мужчин и решимость бороться с дискриминацией по признаку пола – это достижения, по своей важности не уступающие ликвидации рабства, искоренению колониализма и утверждению равных прав для расовых и этнических меньшинств. Исследуя «женский вопрос» в мусульманских странах, востоковеды отмечают, что он является весьма сложным для изучения. Основная трудность заключается в стойких традиционных нормах жизни, основанных на исла-

ме и предписывающих женщине определенное место в общественной жизни.

Цель моего исследования - дать сравнительный анализ истории женского движения в Тунисской Республике и Исламской Республике Иран. Именно эти страны представляют наибольший интерес в связи с тем, что в Тунисе преобладает либеральный ислам, а в Иране – фундаментальный. Для реализации поставленной цели были использованы публицистика и периодическая печать, где ярко демонстрируется вся сложность и противоречивость «женского вопроса».

Данной проблеме уделяли большое внимание такие ученые-эксперты, как Амина Вадуд, Лейла Ахмед, Фатима Мерниси, Шахин Жерами, С. Л. Агаев, Н. И. Ворончанина, М. Р. Годс и др.

Одним из основных разворачивающихся культурных преобразований в Тунисе является борьба за равноправие женщины. Длительный этап французской колонизации сказался на развитии страны. В начале XX в. в Тунисе женский вопрос стал волновать общественность, тунисские передовые круги были единодушны во мнении о необходимости эмансипации мусульманки, но были и расхождения в вопросах о путях достижения этой цели [4. С. 26-27].

Представители одного из течений, исламофильства, во взгляде на женский вопрос руководствовались идеями мусульманского модернизма. Они считали, что нужно последовательно применять в жизнь принципы обновленного ислама и освободить женщину от рабского подчинения мужчине. Но мусульманка должна сохранять свою национальную самобытность, религию и традиции [5. С. 56].

Представители западничества чтит традиции ислама, но выступали за усвоение достижений мировой культуры, науки и общественной мысли. Эмансипацию они видели в сохранении женщиной своей восточной культуры, однако она должна была получить хорошее воспитание и образова-

ние, чтобы приблизиться к уровню знаний европейской женщины. Последователи данного течения видели будущее своей страны в гармоничном синтезе Востока и Запада [5. С. 56].

Эмансипация поначалу охватывала только верхние слои общества. В конце 20-х гг. XX века в Тунисе появляются первые эмансипированные женщины из аристократических семейств, которые находились в контакте с европейцами. Они первыми осмелились снять хиджаб и бросить вызов архаичным традициям, что вызвало осуждение [5. С. 70-71]. В 1936 г. появилась первая женская организация «Союз женщин мусульманок Туниса» под руководством Бешеры Бен М'рад. С этого времени женщины стали активно участвовать во всех выступлениях, митингах и демонстрациях. Постепенно в стране возрастало участие женщин в общественно-политической жизни. В 50-е гг. активно действовали антиимпериалистические силы, в 1952-1954 гг. не последнюю роль в национально-освободительном движении сыграли женщины [5. С. 79-80].

Таким образом, первая половина XX в. ознаменовалась подъемом движения за женскую эмансипацию в Тунисе. Это был спонтанный процесс, который затронул только верхние слои общества. Единственной целью первых эмансипированных женщин было достижение личной независимости, их почти не привлекала политическая или общественная деятельность.

В Иране также в первой половине XX в. проводилась политика модернизации страны. Почти одновременно с Тунисом в Иране в 1935 г. была создана первая официальная женская организация. Тогда же властями был принят закон, запрещающий ношение хиджаба, который рассматривался как препятствие к участию женщины в общественной жизни страны [2. Р. 137-138].

В Тунисе вопрос о снятии хиджаба не стоял так остро. Представители исламофилов выступали за то, что ношение хиджаба никогда не было религиозно предписано. Однако в II в. Хиджры мусульманские женщины считали хорошим тоном закрывать лицо так, как это делали персиянки [4. С. 36-37].

В отличие от Туниса, в Иране политика европеизации одежды и быта женщин вызвала недовольство консервативно настроенного общества, поэтому властям пришлось подавлять антишахские выступления, в которых активно участвовали женщины в хиджабах. Уже в ходе исламской революции 1979 г. стало очевидно, что под нажимом политики шаха общество совершенно отказалось от нововведений [2. Р. 145-147].

После обретения Тунисом независимости в 1956 г. эмансипация становится абсолютно необходимой. Сразу же началась разработка нового законодательства. Юридической основой для эмансипации стал новый Кодекс законов о семье и браке, который заменил семейно-брачные нормы шариата. Согласно новому положению мусульманка стала самостоятельной личностью, юридически равноправной мужчине. Задачей кодекса было гарантировать женщине свободу, он определил ее права как активного члена общества, изменил брачные правила - отменил полигамию, талак, дал возможность наследовать имущество в зависимости от родственных связей. Из старых традиций остались помолвка при заключении брака (фатиха), брачный контракт и выкуп [5. С. 87-88].

Революция 1979 г. в Иране признала за женщиной право на активную социальную жизнь, что не противоречило нормам шариата и Корана. Основные права иранской женщины были прописаны в Конституции и Гражданском Кодексе. Мусульманка имеет право участвовать в общественной жизни страны, получать образование и работать, но ос-

новой обязанностью остается воспитание детей. Что касается права наследования, то женская доля в два раза меньше мужской. Женщина может быть инициатором развода, и этот вопрос решается в суде [6. С. 21-23].

Лидеры Иранской Республики Иран, особенно после войны с Ираком, смогли больше внимания уделить женскому вопросу, так, в 1988 г. был создан Совет по социально-культурным проблемам женщин, задачей которого стала защита прав женщин в обществе. В 1991 г. было создано Бюро по делам женщин при президенте Ирана, которое в 1997 г. это было преобразовано в «Центр участия» при президенте. Эта организация отвечает за подготовку практических рекомендаций по женскому вопросу в различных сферах для представления их правительству, парламенту и президенту [6. С. 25-27].

Тунисские женщины получили возможность участия в политической жизни страны в июне 1956 г., когда вступил в силу закон о выборах в муниципальные советы. В январе 1956 г. была создана массовая женская организация, которая получила название «Национальный союз тунисских женщин» (НСТЖ). Ее основной задачей является выступление за активное участие женщин в общественно-политической жизни страны. НСТЖ организует курсы по ликвидации неграмотности, оказывает материальную помощь одиноким женщинам, а также содействует их трудоустройству. С 1 июня 1959 г. Конституция предоставляет женщинам полные политические права. В 1959 г. они приняли участие в выборах в Национальное собрание. Важным итогом этих выборов стало то, что председатель НСТЖ Радия Хаддад стала первой женщиной-депутатом Парламента. Число женщин, включенных в общественно-политическую жизнь страны, неуклонно растет. В 1994 г. 7 % от общего числа депутатов, избранных в парламент, составляли женщины. На местном уровне участие женщин в работе представительных органов

приближается к общемировому 14 % уровню. 3 мая 2004 г. впервые указом президента губернатором провинции стала женщина, Сальва Моханси [8. Р. 56-58].

Затрагивая вопрос о роли женщины в экономической жизни тунисского общества, следует подчеркнуть, что женский труд был ограничен в течение многих лет узкими рамками сельского хозяйства и сферой домашнего обслуживания. После 1956 г. постепенно стали создаваться предпосылки для активного вовлечения женщин в сферу общественно полезного труда. 1 июля 1965 г. был принят закон о запрете использования труда девочек моложе 14 лет. В Трудовом Кодексе 1966 г. говорилось об оплачиваемом четырехнедельном декретном отпуске. Однако все еще сохраняются некоторые черты дискриминации женщин, это выражается в низкой заработной плате. Фактически она составляла 85% от заработной платы мужчины.

В июне 1966 г. на IV съезде НСТЖ был выдвинут девиз «Дальнейшее развитие эмансипации женщины» и приняты резолюции по экономическим вопросам. Члены союза требовали равенства в оплате труда, создания условий для профессионального обучения, предоставления женщинам права участвовать в комитетах предприятий [5. С. 102-103].

Согласно Конституции Ирана женщины имеют право на выбор работы, но оно может быть ограничено со стороны мужа. Что касается вклада иранских женщин в экономику, то можно сказать, что 44% всего трудоспособного населения страны составляют женщины, которые ведут домашнее хозяйство [2.Р. 74-78].

Следует особо упомянуть тот факт, что мусульманские страны добились самого быстрого прогресса в сфере образования для женщин, повысив в течение 1970-90-х гг. более чем в 2 раза темпы ликвидации неграмотности среди женского населения. В 1957 г. по решению Министерства образования Туниса был издан указ о запрете ношения хид-

жаба школьницами. С момента обретения независимости количество девушек, получивших доступ к образованию, неуклонно возрастало. В последнее время неграмотность среди женщин достигает 63% [5. С. 110-111]. Что касается образования в Иране, то здесь уровень неграмотности намного выше и составляет 75 %.

Президенту Туниса Хабибу Бугрибе удалось заручиться поддержкой главного муфтия, что позволило без особых трений проводить политику эмансипации женщин. Важную роль сыграли географическая близость Туниса к Европе, тесные контакты с Западом, трудовая миграция, развитие туризма, торговли, культурные связи [9. Р. 156].

В конце 60-70-х гг. в обществе постепенно растет недовольство слишком сильной эмансипацией тунисских женщин, что стало предметом постоянной критики президента. В последнее время в Тунисе появляются девушки в длинных юбках с короткими покрывалами, закрывающими лицо и плечи. Это - последовательницы Хенд Шалти. Она выступает за возвращение к основам ислама. После того, как в октябре 1975 г. она обрушилась с критикой на президента, ее стали поддерживать многие граждане и открыто высказываться против Кодекса гражданского состояния 1956 г [9. Р. 159-162]. Все вышеперечисленные факторы привели к тому, что официальная пропаганда, направленная на равноправие женщин, стала носить более осторожный характер. После смены власти в 1987 г., когда президентом стал Зин аль-Абидин бен Али, руководство страны пыталось активизировать деятельность фундаменталистского движения. В Тунисе началась кампания в защиту Кодекса. Только после того, как съезд правящей партии Демократическое конституционное объединение в июле 1988 гг. официально подтвердил неприкосновенность Кодекса, напряженность в обществе спала. Все последующие заявления власти сводились к тому, что

эмансипация женщины остается основополагающим принципом в области социальной политики [9. Р. 164-166].

В конце 90-х годов многие проблемы, касающиеся равноправия иранских женщин, постепенно снимались с повестки дня. К началу третьего тысячелетия в Иране были осуществлены некоторые изменения, которые позволяют говорить об улучшении положения женщин в этой стране. Переломным в этом смысле можно считать 1993 г., когда вслед за повторным избранием Х.Рафсанджани президентом страны существенно ослабли позиции исламских фундаменталистов в высших органах власти. После своего избрания Х.Рафсанджани учредил правительственный пост советника президента по женским проблемам. Шахла Хабиби стала первой женщиной, получившей ответственную должность в исполнительных органах власти.

В 2001 г. Иран присоединился к Конвенции ООН о запрете любых форм дискриминации женщин [5. С. 161-162]. Несмотря на это, в настоящее время влияние фундаментального ислама остается значительным. В подтверждение сказанному можно привести заявление президента Ирана Махмуда Ахмадинежада, придерживающегося консервативных взглядов: «Упор на принципы ислама остается в центре политики. Отклонение от этих принципов наносит сильнейший удар по духовным и культурным основам общества» [7. Р. 30-31].

Однако политика, проводимая тунисским руководством на протяжении почти шестидесяти лет, дала свои плоды, и общество не желает возврата к прошлому. Об этом свидетельствует и кампания, развернувшаяся в Тунисе в защиту Кодекса, и тот факт, что исламисты в своих предвыборных лозунгах в 1989 г. и 1994 г. старались обходить вопрос о положении женщин, понимая, что их позиции по этому вопросу не такие же, как у основной массы населения страны [6. С. 170-172].

Таким образом, рассматривая женское движение в Тунисе и Иране во второй половине XX в., можно сделать вывод, что Тунис достиг определенных успехов в этом вопросе. Будучи крупной исламской страной, Иран отличается, прежде всего, тем, что здесь господствует шиитский ислам, т.е. ислам в его более крайней форме. Непримируемость шиитского духовенства и ведомого им народа к нововведениям, угрожающим позициям ислама, наиболее сильно проявилась в Иране во второй половине XX в. Кроме того, слабость консервативно настроенной власти, неспособной успешно провести реформы в отношении женщин, - еще один сильный импульс, повлиявший на их положение в этой стране. Сила традиций продолжает быть определяющим фактором развития общества. Традиционная исламская структура, легко преодолевая все импульсы извне, продолжает культивировать свой образ жизни.

Библиографический список

1. Агаев, С. Л. Иран в прошлом и настоящем [Текст] - М., 1981.
2. Arab Women. Between Defiance and Restraint [Text]// edited by Suha Sabbagh, N. Y.: Olive Branch Press, 2003.
3. Bingham M. W. and Cross S. H. Women in Islam [Text] - Glenhurst Publications, Inc, 1980.
4. Ворончанина, Н.И. Борьба за женскую эмансипацию в Тунисе в начале XX века (20-30- гг.) [Текст] – М.: Наука, 1973.
5. Ворончанина, Н.И. Женский вопрос в странах Северной Африки (на примере Алжира и Туниса) [Текст]– М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 1999.
6. Годс, М. Р. Иран в XX веке: Политическая история [Текст] – М., 1994.

7. Gerami S. Women and Fundamentalism. Islam and Christianity [Text] – Garland Publishing, Inc. New York – London, 1996.

8. Mernissi F. Beyond the Veil [Text] – Indiana University Press, Bloomington and Indianapolis, 1987.

9. Wadud A. Inside the Gender Jihad. Women's Reform in Islam [Text] – One World Publications, Oxford, 2006.

10. Wiebke Walther. Woman in Islam. From Medieval to Modern Times [Text] – Montclair, NY: A. Schram; London: G. Prior, 1981.

НАРОД, ПОЛИТИКА, ВЛАСТЬ В ИСТОРИИ РОССИИ

© Л.М.Архипова (ЯГПУ)

Русская триада в трактовке святителя Димитрия Ростовского

Для наших современников стали привычными часто цитируемые слова о том, что тяжело жить в век перемен, или «времена меняются, и мы в них». В русской православной историософии, в отличие от конфуцианства или древнегреческого язычества, время понимается как постоянный и неизменный Абсолют, а психофизическая природа человека признается неизменной. Вся русская история, осмысленная как Богобытие, позволяет нам убедиться в истинности такого мировосприятия. Характерно в этой связи, что в обыденном сознании наших современников возникает мысль о том, что исторические коллизии повторяются. Одной из них следует признать проблему «Священства и Царства», которая стала едва ли не центральной в общественно-политической и духовно-культурной жизни страны в XVII в., получила определенное разрешение в XVIII, отразилась в идеологических дискуссиях XIX – XX вв. Несмотря на ее фундаментальность, до сих пор нет даже приблизительного единства в оценке исследователями церковной реформы Петра Великого, как и в целом его личности и роли в государственном строительстве России. Если для научного осмысления этих сюжетов разночтения допустимы как естественное следствие относительности рационального познания мира, то наблюдающаяся разность мнений среди лиц духовного звания вызывает смущение, поскольку эта разность не может проистекать из однозначно понимаемой Евангельской истины и святоотеческих трудов. Обра-

щение к духовным источникам познания становится поэтому неизбежным.

Сохранилась “Речь к Петру Великому Святителя Димитрия Ростовского”, которая дает полное и определенное представление о православном отношении к триаде “Церковь – Царь – Подданные”, перекликающейся с известной русской триадой “Православие – Самодержавие – Народность” [1]. В ней святитель Димитрий активно использовал аналогии: между Царством небесным и царством земным, между русской столицей и Сионом, между подданными царя Петра и сынами Сионскими, русским царем и царем Давидом. Этот риторический прием в единстве с цитированием псалмов и ссылками на Божественное Писание позволил выразить несколько принципиально важных положений.

Во-первых, минимумом речевых средств автор сумел создать широкий исторический контекст, в котором установлена преемственная связь русского царства с ветхозаветным Сионом, что должно было вызвать мысль об особом назначении России в мировом процессе, но еще в большей степени русского самодержца и конкретно Петра I. “Поистине, сей богоспасаемый царствующий град подобает называть вторым Сионом, ибо благодать Божия, перенесшись от ветхозаветного Сиона, возсияла на нем христианским православием, и здесь-то сыны сионские, христиано-российские чада радуются о царе своем» [1].

Во-вторых, реальность бытия приобретает сакральный смысл – «...мудрость царева управляет царством, благость же утверждает престол царский. По этим двум причинам и радовались сыны сионские о царе своем как об ангеле Божиим. Но кроме сего еще и потому подобает радоваться о царе, что лицо и сан христианского царя являются на земле живым образом и подобием Христа Царя, живущего на небесах» [1].

Именуя царя как «Христа Господня, помазанника Божия, царя земного, христианского православного монарха, Ваше Царское Пресветлое Величество», святитель Димитрий признавал священную суть монаршего сана и, следовательно, не мог ее противопоставлять православной церкви. «Как человек по душе своей есть образ и подобие Божие, так и христос Господень, помазанник Божий, по своему царскому сану есть образ и подобие Христа Господа» [1]. О том, что в его духовной трактовке политической проблемы «Священство и Царство» не является антитезой, свидетельствует и дальнейшее развитие прямой аналогии между Господом Христом и христом Господним. «Христос Господь первенствует на небесах в церкви торжествующей, христос же Господень по благодати и милости Христа Небесного предводительствует на земле в церкви воинствующей». «Как Тот положил душу Свою за церковь Свою, которую приобрел ценой крови Своей, так и сей не щадит души своей за Его Христову святую церковь, полагает душу свою...» [1].

Какова же роль самой Церкви в земном устройстве и по отношению к самодержавию? На этот вопрос в речи святителя Димитрия есть прямой ответ как результат глубокого и самостоятельного размышления над словами Божественного Писания. «Как сан царя христианского есть земной образ и подобие Христа, Царя Небесного, так и власть христа Господня имеет некое таинственное подобие во власти Христа Господа. Того власть на небесах почивает и носится на четырех животных, у которых лицо орла, лицо льва, лицо человека и лицо тельца, сего же власть, власть христа Господня, на земле стоит и имеет, по подобию тех горних лиц, своих носителей, на которых и почивает» [1]. Власть православного самодержца опирается на молитвенную поддержку Церкви. «Преосвященные архиереи и весь чин духовный являют лицо человечье, украшенное ангель-

скими желаниями, ибо носит на себе ангельское звание; сии, возносясь к Богу высокими умами богомыслия, как крыльями, всегда молят Бога о вашем царском здравии, долгоблагодолучии и спасении» [1].

Честь и славу земного царя возносят выше своего благополучия «благородные князья и бояре», которых святитель Димитрий уподобил лицу высокопарящих и высокородных орлов. «Лицо же львово – это храброе воинство, которое со стремительностью течет на брань и за государя своего полагает здоровье свое. Наконец, все общество, население, все народное множество, подчиненное христианскому монарху, Вашему Царскому Пресветлому Величеству, – это лицо телячье, трудолюбно и тщательно носящее бремя повиновения» [1]. Все, на ком «почивается и носится монаршая власть», а значит и Русская Православная Церковь, склоняют «раболепно главы своя» перед православным царем, воздавая ему «достойную честь и поклонение» [1].

Обдуманность и искренность своей позиции святитель Димитрий усиливает выражением личного отношения к царю. В непосредственном обращении к нему он называет себя не иначе как «недостойный и раболепно припадающий». «Ныне же и сам я, призванный сюда милостивым указом Вашего Царского Пресветлого Величества, удостоившись видеть своими недостойными очами Ваше царское пресветлое лицо, чувствую себя счастливым, радуясь о царем моем, к царской пресветлой власти которого раболепно припадая, всю свою радость и волнение, которые имею в сердце своем, я выражаю в Давидских вещаниях: «Да даст Господь по сердцу твоему и весь совет твой исполнит; исполнит Господь вся прошения твоя» (Псал. - 19,5). «Да обрящется рука твоя всем врагом твоим, десница твоя да обрящет вся ненавидящая тебе. (Псал. 20,9)» [1].

Можно найти несколько объяснений рассмотренной позиции святителя Димитрия Ростовского. В его речи есть слова, которые возможно интерпретировать как проявления русской теократии. Известно, что задолго до рассматриваемых событий еще в 1630 г. в Чине избрания и поставления на архиерея отразилось изменение отношения русской церкви к верховной светской власти. Сравнение чинопоследований XV в. с чинопоследованиями первой половины XVII в. свидетельствует о возрастании роли царя (великого князя) во всем ритуале и в особенности в постоянном и развернутом воспоминании царя во всех частях обряда. Несмотря на то, что в самой хиротонии царь не принимал прямого участия, его присутствие церемониально уже оставлено было таким образом, что указывало «на православного царя как на центральную фигуру, вокруг которой организуется церковная жизнь и без которой невозможно ее благодатное течение» [2. С.148]. Впоследствии Чин претерпевал разнонаправленные изменения. В 1690-х гг. патриархом Иоакимом уже после кончины царя Алексея Михайловича была предпринята попытка воспроизвести старый чин, по которому окончательный выбор архиерея осуществлялся патриархом, а не царем [2. С.170-172]. (См.: Там же. С.170-172). Хиротония святителя Димитрия Ростовского в митрополиты Сибирские и Тобольские 23.03.1701 г. состоялась после кончины патриарха Адриана. Отсутствие патриарха отразилось в Чине поставления автоматически: из обещания новопоставленного архиерея ушли указания на волю патриарха, тогда как царское «благочестивейшее соизволение» осталось на месте [2. С.197]. (Ср.: Там же. С.197). В другой части архиерейского обещания вместо повиновения архиепископу московскому и патриарху всея Руси появилась замена на повиновение «вселенским святейшим четверопрестольным патриархам», которые тем самым оказывались единой главой русской церкви. Еще ранее этого в 1613

г. при избрании династии Романовых на царство в Грамоте Великого Московского Собора был ясно выражен самодержавный, а значит и сакральный смысл верховной власти в России: «Целовали все Животворящий Крест и обет дали, (...) чтобы избранник Божий, Царь (...) был (...) с ответственностью в Своих делах пред Единым Небесным Царем. И кто же пойдет против сего Соборного постановления – (...) патриарх ли, и всяк человек, да проклянется таковой в сем веке и будущем, отлучен бо будет он от Святой Троицы.(...) таковой, еще от священных чину, (...) по священным правилам (...) всего извержен будет, и от Церкви Божией отлучен, (...) яко мятежник и разоритель Закону Божию, а по Царским Законам месть воспримет» [1].

Вместе с тем истоки русской теократии следует искать не в исторических перипетиях и уж, конечно, не в исключительных претензиях русских монархов, а в целостности истинно православного вероисповедания, для которого земной мир не отчужден от Бога, а, напротив, соединен с ним многими прочными нитями, включая и верховную светскую власть. В речи святителя Димитрия Ростовского отразилось православное признание всеединства и полноты бытия, в соответствии с которым историческое развитие как целое есть божественный человеческий процесс. Опасность постепенного и все же полного разрыва между «эмпирией», то есть наблюдаемым, проживаемым людьми на земле, временным, с одной стороны, и Богобытием как всевременным и всепространственным, с другой, является не только духовно, но и социально опасным. Развивая эту мысль, Л.П.Карсавин писал, что, поскольку идея всеединства мира утрачена, то Бог, даже если и признается, то помещается вне земного существования людей. В этом случае общество понимается как механистическая совокупность индивидуумов, различаемых функциями, и переход к перераспределению функций и смене строя кажется легким [3].

С. 223-225]. Святитель Димитрий Ростовский обладал счастливым осознанием всеединства мира, подобно тому, как в последующие века эту же целостность мировосприятия в отношении самодержавной идеи выразили другие прославленные иерархи РПЦ.

Библиографический список

1. Речь к Петру Великому Святителя Димитрия Ростовского [Текст] / Димитрий Ростовский, митрополит.// Правда о Петре Великом. <http://www.monar.ru>.

2. Живов, В. Из церковной истории времен Петра Великого: исследования и материалы [Текст] / В.Живов. - М., 2004.- 360 с.

3. Карсавин, Л.П. Философия истории [Текст] /Лев Платонович Карсавин. – Спб, 1993. – 351 с.

© Е.Л. Сараева (ЯГПУ)

Последствия реформ Петра I в контексте учения западников

Петровские реформы задали направление модернизации страны, изменили облик российской цивилизации, породили немало противоречий в политической и социокультурной жизни страны. «Русские европейцы», как называли себя западники 1840-х гг., имели относительную свободу выражения своих идей о политике Петра I, так как в официальной идеологии признавалось величие его деяний. Влияние реформ Петра I на судьбу страны было открытой темой в исторических исследованиях, публицистике, что стимулировало гласное обсуждение этой проблемы. Мифологическая память людей повлияла на научный анализ деяний царя-реформатора, когда многие, писавшие о Петре, не смогли преодолеть восторженного поклонения перед основателем российской империи. П.Я. Чаадаев передал рас-

пространенное в высшем обществе мнение о Петре I как величайшем из наших царей, который открыл для России новую эру.

Реформы Петра I в учении западников интерпретировались как отказ от укоренившихся в России традиций и заимствование европейских форм жизни. *Главное содержание деятельности Петра I западники видели в развитии им связей России с другими народами, приобщении ее к человечеству.* По выражению В.Г. Белинского, миродержавными судьбами Петру I было предназначено русский народ «ввести в родственную связь с человечеством», сблизить страну с Европой [1. Т.7. С.137]. А.И. Герцен предложил схожее определение значения политики Петра I: самодержец «решился двинуть нас во всемирную историю», «приобщить к человеческому развитию» [2. Т.2. С.35]. Обращает на себя внимание, что «русские европейцы» 40-х гг. писали не только о важности восприятия опыта наиболее развитых обществ, но и о взаимодействии со всем человечеством, поскольку каждый народ имел свои плодотворные результаты цивилизационного движения. С.М. Соловьев формулировал результат петровских реформ как «сближение с народами цивилизованными, у которых надобно было учиться» [4. Т13-14. С.426]. Классические западники 1840-х гг. полагали, что Петр I ставил перед собой задачу превращения России, страны беспредельной в географическом плане, в органически сплоченную, способную обеспечить великому народу великое будущее.

Западническая концепция петровских реформ и роли Петра в создании новой России имела своим исходным положением тезис об отсутствии в стране конца XVII в. внутренних ресурсов и стимулов для преобразования социально-политических институтов, общественной и культурной жизни. Поскольку преобразования были проведены благодаря Петру I, когда даже высшее сословие не проявляло за-

интересованности в инновациях, то, по мнению западников, самодержец смог насадить новые формы жизни, потому что обладал не только неограниченной властью, но и проявил необыкновенные способности к государственной деятельности. В.Г. Белинский пояснял, что его восторженная характеристика личности императора определена исключительной общественной значимостью последствий преобразований: Петр I вывел страну из «смертной дремоты». Эта мысль важна для понимания западнического взгляда на Россию допетровскую и петровскую.

Оценка роли личности в истории, по мысли классических западников, должна учитывать самовосприятие этой личности и исповедуемые ею идеи, во имя которых она творила. Исследователь, исходя из своей системы ценностей, может давать свою трактовку целей и результатов деятельности личности с учетом исторических реалий. Следует подчеркнуть, что далеко не всем русским мыслителям удалось вникнуть в замысел Петра I. Так, интерпретации К.Д. Кавелиным петровского идеала присущи черты его собственного осмысления важности обращения к опыту Запада. Историк был убежден, что Петр своими реформами сделал выбор между русским невежеством и европейским просвещением: «...Он с ненавистью смотрит на старину и окружающее его, все его предубеждения в пользу европейского просвещения» [З. С.163]. Однако известно, что насаждение просвещения в России не было главной целью Петра I. С нашей точки зрения, Кавелину не всегда удавалось отличить свое видение исторических событий от их восприятия современниками петровских реформ. Содержание программы реформирования страны государством в эпоху Петра I Кавелин определял как создание основ личной свободы, которое шло сверху вниз [З. С.164-165]. Эта мысль не характерна для воззрения других западников, наоборот, подчеркивавших ограничение свободы общества в услови-

ях усиления деспотизма власти. Нужно отметить, что ни один указ Петра I не привел к расширению свободы личности.

Интеллектуалы по-разному определяли цели деятельности Петра в отношении к подданным. В начале 40-х гг. Белинский понимал надуманность распространенного представления о народной направленности всех петровских реформ. Эта точка зрения, естественно, получила широкое распространение в обществе под влиянием официальной оценки политики Петра I как народной.

Герцен с редкостной глубиной подчеркнул примат государственных интересов над общественными в правительственной политике, господство которых доходило до игнорирования естественных потребностей людей и принесения их в жертву государству [2. Т.7. С.172]. Благополучие всей страны не воспринималось властью как ценность, когда речь заходила о захвате новых территорий, утверждал мыслитель. Герцен пронизательно усмотрел в системе государственных приоритетов исключительный интерес власти к созданию обширного государства.

Деятели 30 – 40-х гг. обсуждали вопрос о цене петровских реформ. Н.И. Цимбаев спор западников и славянофилов о Петре I рассматривает как «принципиальный спор о мере государственного насилия по отношению к народу и отдельной личности» [5. С.441]. Славянофилы осуждали насилие в отношении народа, считали недопустимым проведение реформ, повлекших многочисленные жертвы среди крестьян. Обращение к насильственным методам преобразований, по мнению западников, было обусловлено главным образом пассивностью народа.

Проблему оправданности или недопустимости жертв Белинский решал с позиции необходимости и результатов преобразований. Поскольку петровские реформы были вызваны разумной необходимостью, то власть, с точки зрения

Белинского, была вынуждена использовать насильственные методы преобразований. Критик писал о неизбежности жертв среди народа. В отличие от официальных заявлений о том, что народ хоть и не сразу, но все же понял и поддержал дело Петра, Белинский признавал, что петровские реформы были тяжелым испытанием для народа, «годиною трудною и грозною» [1. Т.4. С.59]. Ссылаясь на опыт истории, когда все перевороты несли с собой испытания для людей, он выражал убежденность в том, что у Петра не было другой возможности заставить народ, не сознававший цели реформ, служить государству.

Характеристика Герценом личности Петра I и его влияния на направление движения России нам представляется более глубокой, чем оценки Белинского, поскольку мыслитель видел в монархе не только сильную личность, способную изменить направление развития страны, но и носителя самодержавной власти, усилившего деспотизм в стране. Оригинальность мысли Герцена, с нашей точки зрения, заключается в том, что он находил в деятельности Петра отражение противоречий эпохи. Обращение императора к методам воздействия на общество, по мнению Герцена, определялось историческими обстоятельствами, типом культуры того времени. Важно подчеркнуть, что уже в первых оценках Петра I Герцен отмечал черты личности императора, которые серьезно повлияли на цели и методы его политики. По выражению Герцена, Петр I был великаном, гигантом, «в котором сосредоточена была энергия и жестокость Конвента 93 года и революционная сила его...» [2. Т.2. С.39]. Герценовские оценки, всегда емкие и сжатые, одновременно ясны и требуют расшифровки. Приведенное выше сравнение методов и итогов политики Петра I с деятельностью революционной власти во Франции высвечивает особенность взгляда Герцена на петровские преобразования: революционные по своей сути, уничтожавшие ста-

рые порядки, они в то же время были жестокими по отношению к народу. Герцен, противник насилия государства над личностью, не мог не отметить, что политическая и социальная ситуация петровской эпохи позволяла Петру применять жестокие методы для того, чтобы заставить страну отречься от своего прошлого. Он писал, что Петр угнетал народ во имя приобщения его к Европе. Как видим, Герцен не сглаживает, а оттеняет противоречия петровской политики, стилистически более точно определяя характер власти и основной конфликт эпохи. Вольномыслие, приобретенное Герценом в эмиграции, и неприятие насилия, пронесенное им через всю свою жизнь, обусловили его свободу в оценках власти. Акцентирование внимание только на революционном характере петровских преобразований для Герцена был односторонним, узким подходом к осмыслению эпохи реформ начала XVIII века. Ему было важно сопоставить тип власти в московский и петровский периоды. Он отмечал, что реформы не только не ослабили, но и усилили деспотический режим в стране. Историческую роль петровского государства Герцен видел в непреклонном исполнении великого замысла жестокого императора-террориста, усилившего с этой целью деспотизм.

Как и все западники, положительное воздействие реформ Петра на жизнь страны Герцен прослеживал в преодолении застоя и сообщении движения нации. Трактовка Герценом целей и средств деятельности Петра отличается реализмом. Она дается не только в контексте западнического воззрения на европеизацию России, но и с учетом представлений Петра о необходимости создания огромного государства, которое стало бы властителем судеб Европы.

Чуждый шаблонных оценок, Герцен не считал возможным идентифицировать курс Петра I с каким-либо политическим режимом, существовавшим в начале XVIII в. на Западе. От традиционной политики феодальных престо-

лов деятельность русского правительства отличалась революционной ломкой прежней системы, что свидетельствовало об оригинальности целей власти. Полагаем, что выбранный Герценом подход к определению содержания и методов правительственной политики позволил ему избежать идеализации последствий реформ петровского государства и отказаться от типизации русского самодержавия с другими монархическими режимами того времени. Это дало возможность отразить особенности разрыва России с традициями прошлого. По Герцену, на протяжении веков главной особенностью политического развития страны было усиление деспотизма власти.

Западники считали петровский путь преобразований, каким бы парадоксальным он не казался, верным в тех условиях. Лучшее доказательство правильности выбранного Петром курса реформ они видели в существенных результатах продвижения страны по пути цивилизации. Они высказали мысль, что реформы были средством противостояния Европе с использованием европейского опыта, чтобы отстоять свое право на существование.

Непосредственные результаты реформ Петра Великого западники усматривали в строительстве флота, развитии торговли, просвещения, науки, искусства, нравов, создании «цивилизованной человеческой жизни», в насаждении идеи сильного государства, которому все должны служить, «водворении на нашей почве личного начала».

Современники западников, негативно оценивавшие последствия преобразований Петра I, возлагали ответственность за них на царя-реформатора. Западники категорически не соглашались с тем, что Петр виновен во всем, что кому-то не нравится в процессе европеизации России. Петр I дал направление развития, но его последователи имели не меньшие возможности повлиять на ход событий. Конкретное воплощение в жизнь замыслов нередко искажается ис-

полнителями. Даже если Петр внедрял только формы, это должно было привести к принятию и идей. Однозначно положительно западники относились к ликвидации местничества и введению принципа личной выслуги.

Главным последствием реформ Петра I классические западники считали создание новой России с использованием европейского опыта. Важно понять, что европеизацию России западники рассматривали не как цель, а средство цивилизации страны, прежде всего, которая заключалась в формировании многосторонней самостоятельной общественной жизни, новой культурной среды, создании благоприятных условий для жизни человека.

Таким образом, основное значение преобразований Петра классические западники усматривали в сближении России с Европой, в преодолении замкнутости страны, приобщении русской нации к человечеству. Петровская политика широких контактов с развитыми странами, по убеждению западников, изменила содержание цивилизационного развития России. Для «русских европейцев» 40-х гг. XIX в. значимым последствием нововведений был запуск механизма движения нации. В отличие от своих идейных оппонентов они не склонны были драматизировать отдельные негативные результаты преобразований. Они предлагали обратить внимание на формирование новой культуры в России, слоя высокообразованных людей, усвоение гуманистических ценностей. Особенностью трактовки западниками итогов петровских реформ была мысль о том, что эти преобразования нельзя рассматривать как самодостаточные для последующей модернизации. Идейные начала новой цивилизации заимствовались из европейской культуры на протяжении длительного времени, что стало следствием петровской политики широкого открытого взаимодействия народов.

Библиографический список

1. Белинский, В.Г. Собрание сочинений [Текст]: в 9 т. / В.Г. Белинский. – М., 1976-1982.
2. Герцен, А.И. Собрание сочинений [Текст]: в 30 т. / А.И. Герцен. – М., 1954-1966.
3. Кавелин, К.Д. Наш умственный строй [Текст] / К.Д. Кавелин. – М., 1989. – 654 с.
4. Соловьев, С.М. Сочинения [Текст]: в 18 кн. / С.М. Соловьев. – М., 1991.
5. Цимбаев, Н.И. Европеизм как категория национального сознания [Текст] / Н.И. Цимбаев // Очерки русской культуры XIX века.: сб. науч. тр. – М., 2003. – Т. 4. Общественная мысль. – С. 439-456.

© В.В.Кудрявцев (ЯГПУ)

Крымская война в контексте учения славянофилов

Крымская война, которую российское правительство вело с целью отстоять геополитические интересы России, актуализировала проблемы взаимоотношения славянских народов, конфессий. Она привела к военному противостоянию стран Западной Европы и России, вызвав дискуссию о специфике цивилизационного развития обществ, проблемах государственного и социального устройства отечества. Выявив неэффективность работы административного аппарата, слабый экономический потенциал России, она взорвала прежнюю систему взаимоотношений власти и общества, заставив государство признать право последнего на заявление своих интересов. Тема войны обсуждалась в разных социокультурных кругах. Различное видение политических и социальных проблем обусловило неодинаковое понимание интеллектуалами причин начала войны, ее хода и об-

стоятельств поражения. Полагаем, что в 1853 – 1856 гг. сформировались три воззрения на войну и ее влияние на направление дальнейшего движения страны: официальное, западническое, славянофильское. Парадоксально, но они имели некоторые схожие идеи. Одна из них – Россия уже никогда не будет прежней, после войны она изменится, а какую динамику и содержание приобретут политические, социальные и культурные процессы, покажет время. Для многих современников было очевидно, что война «объевропеит Россию сильнее прежнего»[8. С.491].

В этой статье предпринята попытка проанализировать восприятие Крымской войны славянофилами, настаивавшими на сохранении национальной самобытности России. Как и западники, славянофилы считали, что система государственного управления не позволяет решать насущные проблемы общества. С конца 1830-х гг. они акцентировали внимание публики на неверном понимании самодержавием потребностей духовного развития общества и изменения социальных отношений в стране.

Как отреагировали славянофилы на волевое решение императора Николая I пойти на обострение отношений с Османской империей? Начало войны с Турцией славянофилами было встречено с восторгом, поскольку они надеялись на освобождение славянских народов Балканского полуострова от османского ига. Большинство представителей этого круга интеллектуалов верило в успех войны и в освободительную миссию русской армии на Балканах. Удачная Дунайская кампания 1853 г., занятие русскими войсками Молдавии и Валахии, успешные действия на Кавказе, Синопская победа русского флота увлекли не только славянофилов. Даже в тех кругах русского общества, которые находились в оппозиции к николаевскому режиму, мало кто думал, что война, начавшаяся столь победоносно, закончится тяжелым поражением и обнажит несостоятельность никола-

евской правительственной системы [1. С.48]. «Уничтожение турецкого флота под Синопом всех русских несколько ожило», - вспоминал А.И. Кошелев [9. С. 94].

«Вставайте! оковы распались,
Проржавела старая цепь!
Уж Нил и Ливан взволновались,
Проснулась Сирийская степь!
Вставайте славянские братья,
Болгарин, и серб, и хорват!
Скорее друг к другу в объятия,
Скорей за отцовский булат!..»[2. С.133-134].

Такими строками приветствовал начало войны Алексей Степанович Хомяков, один из основоположников славянофильства. Он возлагал на войну большие надежды в «славянском деле», считая, что успех России может привести к созданию независимых славянских государств и оживит культурные взаимоотношения братских народов. «Братство крови связует русский народ с народами Славянскими...», - писал Хомяков [3. С.179]. «Эту войну налагает на нас долг нашего братства». «Россия вооружается. Я бы хотел, добрый и почтенный друг, чтобы вы побывали среди нас, чтобы вы видели внутреннее движение нашей земли в настоящую минуту», - объяснял Хомяков приятелю иностранцу свое позитивное видение роли России в этой войне [3. С.182]. Славянофилы были убеждены в том, что Россия должна заступиться за славян Балканского полуострова. «Правда с народом, не разумеющим ни правды, ни милости, ни святости обещаний, должна быть подкреплена силою», - утверждал Хомяков, оправдывая применение военной силы со стороны России [3. С.181].

В понимании Хомякова Крымская война приобрела священный для славян характер. Он четко прослеживал религиозный аспект в военном противостоянии народов: «на одной стороне стоят исключительно народы, принадлежа-

щие Православию, а на другой Римляне и протестанты», объединившиеся специально против России [4. С.97]. Его поражало объединение христиан с мусульманской Турцией. Хомяков считал, что у людей Запада «на дне души лежит глубокая неприязнь к восточной церкви»[4. С.100]. Он обвинял Англию и Францию в пособничестве туркам в угнетении и грабеже Боснии, Болгарии, Румелии и Анатолии. Теперь все грехи Турции ложатся и на европейские государства. По убеждению Алексея Степановича, «война преступная становится священной» с позиции России [3. С.183]. Русский народ борется со всеми неправдами и несправедливостями одновременно. Во враждебный лагерь кроме Турции, Англии и Франции Хомяков относил Австрию и Пруссию. «Но среди этого повсеместного позора всех явственнее позор Рима», не произнесшего «ни слова заступничества». [3. С.188-189]. Римский папа Пий IX своим молчанием как бы одобряет войну христиан против христиан, да еще в союзе с мусульманами. «Рим безмолвен. Горе Риму!» [3. С.188-189]. Совершенно очевидно, что политические проблемы славянофилы воспринимали и оценивали в системе нравственно-религиозных координат.

Хомяков предрекал победу России на том основании, что русский народ исповедует истинную религию: «Но нам нет надобности загадывать, кому именно будет принадлежать торжество истинное. Оно уже безвозвратно укреплено за Россию» [3. С.189].

Славянофилы бросили упрек русскому обществу в недостаточном внимании к проблеме братского союза славянских народов. Хомяков выразил свое огорчение тем, что многие русские люди остались равнодушны к «братьям славянам», к Восточному вопросу. Славянофилы ждали от правительства естественного, с их точки зрения, шага – призыва к православным славянам встать на защиту Рос-

сии. Тютчев даже написал свое «спиритуалистическое предсказание»:

Дни настают борьбы и торжества,
Достигнет Русь завещанных границ,
И будет старая Москва
Новейшею из трех ее столиц [5. С. 320].

Но такого призыва со стороны власти не последовало.

Первые военные неудачи изменили настроение мыслящей части общества. Начавшаяся война вскрыла внутриполитические проблемы страны. Беспомощность власти в решении проблемы организации защиты русских земель, хаотичное состояние военного хозяйства, отсталость вооружения и недостатки снабжения армии, злоупотребления во всех звеньях гражданской и военной администрации – все это обнаружилось во время осады Севастополя и вызвало возмущение общества.

Размышляя о возможных последствиях войны, западники и славянофилы проявили редкое единодушие, надеясь, что государство проведет реформы с целью восстановления могущества страны и расширения свободы социума. «Мы были убеждены, что только бедствие могло произвести спасительный переворот, остановить дальнейшее гниение...», - выразил общее мнение славянофилов о необходимости преобразований А.И. Кошелев. «Мы терзались известиями о неудачах, зная, что противоположные приводили бы нас в трепет...» [7. С.403-404]. «Падение Севастополя, разные другие поражения и дипломатические переговоры хотя нас и огорчили, однако мы не унывали, ибо чаяли наступления лучших для России дней», - характеризовал ожидания своих друзей А.И. Кошелев [7. С.418]. Славянофилы понимали, что неудачи русской армии были не случайными: «Мы все чувствовали, что бедствия, которые испытывала Россия, ею вполне заслуженны». Они же-

дали поражения России, понимая, что оно даст импульс к реформам. И.В. Киреевский возлагал надежды на очистительную роль Крымской войны, что повлечет за собой отмену крепостного права. «Россия мучается, - писал он М.П. Погодину, - но это муки рождения... Общественный дух начинает пробуждаться. Ложь и неправда, главные язвы нашего времени, начинают обнаруживаться»[6. С.81].

А. С. Хомяков в марте 1854 г. в Английском клубе с жаром рассуждал «о том, что безнаказанно нельзя ни стеснять и подавлять дух человеческий, ни допускать его стеснение и подавление». За эту фразу он был объявлен «изменником, подкупленным англичанами». После этого слушая он написал стихи «Суд Божий» и «Ночь», а на следующий день он создал стихотворение, которое, хотя и не было напечатано, потрясло всю мыслящую Россию. Стихотворение называлось «России»[7.С.404]:

«В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена;
Безбожной лести, лжи тлетворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна!»[2. С.136-137].

После этого стихотворения Хомякову было запрещено печатать свои произведения без прохождения цензуры. В апреле 1854 г. И.С. Аксаков пишет стихотворение «Пленных братьев упование...», по содержанию близкое к оценке существующих проблем в стране, данной Хомяковым в «России» [1.С.48]. Находясь на Украине, он лучше своих единомышленников в Москве и в Петербурге представлял реальную ситуацию в стране. Он все более проявляет недовольство состоянием внутренних дел. Аксаков убедился в непопулярности славянофильских идей в народе. Народ их просто не знал. Он начинает обдумывать методы завоевания общественного мнения. Первоочередной задачей он считал отмену крепостного права. С особым упорством он

ставит этот вопрос осенью 1854 г., когда страна следила за событиями в Севастополе. По его мнению, славянофилы должны действовать более решительно, настаивать на освобождении крестьян. И. Аксаков сознавал связь военных неудач царизма с крепостной системой. Он не верил в возможность отстоять Севастополь и, восхищаясь мужеством русских войск, желал поражения. Хомяков отмечал, что защита Севастополя потеряла военное и политическое значение: «Не радуют вести из Севастополя, много там льется дорогой крови, и без плода, и без пользы...» [7. С. 411].

Несмотря на сознание неизбежности поражения, И.С. Аксаков, повинувшись чувству долга, записался добровольно в ополчение, где прослужил до весны 1856 г. Этот поступок не был понят его родными и друзьями, но сам он об этом никогда не жалел. Находясь среди народа, И.С. Аксаков чутко улавливал его настроения: и ополченцы, и местные жители мечтали о мире, видя всю бесполезность приносимых жертв. Аксаков протестовал в письмах против войны, против новейших военных изобретений, ведущих к еще большему истреблению людей [8. С.490].

После службы в ополчении до декабря 1856 г. И. Аксаков работал в комиссии князя В.И. Васильчикова, занимавшейся расследованием интендантских злоупотреблений во время войны. Он больше узнал об условиях жизни наших солдат в Крыму. «Что терпели солдаты наши в виду роскошно устроенных неприятельских лагерей, в своих норах и на открытом воздухе, скверно помещенные, еще сквернее продовольствуемые, это ужас»[8. С. 491]. Ему стало известно, какую плохую память оставила о себе русская армия в Крыму, как грабили население, не солдаты, а офицеры и генералы, о том, каких чудовищных масштабов достигло воровство средств, отпускаемых на содержание солдат, на еду, на обмундирование и вооружение. Больше всего от войны пострадали южные губернии. Они превра-

тились в вулкан: замученные барщиной крестьяне Херсонской губернии ожидали прихода англичан! «Помещикам в здешнем крае не мешало бы одуматься», - считал И. Аксаков [8. С.491].

Когда Севастополь был взят в августе 1855 г., И.С. Аксаков отметил: «Севастополь пал не случайно... он должен был пасть, чтобы явилось на нем дело божие, т.е. обличение всей гнили правительственной системы, всех последствий удушающего принципа»[1. С.50]. По мнению Аксакова, дальнейшее сохранение крепостных отношений должно было привести к народному восстанию. Важно предупредить его проведением крестьянской реформой, которая станет «единственным средством спасения России». В этом с ним были согласны многие славянофилы. А.И. Кошелев в своей записке «О необходимости уничтожения крепостного состояния в России» указывал, что только отмена крепостничества поможет стране выйти из кризиса [10. С. 84]. Ю.Ф. Самарин ясно представлял себе кризисное положение страны еще до Крымской войны. В 1851 г. он писал Аксакову: «Корабль, на котором мы все стоим, тонет, - в этом я уверен, ничто не спасет его... а доживем ли мы с тобой до кризиса?» [10. С.89].

18 февраля 1855 г. умер император Николай I. «Это известие не многих огорчило; ибо не легко было для России только что закончившееся продолжительное тридцатилетнее царствование», - фиксировал А.И. Кошелев негативное отношение многих людей к административно-полицейскому произволу во времена правления Николая I [9. С.95]. Славянофилы воспринимали конец царствования Николая I как вежу, которая закроет мрачный период в истории России. И. Аксаков писал «о величавой смене эпох», он не стеснялся называть Николая «просто душегубцем: никто не сделал России такого зла, как он»[1. С.51]. Без смены монарха, считали славянофилы, не могло произойти пово-

рота к политике реформ. Когда на престол вступил Александр II, Хомяков заявил своим единомышленникам, что пора действовать решительно, «завоевать Россию, овладеть обществом». Славянофилы начинают писать правительству записки с предложениями мер по улучшению положения России. Самарин взялся за обзор государственной службы, Аксаков должен был осветить состояние судоустройства и судопроизводства, Черкасский – положение казенных крестьян, Кошелев – финансы и откупную систему.

Славянофилы назвали позорным Парижский мирный договор, завершивший Крымскую войну. Однако они считали, что «можно заключить мир, постыдный для России, когда имеешь в виду совершить великие дела внутри своего государства» [10. С.167].

Кризис политической системы и крепостное право – таковы основные причины поражения России в войне, утверждали славянофилы. Одной из причин несостоятельности политической системы и слабого влияния общества на жизнь страны середины XIX в. славянофилы признавали «безмыслие», ограничение свободы слова. Общество не имело права на политическую деятельность, все вопросы национального развития решались без учета его мнения. «Двадцать лет душили мысль. В важную минуту наткнулись на безмыслие, и мне чувствуется страшная беспомощность, скрываемая под плохую личиною спокойствия и надежды», - писал А.С.Хомяков [7. С. 402].

Как видно, патриотизм славянофилов, выразившийся в начале войны в вере в военную мощь страны, которая может быть направлена на освобождение братьев-славян, приобрел другое содержание в ходе войны. Он проявлял себя в надежде на то, что военное поражение вынудит самодержавное государство провести реформы с учетом интересов различных слоев общества.

Библиографический список

1. Цимбаев, Н.И. И.С.Аксаков в общественной жизни пореформенной России [Текст]. / Н.И. Цимбаев. - М., 1978. - 264 с.
2. Хомяков, А.С. Стихотворения и драмы [Текст] / А.С. Хомяков. - Л., 1969. - 596 с.
3. Полное собрание сочинений А.С.Хомякова [Текст]: в 3 т. - М., 1900. - Т. III.
4. Полное собрание сочинений А.С.Хомякова [Текст]: в 3 т. - М., 1880. - Т. II.
5. Тютчев, Ф.И. Сочинения [Текст]: в 2 ч. / Ф.И. Тютчев. - М., 1984. - Ч. 1. - 495 с.
6. Киреевский, И.В. Полное собрание сочинений [Текст]: в 2 т. / И.В. Киреевский. - М., 1911. - Т. 1.
7. Кошелев, В.А. Алексей Степанович Хомяков, жизнеописание в документах, рассуждениях и разысканиях [Текст] / В.А. Кошелев. - М., 2000. - 512 с.
8. Аксаков, И.С. Письма к родным. 1849-1856 гг. [Текст] / И.С. Аксаков. - М., 1994.
9. Русское общество 40-50-х годов XIX века. Часть I. Записки А.И.Кошелева [Текст] - М., 1991. - 237 с.
10. Дудзинская, Е.А. Славянофилы в общественной борьбе [Текст] / Е.А. Дудзинская. - М., 1983. - 271 с.

© Ю.С. Крюкова (ЯРИПК)

Путь исканий, или Кто и зачем вступал в российское масонство второй половины XVIII – начала XX в.

Масонство, ставшее доступным для представителей российского благородного сословия с середины XVIII в., неоднозначно воспринималось в обществе на протяжении

столетий. Более того, сформировался достаточно устойчивый образ масона как «другого», отличного от всех, странного человека, действия и взгляды которого не соответствовали общепринятым канонам»[1].

Сами вольные каменщики признавали, что основная причина неприятия их братства заключается в нём самом и, прежде всего, в наличии лжемасонов. Для того чтобы понять, почему некоторые братья становились случайными элементами в масонстве, необходимо рассмотреть причины, побуждавшие к участию в ложах.

В масонских речах неоднократно отмечалось, что вступающими в масонство не всегда движет стремление познать премудрость и «сделаться чадами света», а эгоистические устремления и потворство привычкам: «...ищут удовлетворить каждый любимой страсти своей, которая всеми делами их управляет. Ветреность, легкомыслие и непостоянство приводят их в храмы наши»[2]. Иногда кандидатом в масоны двигало «подлое любопытство», и удерживало в ложах «тщётное препровождение времени»[3]. Причины вступления в масонство основательно проанализированы в речи С.И. Гамалеи с характерным названием: «Рассмотрение причин побудительных и побуждающих ко вступлению в свободное каменничество». Как очевидно уже из заглавия, С.И. Гамалея выделяет два вида причин: «побуждающие», то есть действительные, и «побудительные», те, которыми должен руководствоваться каждый масон в идеале. К побуждающим причинам отнесены следующие: поиск просвещения, желание «приобрести навык к честному и непорочному поведению», поиск «дружества и Братской любви», поскольку «сии чувства изгнаны из мирского обхождения», а также «суетное и пустое любопытство», «желание увидеть и узнать здесь что-нибудь редкое, или никогда не виданное и не слыханное», «подлое свое корыстие, скрывающее гнусные свои виды под разными

ми блистающими личинами», и «единое тщеславие быть масонами». Кроме того, отмечалось, что «не можно определительным образом означить все побуждающие ко вступлению в Орден причины», поскольку многие вступающие надеются «угодить тем главнейшей своей страсти, склонности и вкусу»[4].

С.И. Гамалея указывает как положительные, так и негативные причины, приводящие в братство. По его мнению, единственно, чем должен руководствоваться неофи, — это желание увидеть свет. Именно оно являлось «побудительной причиной» для истинных масонов. Но таких братьев было немного.

В речи представлена общая картина. Для того чтобы её конкретизировать, рассмотрим, какие причины вступления в масонство назывались отдельными братьями.

П.Я. Титов был соблазнён рассказом о том, что в ложах «наблюдается равенство, что посиле оного можно быть знакому и подружиться с знатными людьми»[5]. Автор воспоминаний «Из работ моих над диким камнем» стал масоном, следуя моде[6]. И.П. Елагин, вступивший в масонство «с самых юных лет», был движим любопытством и тщеславием. Любопытство заключалось в стремлении узнать таинство, «находящееся, как сказывали, между ними», а тщеславие состояло в желании побыть «хотя на минутку в равенстве с такими людьми, кои в общежитии знамениты, и чинами и достоинствами и знаками от меня удалены суть...»[7].

Эти три случая подтверждают мысли, изложенные в речи по поводу того, что распространённым поводом для вступления в масонство было следование эгоистическим устремлениям. Тем не менее, ни И.П. Елагин, ни П.Я. Титов не употребили своё пребывание в масонстве во вред этой организации. И.П. Елагин стал первым русским гроссмейстером. П.Я. Титов первоначально был прилежен

в масонских работах, хотя и не понимал многого. Впоследствии он оставил занятия в ложах, поскольку «разбился о камень мирских сует»[8].

Не все братья находили себя в масонстве. Некоторым вольным каменщикам оно казалось игрушкой, и они искали истинного знания, как И.П. Елагин. Кто-то со временем просто прекращал посещать ложи, как Н.И. Новиков[9]. Для «блестящего вельможи» А.Б. Куракина масонство стало неотъемлемой деталью его светского образа.

Были и такие личности, которые, выйдя из масонства, писали разоблачения, становившиеся хорошей пищей для жадной на подобные новости публики. К числу такого рода произведений можно отнести «Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века» и «Масон без маски или подлинные таинства масонские...». Автором письма был ритор ложи Трёх Знамён И.Ф. Вегелин. Став масоном из любопытства узнать смысл иероглифов, И.Ф. Вегелин не нашёл искомого. Через тридцать лет он написал это письмо. В нём И.Ф. Вегелин даёт характеристики Шварцу и Новикову, оценивает проводимые ими мероприятия. По его мнению, Шварц и Новиков использовали масонство для собственных выгод, что привело, во-первых, к падению «духа масонства», во-вторых, к правительственным преследованиям. Шварца он характеризует как скрытного лицемера и деспота, не терпевшего никакого противоречия или сомнения. Новиков предстаёт в качестве хитрого дельца, который «обладал в высшей степени искусством употреблять в свою пользу страсти и стремления других»[10]. И тот, и другой разными способами выманивали у состоятельных братьев деньги и вкладывали эти средства в учебные и благотворительные заведения. Согласно И.Ф. Вегелину именно такие масоны как Шварц и Новиков были виновниками охлаждения многих братьев к масонским работам. Каковы были действительные причины столь нега-

тивных отзывов бывшего масона, пока неизвестно. Автор письма сам указывает на возможную односторонность и пристрастность описываемых им впечатлений. Можно лишь предположить, что И.Ф. Вегелин стал «разоблачителем» из-за своей лишь частичной осведомлённости и незрелости наблюдений. В противоположность ему автор «Масона без маски...» сознательно открывает «секреты масонские», руководствуясь побуждением «воспрепятствовать умножаться глупым»[11].

Подобные откровения способствовали формированию негативного образа масона. Витиеватый язык и несвободные от субъективности оценки даже у сведущего человека могли вызвать неприятие масонства и вселить уверенность в совершенной никчёмности, а подчас и опасности его существования.

В XIX веке ситуация несколько изменилась. В годы антинаполеоновских кампаний увеличивалось число военных лож. Во-первых, братское общение облегчало тяготы походной жизни, во-вторых, масонство привлекало своими призывами к мирному сосуществованию. В рядах масонской организации оказались представители либеральной общественности, в том числе и часть будущих декабристов.

А.И. Михайловский – Данилевский вступил в масонство в 1813 г. во время заграничного похода русской армии. На этот шаг его воодушевил полковник Брозин. «Он был страстный масон и почти каждый вечер говорил мне о прелестьях масонства. Увлеченный рассказами моего товарища, человека благородных свойств, умного, уважаемого императором Александром, я решил вступить в масонство...»[12]

Итак, побудительной причиной для вступления в ряды масонов мог оказаться пример «старшего товарища». А.С. Пушкина привела в масонство «необходимость себя

переиначить»[13], а Н.М. Карамзина привлекали идеи «политической и духовной свободы»[14]. Как известно, ни А.С. Пушкин, ни Н.М. Карамзин не являлись последовательными сторонниками масонства. Как, впрочем, и шеф жандармов А.Х. Бенкендорф, и министр полиции А.Д. Балашов. Для последних масонство было увлечением молодости.

В XIX в. неоднократно предпринимались попытки использовать масонство в интересах освободительного движения, в частности, декабристами и М.А. Бакуниным. Им суждено было разочароваться, так как масонство в нашей стране никогда не являлось организацией действия[15].

Интересны также воспоминания начала XX в. Один из наиболее активных русских масонов М.А. Осоргин в своей «Исповеди мастера» пишет следующее: «Я был посвящён 22 года тому назад в итальянской ложе «Venti Settembre» великой ложи Италии. Меня ввёл туда русский брат, уезжавший на войну (1914) в Россию, чтобы хоть один русский остался в рядах итальянского масонства. Я вошёл из любопытства и любознательности, а так как меня приняли с большой ласковостью, то я до сих пор сохраняю лучшие чувства к моей ложе-матери, хотя за короткое пребывание в ней (всего два года) я не получил от неё ничего ценного в масонском смысле». Спустя 11 лет М.А. Осоргин вновь вернулся к масонским трудам, но уже во Франции. Его отношение к масонству стало более серьёзным и осмысленным: «Моё прежнее равнодушие сменилось большой верой в масонство и, я думаю, достаточным прилежанием. Во всяком случае масонская работа, какова бы она ни была по ценности, занимает большую часть моих духовных интересов» [16]. Очевидно, что по мере возмужания интерес М.А. Осоргина к масонским работам окреп. Масонство стало основой его мировоззрения.

В эпоху революций отношение к масонству было неоднозначным, так же как и мотивы вступления в данную организацию. А.Ф. Керенский отмечает, что «после серьёзных размышлений» он пришёл к выводу, что его личные цели «совпадают с целями общества». По мнению другого масона, А.В. Амфитеатрова, «главным мотивом к посвящению было желание поставить между собою и произволом русского полицейского нахрапа ... стену могущественной организации вольных каменщиков». Он также говорит об «интересе романтики, интересе Пьера Безухова». А.Я. Гальперн «ценил» в масонстве атмосферу братских отношений, безусловное доверие друг к другу, а впоследствии и «возможность объединять действия разных политических групп там, где в других условиях это было бы невозможно». Н.С. Чхеидзе также импонировала возможность в рамках масонской организации выяснять «те или иные, общие прогрессивным элементам точки зрения на различные вопросы». Е.П. Гегечкори, приведённого в масонство Н.С. Чхеидзе, «подкупила» «атмосфера братского внимания друг к другу, стремление оказывать братьям помощь во всех делах, отсутствие враждебности и борьбы»[17].

Итак, пути, ведущие в масонство, были различными. Отсюда и разница в оценке деятельности масонской организации самими братьями. Не у всех получалось «свести разум в сердце» и «переживать» масонство «как художник своё искусство»[18].

Примечания

1. Крюкова, Ю.С. Образ масона в восприятии российского общества второй половины XVIII века [Текст] / Ю.С. Крюкова // Вопросы истории и обществознания: материалы конференции «Чтения Ушинского». - Ярославль, 2004. – С. 79.

2. Магазин свободно-каменщический [Текст] // Научно-исследовательский отдел рукописей российской государственной библиотеки (далее НИОР РГБ) - Ф. 14. - Ед. хр. 450. - Л. 214.

3. Речи, говорённые в почтенной ложе Горус... [Текст] // НИОР РГБ. - Ф. 147. - Ед. хр. 91/М.1968/. - Л. 5.

4. Магазин свободно-каменщический [Текст] // НИОР РГБ. - Ф. 14. - Ед. хр. 450. - Л. 209.

5. НИОР РГБ. - Ф. 147. - Ед. хр. 90.1/М.1967/. - Л. 16 об.

6. НИОР РГБ. - Ф. 147. - Ед. хр. 147.1/М.2022/. - Л. 2.

7. Записка И.П. Елагина [Текст] / Елагин И.П. // Русский Архив. - 1864. - №1. - С. 592.

8. НИОР РГБ. - Ф. 147. - Ед. хр. 90.1/М.1967/. - Л. 20.

9. Записка И.П. Елагина [Текст] / Елагин И.П. // Русский Архив. - 1864. - №1. - С. 593.; Ответы Н.И. Новикова Шешковскому в Шлиссельбурге, в июне 1792 года [Текст] // Новиков и его современники. Избранные сочинения / под ред. и с предисл. И.В.Малышева. Подбор текстов и примеч. Л.Б. Светлова. – М., 1961. с. 426.

10. Письмо неизвестного лица о московском масонстве XVIII века (перевод с немецкой рукописи) [Текст] // Русский Архив. - 1874. - Кн. 1. - Тетрадь 4. - С. 1035, 1039.

11. Масон без маски или подлинные таинства масонские, изданные со многими подробностями точно и беспристрастно [Текст] - СПб., 1784. - С. 3.

12. Михайловский – Данилевский, А.И. Из мемуаров русского масона [Текст] / А.И. Михайловский – Данилевский // Масонство и русская культура / сост. В.И. Новиков. – М., 1996. - С. 321.

13. Серков, А. «Пророк» и «мастер стула» [Текст] / А. Серков // Родина. - 1997. - №5, май. - С. 52.

14. Сахаров, В. Под знаменем я стою багровым... [Текст] / В. Сахаров // Родина. - 1995. - № 2, февраль. - С. 76.

15. См. об этом: Серков, А.И. История русского масонства XIX века. [Текст] / А.И. Серков – СПб., 2000; Серков, А.И. История русского масонства (1845-1945). [Текст] / А.И. Серков - СПб., 1997.

16. Осоргин, М.А. Исповедь мастера [Текст] / М.А. Осоргин // Масонство и русская культура / сост. В.И. Новиков. – М., 1996. - С. 404,405.

17. Керенский, А.Ф. Россия на историческом повороте. Мемуары. [Текст] / А.Ф. Керенский [Пер. с англ.] – М., 1993. - С. 119; Серков А.И. История русского масонства (1845-1945). - СПб., [Текст] / А.И. Серков - СПб., 1997. – С. 63,64.; Николаевский, Б.И. Русские масоны и революция. [Текст] / Б.И. Николаевский / ред.-сост. Ю. Фельштинский – М., 1990. - С. 53; Русское политическое масонство 1906-1918 гг. [Текст] // История СССР. - 1989. - №6. - С. 124, 128.

18. Из доклада Н.П. Вакара в ложе «Северное сияние» // Николаевский Б.И. Русские масоны и революция. [Текст] / Б.И. Николаевский / ред.-сост. Ю. Фельштинский – М., 1990. - С. 193.

© Е.Е.Белова

(ЯФ МосАП при Правительстве Москвы)

К вопросу об истоках государственного призрения больных и раненых воинов в России

В российской общественной жизни в различные периоды особым феноменом являлась благотворительность. Институт общественного призрения получил более широкое распространение во второй половине XIX в.. «Проявление сострадания к ближнему и нравственная обязанность имущего спешить на помощь к неимущему» были обуслов-

лены не только чувствами сострадания и милосердия, присущими христианской идеологии, но и либерально-демократическими реформами 60-70-х гг. XIX в., а также появлением поощрительного законодательства в сфере благотворительности [12. С. 55]. К началу XX в. в России было 11040 благотворительных учреждений (4762 благотворительных обществ и 6278 благотворительных заведений) [1. С. XXVII]. Они оказывали помощь различным категориям нуждающихся – от детей до престарелых, в том числе занимались сбором средств и опекой над «военно-увечными».

Организация помощи больным и раненым воинам, а также социальная поддержка их семей во время и особенно после военных кампаний конца XIX - начала XX вв. является малоизученной темой. Вместе с тем, она приобретает особую актуальность в современных условиях. Социально-экономические и политические реформы конца 1990- начала 2000-х гг., происходившие на фоне эскалации религиозного экстремизма и национализма, привели к значительному обнищанию широких народных масс, увеличению количества вынужденных переселенцев, а также жертв вооруженных конфликтов, как среди мирного населения, так и среди военных. В подобной ситуации встает задача оказания помощи всем жертвам вооруженного и иного насилия, которая не может быть решена без опоры на накопленный опыт и положительные традиции прошлого. Несомненно, на дело развития и правильной постановки призрения воинов в значительной степени влияло финансовое и культурное состояние России в различные исторические периоды. В данной статье рассматриваются истоки организации государственной помощи больным и раненым воинам, а также семьям погибших, основы которой были заложены в XVII - XVIII вв.

Первые указания на действительное участие правительства к участи пострадавших на войне и их семей встре-

чаются лишь в XVII столетии. В данный период для больных и раненых были устроены больницы и богадельни, их помещали в монастыри на пропитание, давались щедрые денежные и поместные вознаграждения, назначались пособия на лечение ран, своеобразный прообраз единовременных пособий дальнейшего периода развития призрения [10. С.10]. Не забывались даже семьи погибших: Грамотой 31 марта 1649 г. запрещалось выселять жен – казацких, стрелецких и пушкарских – из дворов их мужей, убитых на службе, взятых в плен или умерших [10. С.2]. Несомненно, рассматривая организацию государственного призрения больных и раненых воинов в XVII в., нельзя говорить о системе оказания помощи данной категории, об установлении общих норм, которые можно было бы применить в будущем в аналогичных ситуациях. Все указы XVII в., которые издавались для обеспечения раненых и увечных, рассматривались как награды за известный поход, и право инвалидов на поместное и денежное жалованье возникало тогда, когда правящие круги считали нужным объявить свою благодарность. Поместное и денежное жалованье, которое давали в XVII в. за раны и увечья, рассматривалось не как вид призрения инвалидов, нуждавшихся в государственной помощи, а как награда за совершенные подвиги и полученные раны. Поэтому в число этих лиц входили и именитые служилые люди и лица, не имевшие даже права на частную собственность [10. С.11].

В XVIII в. при Петре I начали покровительствовать тем, кто не имел собственного дома и родственников. В результате, из почти официального награждения призрение перешло в вид правительственной благотворительной помощи неимущим инвалидам. В XVIII в. продолжалось определение инвалидов в монастыри и богадельни, назначение отставных раненых на должности разного рода, назначение вознаграждения за раны, как раненым, так и их семь-

ям, помещение на поселение с отпуском земли, денег и с предоставлением льгот в платеже повинностей и др.

Ещё в XVII в. существовали факты назначения раненых служилых людей на должности воевод и приказных людей [10. С.2]. В XVIII в. эта практика продолжилась. По указу 9 февраля 1710 г. престарелые, раненые и увечные офицеры, урядники, солдаты, признанные в ходе осмотра в военном приказе годными к службе, рассылались по губерниям для обучения рекрутов, а те, кто был уже неспособен к службе, отправлялись в богадельни [10. С.13]. Вообще, в первой половине XVIII в. правительство заботилось о предоставлении военным инвалидам возможности с пользой для себя и для государства использовать свои силы, умения и опыт. Указы 30-60-х гг. XVIII в. определили должности, которые предоставлялись отставным офицерам, в том числе раненым. Они наблюдали за продажей соли в Уфимской провинции; как людей опытных в ратном деле их направляли для поимки воров и разбойников; грамотные унтер-офицеры и солдаты назначались в должности досмотрщиков петербургской портовой и внутренней таможен; они назначались надзирателями за исправностью дорог, за содержанием мостов, перевозов и прорубей, а также «для смотра за госпиталями и надзирания за больными» отставными офицерами [10. С.13. 4. №7045. 5. №8880, №9340].

Кроме того, именно в начале XVIII в. при Петре I впервые было установлено общее положение о праве раненых и увечных на вознаграждение и лечение за казенный счет, что, в свою очередь, прекращало практику предоставления вознаграждений по отдельному случаю, вернее, после каждого похода. Одновременно развивалось призрение семей раненых, погибших и инвалидов. Ряд нормативных актов - Морской Устав 1720 г., Регламент об управлении Адмиралтейств и флотов 1765 г. - ставил условия и порядок назначения пенсий и единовременных пособий вдовам и

сиротам павших воинов. Правда, в начале XVIII в. существовали ограничения на выдачу пенсий вдовам и сиротам по возрасту и состоянию здоровья. Старым и больным вдовам выдавалась пенсия в размере 1/8 содержания мужа, а другим (причем лишь достигшим 40-летнего возраста) выдавалось единовременное пособие в размере годового содержания. Кроме того, вдовы теряли право на пенсию, если вторично выходили замуж [10. С.15, 17]. Пенсия за погибшего отца для сирот, не достигших 12-летнего возраста, составляла 3 руб. в год. С 12 лет мальчиков нужно было отдавать в школу и «к определению к военной службе». Девочки по истечении 12 лет, если никто не возьмет их «на собственное призрение», отдавались на фабрики.

Однако к концу XVIII в. ограничения по возрасту и состоянию здоровья вдов и сирот были сняты, а пенсия за мужа или отца достигла размера полного жалованья по его чину. Дети получали пенсию до наступления совершеннолетия. По указу 1803 г. вдовы сохраняли право на пенсию, даже если вторично выходили замуж [8. №19099. 10. С.18]. Таким образом, пенсия считалась обязанностью правительства в признательность за жизнь, отданную за царя и Отечество.

Указом 1799 г. те офицеры, которые в результате ранения или получения травм становились инвалидами, имели право на получение пенсии, т.н. «инвалидного содержания». Это пособие выплачивалось и тем, кто пострадал во время стрельбы на ученьях. Размер «инвалидного содержания» составлял 1/3 часть оклада офицера, получившего ранение [8. №19012].

Но, несомненно, самой популярной мерой призрения больных и раненых воинов в XVIII в. было определение на пропитание и на пострижение в монастыри. Указы 1719 г., 1720 г., 1723 г., 1763 г. устанавливали порядок определения в монастырь [10. С.22]. Негодные к службе вследствие ран

или старости проходили освидетельствование либо в Военной Коллегии, либо в особых комиссиях в губерниях [З. №4183. 6. №11788]. Первоначально хотя и существовало ограничение относительно Троицкого Александро-Невского монастыря и Троице-Сергиевой Лавры, всё же выбор обители был предоставлен самим инвалидам [З. №4145. 6. №11825]. Этот порядок привел к неравномерному распределению призываемых по монастырям, что, в свою очередь, отражалось на их содержании. В результате с 1726 г. выбирать монастырь для призрения раненых и больных воинов стал Синод [З. №4969. 6. №11674]. Женатые и семейные инвалиды, определенные на пропитание в монастырь, жили не в самом монастыре, а поблизости от обители. Иногда отставные инвалиды постригались в монашество, но обязательного пострижения не было. С 1736 г. был введен запрет на пострижение, осталось лишь призрение в виде кормления при обителях. Указом 26 февраля 1764 г. отсылка инвалидов в монастыри была окончательно прекращена. По этой реформе «оних военных людей, как гвардии обер и унтер-офицеров и рядовых же, по их из службы отставке, отныне на пропитание в монастыри не посылать...» [6. №12060]. Так закончилось определение инвалидов в монастыри, а взамен усилилось отправление инвалидов на поселение, практиковавшееся и ранее.

С 1736 г. указы, определявшие место или порядок поселений, издавались почти каждый год. Нуждаясь на территориях Среднего Поволжья, устьях Оки и Волги в испытанных поселенцах, способных оказать сопротивление «волнующимся инородцам», правительство обратило внимание на инвалидов, то есть на нижние чины, которые из-за ран и увечий не были способны к строевой службе, но которые были «...в таких ещё непрестарелых годах, что могут на поселении умножать с пользою общую экономию». Поселенцы наделялись участками земли от 20 до 30 четвертей

(1 четверть=0,56 га – *Е.Б.*) на семью, деньгами на проезд и хлебом, а ссуда на обзаведение составляла от 5 до 10 р. Офицеры по прибытии на место становились командирами над поселенцами. Для обеспечения безопасности было предписано селиться дворами по 100 и более. К 1758 г. на поселении находилось 3489 чел., в том числе и дети [6. №11674. 4. №7024. 10. С.32].

После уничтожения монастырского призрения видную роль стали играть богадельни и инвалидные дома. В одном из наиболее ранних указов XVIII в., датированном 1714 г., содержатся сведения о тех средствах, на которые содержались ранее открытые заведения подобного рода. На содержание раненых и увечных солдат был назначен так называемый «венечный сбор», то есть сбор со свадеб. До 1714 г. взимали «с первобрачных по 12 к., с полторабрачных по 18 к., со второбрачных по 25 к., с троебрачных по 30 к.» [10. С.29]. С 1714 г. этот сбор был увеличен в 2 раза и использовался на содержание лазаретов, на пропитание и лечение больных и раненых солдат. В 90-е гг. XVIII в. были построены инвалидные дома в Киеве и Санкт-Петербурге, в начале XIX в. было решено открыть инвалидные дома в Москве, Смоленске, Чернигове и Курске [7. №17731. 9. № 23637].

Реформой губернского управления 1775 г. во многих городах были учреждены Приказы общественного призрения, которым в числе прочего было вверено главное попечение и об инвалидах, причем они призревались на общих основаниях. Ярославский приказ общественного призрения был учрежден в 1777г., он и занимался призрением военных инвалидов в Ярославской губернии вплоть до своего упразднения в 1887 г. В основном призрение заключалось в помещении в богадельню. Отставные военные помещались в богадельни по просьбе Управления Ярославского Губернского Воинского начальника в связи с неизлечимой болез-

нию, а также «по дряхлости и преклонности лет». Например, в богадельню Приказа общественного призрения рядовой Семён Маслов был принят, поскольку был «...одержим падучею болезнью», а отставной рядовой Иван Челушкин «состоял на казенном содержании, но по своей старости не мог оставаться без присмотра» [2]. Одновременно с 60-х гг. XIX в. призрение больных и раненых воинов стало предметом внимания Ярославского местного управления общества попечения о раненых и больных воинах, учрежденного в 1868 г.

Итак, начиная с XVII в., судьба больных и раненых воинов была объектом внимания русских государей. Отчасти это объяснялось особой специфичностью такой категории нуждающихся, поскольку эти люди оказались в сложной жизненной ситуации в результате служения государству, и поэтому, государство в некоторой степени было в долгу перед ними. Уже в начале XIX в. призрение больных и раненых воинов заключалось в помещении их в богадельни и инвалидные дома, в назначении вознаграждений и пенсий инвалидам и семьям погибших воинов, в отправлении на поселение. Но стройной целостной системы общественного призрения инвалидов, больных и раненых воинов к началу XIX в. не сложилось. В обществе по-прежнему доминировали отношения «государь-народ». Лишь в течение XIX в. на первый план выходят отношения «государство-личность», а среди важных вопросов, требовавших своего решения, появляется вопрос оказания социальной помощи нуждающимся слоям населения, в том числе больным и раненым воинам. Именно поэтому к концу XIX в. в российском обществе появляются новые благотворительные организации и заведения, вырабатываются новые формы и принципы организации призрения больных и раненых воинов, их семьей, а также жертв эпидемий, пожаров, наводнений, голода и других бедствий.

Библиографический список

1. Благотворительность в России [Текст]: в 3 т. – СПб., 1907. - Т.1.
2. ГАЯО. - Ф.83. - Оп.1. - Д.1332. – Л.89 об.
3. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е [Текст]: в 45 т. - СПб.,1830. - Т.7. -922 с.
4. Там же. - Т.9. - 1022 с.
5. Там же. - Т.12. - 960 с.
6. Там же. - Т.16. - 1120 с.
7. Там же. - Т.24. - 872 с.
8. Там же. - Т.25. - 933 с.
9. Там же. - Т.30. - 1412 с.
10. Столетие Военного Министерства 1802-1902 [Текст] / сост. Д.И. Бережков.- СПб., 1902.- Т.ХIII. - Кн.1: Александровский комитет о раненых. Исторический очерк - 244 с.
- 11.Свирина, Е.Н. Социальное государство и социальная помощь [Текст] / Е.Н.Свирина // Преподавание истории и обществознания в школе. - 2007. - №8. - С.48-52.
12. Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона [Текст]: в 86 т. / Ф.А. Брокгауз, И.А. Эфрон. – СПб., 1891. - Т. IV.

© А.Г. Любарец (ЯГПУ)

Социальная деятельность ярославского духовенства в конце XIX - начале XX в.: к постановке проблемы

Тема социальной деятельности Русской Православной Церкви является актуальной, поскольку количество посвященных ей работ невелико. Между тем до сих пор не утихают дискуссии о роли религии и церкви в обществе. Деятели РПЦ претендуют не только на духовное значение, но и на «мирское» - социальное.

К сфере социального служения церкви традиционно относят благотворительность, призрение бедных, организацию трезвенного движения, просвещение населения, образование, медицину и некоторые другие вопросы.

В конкретно-историческом смысле проблема социальной деятельности РПЦ включает три исследовательских аспекта. Во-первых, социальные проекты верховной церковной власти (Святейшего Синода) в масштабах всего государства, которые выражались в указах и постановлениях для местных церковных учреждений; во-вторых, реакция на эти указы и постановления церковных деятелей в епархиях (епископов, игуменов монастырей, «старчества»); в-третьих, характер воплощения в жизнь этих социальных проектов приходскими священниками в церковном приходе. Нужно заметить, что задача «мирского» служения церкви воспринималась современниками неоднозначно даже в среде духовенства. Например, известный религиозный деятель середины XIX в. святитель Игнатий (Брянчанинов) считал, что основная служба духовенства это молитва и отправление церковных обрядов, а активная «мирская» деятельность уводит монашествующих в суету [5. С. 180-183].

Преподобный Иоанн Кронштадтский, живший в XIX – начале XX вв., считал «служение пастве» одной из важнейших задач православной церкви. Он всю жизнь вел активную благотворительную деятельность в различных ее формах [2. С. 428-429].

Конкретно-исторических исследований данной темы немного. П.Н. Зырянов уделил внимание практически всем сторонам жизни православных монастырей, в том числе и социальному служению монашества [4]. Он описал монастырские школы и больницы, сбор пожертвований на нужды неимущих и многое другое. И.К. Смолич привел в своей книге большой материал о благотворительной деятельности церковных приходских попечительств [7]. С.Л. Фирсов об-

ратился к анализу работы приходских церквей в основном в области народного образования [8]. Различные аспекты социальной деятельности угличских монастырей стали предметом изучения В.В. Денисова, который уделил основное внимание сбору монастырями пожертвований для бедных [3]. Существуют исследования данной темы непосредственно по материалам Ярославской епархии, но они посвящены узким вопросам, связанным с названной темой. Например, А.В. Киселёв изучал положение церковных старост в православном приходе, О.Д. Ельцова занималась изучением церковного землевладения и пенсионного обеспечения духовенства, И.Ю. Шустрова исследовала церковную документацию в приходах Ярославской епархии. Нетрудно заметить, что все названные исследования страдают определенной односторонностью и почти не затрагивают региональный уровень изучения темы. У П.Н. Зырянова и С.Л. Фирсова остается малоисследованным местный аспект социального служения РПЦ. В.В. Денисов изучал социальную деятельность церкви на примере только угличских монастырей, не уделяя внимания ни приходскому духовенству, ни монастырям других районов Ярославской епархии. Названные аспекты требуют дополнительного изучения на материале всей Ярославской епархии.

В результате сбор и систематизация материала о социальной деятельности духовенства Ярославской епархии в конце XIX – начале XX в. могут служить целью самостоятельного исследования, в ходе которого необходимо выявить региональные черты и особенности этого явления, их значение в жизни общества. С этой темой связаны такие общесторические вопросы, как роль религии в жизни общества и границы влияния церкви на социум, проблема влияния социальной деятельности духовенства на формирование образа православия в сознании людей.

Объектом исследования являются исторические источники, которые содержат информацию по данной теме: архив Духовной консистории, архив Архирейского дома, «Ярославские епархиальные ведомости». Интерес будут представлять материалы различного характера. Официальные документы Святейшего Синода, труды и письма известных церковных иерархов, разного рода отчетные документы по общественным делам Ярославской епархии и, конечно, материалы периодической печати. Каждая из этих групп источников имеет большое значение для изучения определенного аспекта данной темы.

Нижней границей хронологических рамок исследования можно считать 1881 г., начало царствования императора Александра III. Период его правления часто называют «религиозным Ренессансом» в России. Этот император сам отличался набожностью и проводил политику покровительства РПЦ, которая стремилась укрепить религиозные основы самодержавной формы правления. По этой причине начало правления Александра III можно считать также началом особого периода в истории РПЦ, который характеризуется усилением ее влияния в государстве и обществе.

Верхняя граница периода это 1914 г. – начало Первой Мировой войны, которая очень серьезно повлияла на Россию в целом и на русскую церковь в частности, изменив сознание людей и их мировоззрение. Это время первых проявлений духовного кризиса в русском обществе, который привел к смене формы правления и ломке всех старых государственных устоев ценой огромных жертв. Роль церкви в обществе кардинально изменится в сторону уменьшения ее значения, наступит новый период ее истории.

Примечательно, что церковные историки в синодальном периоде истории РПЦ (1700-1917 гг.) правление императора Александра III характеризуют положительно с точки зрения роли церкви в государстве и обществе, хотя

весь период считается временем снижения церковного влияния под давлением государства, поставившего под свой полный контроль всю православную иерархию (отмена патриаршества, несколько секуляризаций). Эта точка зрения представляется верной, так как к концу XIX в. православие стало необходимым элементом в борьбе государственной власти с духовным кризисом в России [7. С. 9-11].

В конце XIX – начале XX вв. монастыри и приходские церкви осуществляли разнообразные социальные функции. За редким исключением монастыри занимались призрением бедных, а приходские церкви – делами народного образования и медицинской помощи населению.

Монастыри давали бесплатные обеды для паломников. Крупные обители спасали в тяжелые времена множество людей буквально от голодной смерти. «По давней традиции для богомольцев устраивались бесплатные обеды. Общая столовая в Троице – Сергиевой лавре зимой помещалась под трапезной церковью, а летом на открытом воздухе. За столами могли разместиться до 500 человек. Трапеза сопровождалась душеполезным чтением. Послушники передвигали кружку для пожертвований от одного обедающего к другому. Пока одни обедали, другие ожидали своей очереди. Летом число обедающих достигало нескольких тысяч ежедневно ... Троице – Сергиева лавра тратила на обеды для богомольцев до 18 тыс. р. в год» [4. С. 51].

Конечно, монастырь не мог кормить паломников очень долго, в каком бы тяжелом положении они ни находились (пожертвования не окупали расходов на обеды). Во многих обителях, не столь богатых, как Троице – Сергиева лавра, был установлен трехдневный срок кормления каждого паломника, после чего он мог лишь получить запас продуктов в дорогу.

Другой формой монастырской благотворительности было содержание больниц и богаделен. П.Н. Зырянов при-

водит статистические данные по количеству больниц и богаделен и количеству мест в них в некоторые годы конца XIX – начала XX вв. Так, на 1881 г. в России было 78 больниц (на 990 мест) и 51 богадельня (на 1050 мест), на 1891 - 107 больниц (на 1368 мест) и 73 богадельни (на 1606 мест), на 1900 - 172 больниц (на 2027 мест) и 123 богадельни (на 1774 места). А на 1914 г. - 234 больницы (на 2698 мест) и 169 богаделен (на 2252 места). Возможно, для государства в целом это не столь большая цифра, но положительная динамика в увеличении числа этих учреждений прослеживается на протяжении всего периода [4. С. 134].

В 1890 г. было закончено строительство больницы при Ярославском Толгском мужском монастыре, предназначенной в основном для монашествующих. Однако она принимала и крестьян из окрестных селений и бесплатно выдавала им лекарства [4. С. 135].

Немалую роль в благотворительной деятельности церкви конца XIX в. сыграли женские общины, создаваемые в благотворительных целях под покровительством императрицы Марии Александровны. При общинах часто существовали приюты для детей сирот.

«Несколько позднее были открыты медицинские учреждения Российского общества Красного Креста при Костромском Богоявленском женском монастыре» [4. С. 135]. Эта организация создала несколько медицинских пунктов в глубинке.

Просветительская деятельность среди населения также не была чужда монастырям. Зачастую школы дополнялись сиротскими приютами, где детей учили элементарной грамотности, а иногда и основам какого-либо ремесла. Школы не были в монастырях редкостью, но не были и повсеместным явлением.

Более широким и организованным проявлением просветительской деятельности русской православной

церкви были церковно-приходские школы. Эти образовательные учреждения в конце XIX в. пользовались широкой поддержкой властей (от обер-прокурора Синода К.П. Победоносцева до самого императора Александра III). Они могли быть «одноклассными» и «двуклассными», а преподавали в них исключительно представители православного духовенства. В конце XIX – начале XX в. количество церковно-приходских школ в России неуклонно возрастало. Хотя создание сети церковно-приходских школ преследовало вполне определенные религиозно-политические цели, тем не менее, они сыграли огромную положительную роль в распространении грамотности в народе [8. С. 105-109, 124].

Отдельно следует отметить различные благотворительные общества, действовавшие при участии духовенства в основном в сфере призрения бедных, например, общество «Христианская помощь» в с. Великом Ярославского уезда. Целью этой организации была борьба с нищенством, путем оказания материальной и другой помощи нуждающимся [6. С. 7]. В обществе стремились организовать обучение бедняков какому-либо ремеслу, повышать оплату труда малоимущих, создавать мастерские при церковно-приходских школах и многое другое.

Следовательно, социальная деятельности православного духовенства в конце XIX – начале XX в. была довольно заметным явлением, обратившим на себя внимание историков. Вместе с тем фрагментарность сведений об участии в ней ярославского духовенства обосновывает необходимость целостного конкретно-исторического исследования этой темы.

Библиографический список

1. Борисова, А.В. Государство, церковь и общество в России в XVIII-XIX вв. [Текст]: учебное пособие / А.В. Борисова, Н.С. Велитченко, Ю.Б. Смирнова; Мин-во образо-

вания Рос. Федерации, Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. – Ярославль, 2002. – 95 с.

2. Великие духовные пастыри России [Текст]: учебное пособие для вузов, колледжей, лицеев, гимназий и школ / под ред. А.Ф. Киселева – М., 1999. – 496 с.

3. Денисов, В.В. Благотворительная деятельность угличских монастырей во второй половине XIX – начале XX в. [Текст] / В.В. Денисов // История и культура Ростовской земли, 2000 г. / Гос. музей – заповедник «Ростов. кремль». - Ростов, 2001. – С. 185-191.

4. Зырянов, П.Н. Русские монастыри и монашество в XIX – начале XX вв. [Текст]/ П.Н. Зырянов – М., 2002 . – 519 с.

5. Игнатий (Брянчанинов Д.А.). Письма о подвижнической жизни [Текст] / Святитель Игнатий Брянчанинов: [Предисл. игумена М. Лозинского]. – Минск, 2001. – 270 с.

6. Общество «Христианская помощь» при церкви Рождества пресвятой Богородицы села Великого Ярославской губернии и уезда [Текст]. - Ярославль, 1892 . – 42 с.

7. Смолич, И.К. История русской церкви[Текст]: в 9 кн. / И.К. Смолич. - М., 1996 . - Кн. 8. История русской церкви синодального периода 1700-1917. Ч. 2. - 799 с.

8. Фирсов, С.Л. Русская церковь накануне перемен (конец 1980 – начало 1918) [Текст] / Круглый стол по религиозному образованию и диаконии. - М., 2001. – 623 с.

© А.М. Новоторцева (ЯГПУ)

Условия введения подоходного налога в России в начале XX в.

В начале XX в. российское правительство в значительной степени осторожно подходило к различным налоговым преобразованиям. Это было вызвано следующими условиями. Во-первых, законодатели ставили

перед собой достаточно сложную для того времени задачу - сохранить платежеспособные силы российских налогоплательщиков путем соблюдения принципов справедливости и равномерности в обложении. Они также стремились не ущемить при этом их прав, например, в отношении соблюдения коммерческой тайны. Во-вторых, чиновникам Министерства финансов и их представителям на местах необходимо было подготовить население и органы податного надзора к особенностям нового налогообложения, а именно познакомить с самой процедурой введения подоходного налога в стране. Для этого следовало провести тщательную предварительную просветительскую работу для популяризации его в России. Однако правительство не нашло поддержки со стороны представителей российского торгово-промышленного классов в решении этих задач.

Следует напомнить, что еще в конце XIX в. крупные промышленники и торговцы выступили против введения подоходного налога в России. Делегаты от биржевых комитетов и купеческих управ, а также многие другие лица, ознакомленные с фактическим положением торговых, кредитных и промышленных предприятий, участвовали в работе специальной Комиссии наравне с членами от всех заинтересованных правительственных ведомств. Предприниматели опасались слишком активного вмешательства податных учреждений в их частные дела и не надеялись на действительно справедливое обложение их истинных доходов с помощью новых приемов. В дальнейшем лидеры торгово-промышленной общественности пошли по пути политизации своих экономических взглядов, и в начале XX в. их критика налогового законодательства только усилилась [1].

В 1903 г. вопрос о пересмотре действовавшего закона о промысловом налоге по Положению от 8 июня

1898 г. вновь был поставлен на обсуждение. Фактически после этого вплоть до 1917 г. вся последующая законодательная деятельность в области унификации российской налоговой системы была направлена на устранение несовершенств и недостатков данного Положения. Кроме этого, на корректировку содержания новых налоговых законов значительно повлияли как внутренние, так и внешние факторы. Так, события первой русской революции в мае 1905 г. помешали работе межведомственного совещания при Министерстве финансов с участием представителей промышленности и торговли и, напротив, способствовали усилению налогового бремени. В военное время, начиная с 1914 г., повышение ставок некоторых видов существующего обложения было продолжено. Вместе с тем, были введены новые налоги и расширены территориальные рамки их взимания, в зону действия налогового законодательства попали также новые объекты, способные приносить коммерческую прибыль [2].

В итоге, введение государственного подоходного налога было намечено на 1 января 1917 г. Одними из первых, кто сразу включился в обсуждение этого вопроса, были российские податные инспекторы. В докладе податного инспектора Владимирского городского участка сообщалось, что «среди разнообразных и сложных задач, стоящих перед нашей родиной, реформа прямых налогов занимает одно из самых видных мест. Она давно назрела, но только великое испытание сдвинуло вопрос с мертвой точки» [3]. С одной стороны, податная инспекция находилась на службе у государства и выполняла соответствующие ей контролирующие функции, а с другой, каждодневно соприкасалась с процедурой взимания торгово-промышленных сборов и, следовательно, с недостатками ее законодательного регулирования. Являясь органом, наиболее приближенным и осведомленным о нуждах

предпринимательского сектора, она имела возможность профессионально участвовать в обсуждении новых законопроектов [4].

Следует отметить, что содержание предлагаемого закона о подоходном налоге характеризовала теоретическая сложность и практическая новизна не только для податных инспекторов и прочих специалистов в налоговом деле, но и в первую очередь для простых обывателей – потенциальных налогоплательщиков. Так, председатель съезда податных инспекторов в Симферополе высказал мнение, что данный закон был обременен обязанностями для различных классов населения, а подавляющее большинство плательщиков было совершенно незнакомо с его требованиями. Он также предположил, что некоторые из плательщиков вообще не станут подавать никаких заявлений, но не из нежелания и не из-за своей нерадливости, а вследствие полной неосведомленности относительно своих обязанностей. В результате, штрафование лиц, не подавших или несвоевременно подавших заявления, должно было производиться в высшей степени осторожно [5].

На Симферопольском съезде податных инспекторов 1917 г. было отмечено, что не только широкие мало просвещенные массы людей с трудом разбирались в своих новых сравнительно несложных обязанностях подачи заявлений по определенным формам, но даже наиболее культурные представители общества – врачи, адвокаты – обращались к чинам податной инспекции и казенной палаты с просьбой о заполнении бланков необходимыми сведениями [6]. В этой связи председатель съезда заявил, что для достижения поставленной цели необходимо обратиться к общественным, городским и земским самоуправлениям с просьбой об организации особых бюро по подоходному налогу. Они, работая под руководством и

контролем податной инспекции, смогли бы оказывать компетентную и бесплатную помощь российскому населению. Во многих уездных городах, таких как Евпатория, Севастополь, Феодосия, Керчь, началось активное создание таких бюро, вместе с тем, городское управление Ялты отрицательно отнеслось к данной идее и отказало в какой-либо помощи [7].

Другим мероприятием, по мнению съезда, должно было стать устройство лекций и беседований с плательщиками по вопросам подоходного обложения. Для этого необходимо было привлекать местные печатные органы, в которых размещались бы различные объявления, статьи и заметки в популярной форме с целью ознакомления населения со своими непосредственными обязанностями [8]. Однако наибольшее обсуждение вызвала другая особенность организации подоходного налога, основанная на начале декларативности. Она не являлась абсолютно новой для российской податной практики, поскольку декларативный способ уже находил применение в обложении дополнительным промысловым налогом неотчетных предприятий и в налоге с городских недвижимых имуществ.

На Лифляндском губернском съезде податных инспекторов в 1917 г. приводились доводы против распространения данной обязанности на низшие классы дохода, поскольку проверка огромного числа мало удовлетворительных деклараций мелких плательщиков была крайне обременительна для оценочных учреждений. Кроме этого, налог приходилось вводить в условиях военного времени, когда значительная часть населения находилась в рядах действующей армии, а все учреждения, в особенности полиция и волостные правления, были переобременены работой [9].

В целом, к 1917 г. выделились две основные

позиции, в соответствии с которыми российское общество было разделено на сторонников и противников введения подо-ходного налога. Одни рассматривали его как налог социа-листический, подрывавший коренные устои политического строя, разрушавший частную собственность – основу благополучия современного государства [10]. Другие считали его находящимся несоизмеримо выше всех других форм обложения, чуждым всякой политической и экономической тенденциозности, удовлетворяющим требованию равномерности, общности и прогрессивности – тем руководящим принципам податной политики, которым должен был удовлетворять любой по-настоящему хороший и справедливый налог [11]. При этом не только содержание и принципы подоходной системы вызывали разногласия и противоречия в обществе, но также сроки и механизмы ее непосредственного введения в России. В данном случае поляризация мнений происходила по двум направлениям развития взглядов – либо признания, либо непринятия эволюционного, поэтапного введения подоходного налога.

Библиографический список

1. Новоторцева, А.М. Правительственные мероприятия по выбору системы промыслового налога в России в конце XIX – начале XX в. [Текст] // Народ, политика, власть в истории России: межвуз. сб. науч. тр. – Ярославль, 2007. - Вып. 3. - С. 54-55, 60-61.

2. Доклад состоявшей при Совете съездов постоянной Комиссии по юридическим и налоговым вопросам по поводу внесенного министром финансов в государственную думу проекта Положения о государственном промысловом налоге и временных Правил о земских и городских добавочных ко всем видам государственного промыслового налога сборах [Текст] // Четвертый очередной съезд представителей промышленности и торговли. – Спб., 1909. - С. 2;

Свод законов Российской империи. Уставы о прямых налогах и пошлинах [Текст]. - СПб., 1914. - Т. V. - С. 1-4.

3. Доклад к съезду податных инспекторов 4-6 декабря 1916 г., составленный податным инспектором Владимирс-кого городского участка В.Г. Гортинским. Подходный налог (исторический очерк) [Текст] // Владимирский губернский съезд податных инспекторов. - Владимир, 1917. - С. 21.

4. Филимонов, В.Я. Новый податной закон. Руководство по окладным сборам с циркулярами, образцами деловых бумаг, указателем и многими приложениями [Текст]. /сост. В.Я. Филимонов. - М., 1901. - С. 198.

5. Таврический губернский съезд податных инспекторов [Текст]. - Симферополь, 1917. - С. 48-49.

6. Там же. - С. 49-51; Промышленность и новые налоги [Текст] // Торгово-промышленный юг. Орган Совета съездов представителей промышленности и торговли юга России. - Одесса, 1917. - № 3 (1 февраля). - С. 15-16.

7. Таврический губернский съезд ... - С. 49-51.

8. Там же.

9. Журнал съезда податных инспекторов Лифляндской губернии. 3-5 декабря 1916 г. [Текст] // Лифляндский губернский съезд податных инспекторов. - Юрьев, 1917. - С. 4-5; Приамурский краевой съезд податных инспекторов [Текст]. - Хабаровск, 1917. - С. 8-9.

10. Владимирский губернский съезд податных инспекторов [Текст]. - Владимир, 1917. - С. 22.

11. Положение о государственном промысловом налоге [Текст]. - М., 1909. - С. 1-2.

© В.В. Таточенко (ЯГПУ)

**Из истории изучения периодических изданий
Ярославской губернии конца XIX – начала XX в.**

Развитие периодических изданий, отражающее состояние духовных и культурных сил общества, насчитывает в России не одно столетие. Изменение уклада жизни, переживаемое жителями империи в конце XIX - начале XX в., находило свое отражение на страницах газет и журналов. Интенсивное железнодорожное строительство и газетный бум, начавшиеся в то время, связывали многие уголки страны, расширяли кругозор населения, позволяли увидеть жизнь и быт своих соотечественников.

Современники, признавая значимость провинциальной периодики, только начали работу по ее изучению. В 1898 г. Л.Н. Трефолов, поэт, краевед и журналист, первым затронул вопросы развития прессы в Ярославской губернии. Перечислив издания, выходявшие до конца XIX в., он пришел к неутешительному заключению об отсталости провинциальной периодической печати. Указал он и препятствия на пути развития провинциальных газет и журналов: небольшое жалование сотрудников правительственных изданий, запрет на публикацию материалов, способных вызвать волнение читателей [1. С. 3].

В период революции 1905-1907 гг. появились работы общероссийского значения, в которых идейно преобладало либеральное направление. Их общий тон был «криком» о том, как сложно заниматься издательской деятельностью. В большей степени исследования касались центральной периодики как основы газетно-журнального рынка, меньшее внимание уделялось провинции [2]. Вплоть до конца Великой Отечественной войны местная периодика не получала достаточного освещения в историографии. В основном в работах поднимались темы, связанные с издательским делом или с большевистской печатью [3]. Общая ситуация не коснулась ярославского края. В 1924 г. вышла работа «Опыт местной библиографии» Н.Г. Огурцова – сотрудника яро-

славских дореволюционных газет «Северный край», «Голос» и журнала «Русский экскурсант». Отдельный раздел издания был посвящен газетам и журналам края, тяжелым периодам их жизни, сотрудникам [4].

В послевоенные годы историками была сформирована схема изучения вопросов периодических изданий конца XIX - начала XX в., в которую включалась история центральных газет и журналов, их связь с революционными событиями, экономикой, войнами [5]. Особое значение для историков приобрела социал-демократическая печать и труды В.И. Ленина, который делил прессу по политическому признаку на реакционную, либеральную, демократическую и дал оценку многим газетам своего времени [6]. В настоящее время стоит признать, что принцип партийности для изучения печати ограничивал историков, исключал большое количество провинциальной периодики из объекта исследований, искажал анализ политических позиций, отличных от социал-демократической [7]. Это отразилось и на изучении периодических изданий Ярославской губернии.

Обобщающие работы о печати Российской империи связаны, как правило, с историей центральных газет и журналов, мало и не всегда тщательно анализируют провинциальную периодику. Так, обращают на себя внимание неточности в исследовании С.Я. Махониной [8. С. 160-161]. Представив обзор печати края, она утверждала, что после газеты «Северный край» выходила газета «Ярославль». На самом деле выходила газета «Северная область», а издания с названием «Ярославль» вообще не существовало. Газета «Северная молва» появилась в Ярославле не в 1906 г., как утверждала автор, а в конце 1907 г. Газета «Северная речь» выходила не после «Северной молвы», а перед ней с 20 июня 1906 г. по 14 марта 1907 г. Газета «Северные вести» выходила после «Северной молвы», но перед ней издавались

еще две - «Северный вестник» и «Северное слово» [9. С. 176-177]. Еженедельные «Ярославские новости» появились не в 1912 г., а в 1911 г. «Вестник Рыбинской биржи» издавался не с 1901 г., а с 1902 г. В уездном г. Угличе в начале XX в. выходило не две, а четыре газеты: «Угличанин» (1906-1908 гг.), «Угличский край» (1913-1916 гг.), «Угличская мысль» (1911-1915 гг.) и «Угличские вести» (1910 г.).

Региональные исследования, посвященные теме, сосредоточились исключительно на «Северном крае», «Голосе» и «Ярославских епархиальных ведомостях». Начало изучения «Северного края», издававшегося с 1898 по 1905 гг., положила А.В. Девяткина [10. С. 155-182]. Она указала на либеральное направление газеты, межрегиональную зону ее распространения, раскрыла псевдонимы некоторых сотрудников, показала напряженность в отношениях с губернскими властями, проанализировала конфликт внутри редакции, которую в 1905 г. покинули социал-демократы. Публикация А.В. Девяткиной на долгие годы определила направление проблематики местных исследований [11].

Характеристика материалов газет Верхнего Поволжья по рабочему движению в период революции 1905-1907 гг. была представлена в кандидатской диссертации Т.И. Волковой [12. С. 52-97, 127-138, 230-234]. Анализ печати был связан с партийно-политической принадлежностью газет. К реакционно-монархическим изданиям были отнесены «Ярославские губернские ведомости», «Ярославские епархиальные ведомости», «Русский народ» - газета Ярославского отдела политической партии «Союз Русского Народа». К правому крылу либерально-буржуазной прессы - «Ярославский вестник», «Северянин», «Ярославские отголоски» - газеты партии «Союз 17 Октября», а также «Вестник рыбинской биржи». К левому крылу либеральных газет - «Северный край» и его преемники, а также «Угличанин». Автор уделила внимание исключительно судьбе социал-

демократического корпуса сотрудников газет с акцентом на «Северном крае» как ведущей, межрегиональной газете Верхнего Поволжья, тираж которой доходил до 8 тыс. экземпляров.

В начале 1990-х гг. исследовательская проблематика расширилась до обращения к либеральным взглядам и настроениям «Северного края», культурной значимости газеты [13]. В это же время вышли две монографии Ю.Ю. Иерусалимского о революционной прессе и листовках революционных организаций Центрально-промышленного района страны в период первой русской революции [14]. В конце 1980-х гг. началось изучение ярославской газеты «Голос», выходившей ежедневно с 1909 по 1917 гг. В результате анализа было доказано значение издания в освещении истории края, названы его сотрудники, определен либеральный характер, достаточно мирное сосуществование с администрацией в период губернаторства Д.Н. Татищева (1909-1915 гг.) [15].

В 2000-е гг. появились работы, связанные с обзорами уездной прессы, анализом газетных заголовков [16. С. 85-88]. Впервые была предпринята попытка отойти от стереотипа советской классификации дореволюционной периодики и заменить ее делением по принципу принадлежности к государству или частному лицу [17. С. 96-98]. Продолжается работа и в источниковедческом направлении: изучается отражение вопросов образования, городского строительства, первой мировой войны на страницах ярославских изданий [18]. Историк Р.А. Невиницын привлек для анализа «Северного края» большое количество мемуарных источников, определив место газеты в системе печати империи [19. С. 24-45].

В 2006 г. Р.В. Чижов попытался оценить роль «Ярославских епархиальных ведомостей» в консолидации регионального культурного сообщества духовенства в период

с 1860 по 1917 гг. [20]. Но автор использовал в работе только исторический отдел издания и закончил исследование началом XX в. Он не учитывал место «Ярославских епархиальных ведомостей» в системе печати губернии, не проводил параллельного изучения журнала «Приходская жизнь», выходившего с 1898 по 1917 гг. В работе нарушен хронологический принцип, не упомянуты редакторы и сотрудники начала XX в., преобладает описательный метод работы над проблемой.

Следует заметить, что сущностно-описательный анализ прессы, выходившей в Ярославской губернии, был единственным методом ее изучения, лишь иногда использовался арифметический подсчет статей по вопросу рабочего движения. В целом большая активность в изучении газет и журналов принадлежала местным исследователям, благодаря усилиям которых достаточно последовательно и систематично изучена периодика 1905 - 1907 гг. Немало материалов посвящено «Северному краю», но оценка степени ее политической оппозиционности до сих пор сохраняет дискуссионность. Также актуально исследование периодической печати Ярославской губернии конца XIX – начала XX вв. в связи с вопросами культурного, правового и социального развития российской провинции.

Библиографический список

1. Трефолов, Л.Н. Предшественники «Северного края» [Текст] / Леонид Трефолов // Северный край. - 1898. - № 1. – 1 декабря.

2. Валле-де-Барр, Е.А. «Свобода» русской печати (после 17 октября 1905 г.) [Текст] / Е.А. Валле-де-Барр – Самара, 1906. – 184 с.; Розенберг В., Якушкин В. Русская печать и цензура в прошлом и настоящем [Текст] / Владимир Розенберг, Вячеслав Якушкин. – М., 1905. – 250 с.

3. Большеви́стская печать в тисках царской цензуры. 1910-1914. Газеты «Звезда», «Правда» [Текст]: сб. документов / В.А. Быстрянский – Л., 1939. – 199 с.; Евгеньев, Ф. Русская библиография бумажного дела (1800-1924). История, техника, экономика и статистика бумажного дела [Текст] / Ф. Евгеньев – М., 1925. – 110 с.

4. Огурцов, Н.Г. Опыт местной библиографии. Ярославский край. (718-1924) [Текст] / Н.Г. Огурцов. – Ярославль, 1924. – 448 с.

5. Бережной, А.Ф. Русская легальная печать в годы первой мировой войны [Текст] / А.Ф. Бережной. – Л., 1975. - 152 с.; Смирнов, С.В. Легальная печать в годы первой русской революции [Текст] / С.В. Смирнов. – Л., 1981. - 192 с.

6. Бережной, А.Ф. В.И. Ленин - публицист и редактор [Текст] / А.Ф. Бережной. – М., 1975. – 175 с.

7. Балашова, Н.А. Российский либерализм начала XX века. (Банкротство идей "Московского еженедельника") [Текст] / Н.А. Балашова. – М., 1981. - 184 с.

8. Махонина, С.Я. Русская дореволюционная печать (1905-1914) [Текст] / С.Я. Махонина. – М., 1991.

9. Беляева, Л.Н. Библиография периодических изданий России. 1901-1916. [Текст]: в 4 т. / Л.Н. Беляева, М.К. Зиновьева, М.М. Никифоров. – Л., 1960. - Т. 3. Р-Я.

10. Девяткина, А.В. Большевики в редакции «Северного края» (1904-1905 гг.) [Текст] / А.В. Девяткина // Краеведческие записки. – Ярославль, 1957.- Вып.2. - С. 155-182.

11. Невиницын, Р.А. Иваново - Вознесенская стачка 1905 г. на страницах ярославской губернской газеты «Северный край» [Текст] / Роман Невиницын // Путь в науку: сборник научных работ аспирантов и студентов исторического факультета. – Ярославль, 2005. – Вып. 10. - С. 195-201; Полозов, А.В. Рабочий вопрос на страницах либеральной газеты «Северный край» [Текст] / А.В. Полозов // Буржуазия и рабочие России во второй половине XIX - начале

XX века: материалы XIX зональной межвузовской конференции Центрального промышленного района России. Иваново, 8-10 июня 1993 года / И.М. Пушкарева. – Иваново, 1993. - С. 57-59.

12. Волкова, Т.И. Подцензурная печать губерний Верхнего Поволжья как источник по рабочему движению в период Первой российской революции (1905-1907 гг.) [Текст]: дис. ... канд. ист. наук: 07.00.02. / Волкова Татьяна Игоревна. – М., 1988.

13. Полозов, А.В. Газета «Северный край», ее программа и редакционный состав [Текст] / А.В. Полозов // Путь в науку: сборник научных работ ... – Ярославль, 1992. – Вып. 1. - С. 19-23; Холяев, С.В. Кадеты и «Северный край» [Текст] / С.В. Холяев // Путь в науку... – Ярославль, 1997. – Вып. 3. - С. 72-74.

14. Иерусалимский, Ю.Ю. Листовки революционных организаций Центрального промышленного района в период первой российской революции 1905-1907 гг. [Текст] / Юрий Юрьевич Иерусалимский. – Ярославль, ЯрГУ, 1997. – 184 с.; Он же. Революционная пресса Центрального промышленного района в период первой российской революции 1905-1907 гг. ... – Ярославль, 1996. – 156 с.

15. Быстрова, И. Газета К.Ф.Некрасова «Голос» - очаг распространения культуры в ярославском крае [Текст] / И. Быстрова // III Некрасовские чтения: тезисы выступлений. – Ростов, 1988. - С. 65-66; др.

16. Голицын, А.А. От «Служебных перемен» до «Живой покойницы». Газетные заголовки в провинции начала XX века [Текст] / А.А. Голицын // Русская речь. – 2002. - № 4.

17. Белоногий, С.А. Периодическая печать Ярославской губернии (1914 год) [Текст] / С.А. Белоногий // Путь в науку... – Ярославль, 2001. – Вып. 6.

18. Кузина, Е.П. Проблемы городского строительства на страницах ярославской газеты «Ярославские губернские ведомости» [Текст] / Е.П. Кузина // Путь в науку... - С. 78-81; Тимченко, М.Ю. Ярославские епархиальные ведомости как источник по истории ярославской духовной семинарии (1747-1918 гг.) [Текст] / М.Ю. Тимченко // X Золотаревские чтения: тезисы докладов научной конференции (19-20 октября 2004 г.). – Рыбинск, 2004. С. 113-117.

19. Невиницын, Р.А. Северный край 100 лет назад [Текст] / Роман Невиницын // Журналистов знакомые лица: сборник воспоминаний ярославских журналистов, членов Союза журналистов России; посвящен 50-летию образования Ярославской областной журналистской организации / А.П. Разумов. – Ярославль, 2007.

20. Чижов, Р.В. Роль периодической печати в консолидации культурного сообщества (на примере деятельности «Ярославских епархиальных ведомостей»: 1860-1917 гг.) [Текст]: дис. ... канд. культуролог. наук: 24.00.01. / Чижов Роман Владимирович. – М., 2006.

© О.В.Дубичев (ЯГПУ)

Проблемы природопользования на страницах “Сельского вестника” в 1892-1898 гг.

На рубеже XIX – XX вв. в России существовало огромное количество печатных изданий, которые на своих страницах освещали проблемы развития сельского и лесного хозяйств. Среди них были “Сельский вестник”, “Земледельческая газета”, “Хутор”, “Хуторянин”, “Сельское хозяйство и лесоводство” и ряд других. В какой степени в подобных изданиях затрагивались проблемы природопользования? Какие темы привлекали внимание авторов? Волновали ли крестьян данные проблемы? Для ответа на поставленные вопросы были использованы материалы

газеты “Сельский вестник”. Данное издание интересно тем, что оно доставлялось в волостные правления бесплатно, а значит круг читателей, особенно среди крестьян, был гораздо шире. Кроме того, два последних раздела содержали различные статьи и письма, авторами которых были читатели. При работе с данной газетой была сделана выборка номеров за 1892, 1896, 1898 гг., в которых был произведен поиск статей и писем по проблемам природопользования и их количественный и качественный анализ. В связи с тем, что письма за каждый год группировались по губерниям и их общее количество приближалось к ста, было решено анализировать только те из них, авторами которых были жители Ярославской губернии.

Для выявления степени значимости данной проблемы на страницах издания была проведена следующая работа: путем сплошной выборки статей за 1892 и 1898 гг. было посчитано общее число статей, касающихся природопользования, а также вычислено их относительное количество.

Говоря о количестве подобных статей, следует отметить их малочисленность. Так, за 1892 г. было опубликовано 14 статей, тогда как их общее количество составило 312, а за 1898 – 27 (всего же – 150), что равнялось 4,7 и 18%, соответственно. Такое резкое увеличение процентного показателя (почти в 4 раза) может быть объяснено ростом интереса общества к более рациональному использованию природных ресурсов, общим уменьшением числа статей за счет увеличения их объема.

Среди всего объема публикаций, касающихся проблем природопользования, можно выделить следующие темы.

- *Обращение к опыту других государств.* На страницах номеров публиковались материалы, посвященные описанию земледелия и скотоводства в странах Европы, на-

пример, в Финляндии [1]. Кроме того, в одном из номеров сравнивались размеры земельных участков, которые обрабатывались силами одной семьи в России и Германии, в которой подавляющее большинство хозяйств – 88% – владело участками до 10 га. [2].

• *Сохранение и разведение лесов.* О необходимости решения данного вопроса свидетельствует тот факт, что даже некоторые крестьяне начинали задумываться о дальнейшей судьбе лесов. Так, крестьянин Романово-Борисоглебского уезда писал о вырубке леса на дрова: “... но ведь и эта доходная статья (вырубка леса на дрова) может скоро прекратиться, потому что лес вырубать легко, а вырастить трудно; придется, пожалуй, молодому поколению печи топить соломой” [3].

Какими же путями предлагалось решать данную проблему? Прежде всего до сведения сельских обществ доводилось решение о бесплатной выдаче посадочного материала из казенных лесничеств на сумму до 10 р. На эти деньги можно было купить или 1000 штук 3–5-тилетних саженцев, или 10000 – 1–2-летних. В результате, “в какой-нибудь десяток годов можно было бы незаметно поправить тот вред, который произошел от неразумного истребления у нас лесов”[4].

В нескольких статьях также обращалось внимание на необходимость лесопосадок, которые могли бы решить вопрос не только нехватки стройматериалов, но и предотвратить сильные засухи и разрастание оврагов. При этом в пример приводился опыт Северной Америки, где каждый год устраивали “зеленый праздник” или “лесной день”, во время которого дети сажали деревья, и, как результат, в стране появились леса[5]. В ответ, уже в апреле следующего года в Харькове был проведен весенний древесный праздник, в котором приняли участие около трех тысяч учащихся гимназий [6].

• *Описание современного состояния природопользования.* Данному вопросу уделяли внимание как специалисты, так и сами крестьяне. Так, крестьянин Мышкинского уезда писал, что “хозяйство наше нисколько не улучшается, а даже, напротив, с каждым годом делается все хуже и хуже”, кормов для скота не хватает, урожай зерновых низкий, методы обработки земли самые примитивные, использование удобрений редкое и недостаточное [7]. О том же сообщал дворянин М. Ошанин из Ростовского уезда: “Пашни достаточно, но земля измотана... лугов мало, но и те до того плохи, что их едва стоит косить...” [8]. Очевидно, что существование кризиса в отношениях человека и природы ощущалось все большим и большим количеством людей.

• *Травосеяние.* Одним из способов выхода из сложившегося кризиса сельского хозяйства мог быть посев луговых и кормовых трав (прежде всего клевера и тимофеевки), что уже практиковалось в Европе в середине XIX в., а в России еще только начинало распространяться на рубеже XIX-XX вв. Популяризации травосеяния и знакомству со способами его возделывания и должны были способствовать публикации в печати, которые встречались в вышеназванной газете [9]. В них доказывалась выгодность посадки трав, которые при надлежащем уходе давали урожай на ранее пустошных лугах 200 – 300 пуд. отборного сена, доход от которого намного превышал затраты на приобретение семян, удобрений и проведение работ.

• *Совершенствование техники полеводства.* Для повышения урожая авторы статей предлагали самые бесхитростные и простые способы. Прежде всего предлагалось проводить отбор семян и сажать только лучшие и наиболее полновесные. Рекомендовалось совершать данную процедуру ежегодно, причем это касалось не только хлебов, но и картофеля [10]. В результате, чистые сборы зерновых могли увеличиться в 1,5 – 2 раза.

Залогом хорошего урожая также была своевременная обработка почвы, произведенная железным плугом, так как именно он позволял производить более глубокую вспашку земли, а не сохой, которая даже в начале XX в. встречалась все ещё наравне с плугом [11]. М. Ошанин рекомендовал оставлять большие комки земли для дополнительной задержки снега на поле и предотвращения вымерзания семян при посадке озимого хлеба [12].

Для привлечения внимания крестьян к данной проблеме в 1892 г. был опубликован цикл статей под заголовком “Хозяйственные беседы старого пахаря”, само название которого и характер подачи материала (он был написан от первого лица) должны были придать дополнительный вес словам в глазах крестьян, к которым прежде всего он и адресовался [13]. Причем время выхода статей было подобрано не случайно. Так, материал об отборе семян на посадку был напечатан в апреле, когда крестьяне начинали готовиться к посевной, о технике ручной посадки семян – в мае, а об отборе семян на следующий год – в октябре. Результат такой продуманной кампании был положительный, ибо в конце сентября было опубликовано письмо крестьянина из Вологодской области, который воспользовался советами и получил с 1,25 фунта посеянного ячменя 70,5 фунтов урожая, что составило сам-56,4 [14]. Наличие такого письма наводит на мысль, что это не был единичный случай, и советы, печатавшиеся на страницах газет, находили отклик в среде крестьян.

• *Использование удобрений.* Рост урожайности был невозможен без использования удобрений, поэтому данный вопрос также не был обойден вниманием. На полях предлагалось использовать не только органические, но и минеральные удобрения (фосфоритную и костяную муку), золу и торф [15]. Чтобы убедить землепользователей в необходимости применения минеральной подкормки растений,

авторы объясняли её значение и предлагали самим читателям провести несложный опыт: разбить поле на несколько участков, на одном использовать фосфоритную муку, на другом – навоз, третье оставить без удобрения, а осенью сравнить урожаи на разных полях.

• *Реакция крестьян на нововведения.* Среди писем крестьян встречаются такие, где описываются трудности, с которыми столкнулись крестьяне-читатели при внедрении в жизнь новых методов ведения хозяйства. Те крестьяне, которые пытались что-то изменить в своем хозяйстве и отойти от давно устоявшихся принципов, встречали если не противодействие, то, по крайней мере, непонимание со стороны своих соседей-общинников.

Так, крестьянин Михаил Уткин, проживавший в Ростовском уезде и пытавшийся ввести в севооборот новый сорт картофеля “император”, был осмеян крестьянами своего и соседних селений: “...они говорили, что я плохо понимаю в картофельном деле”. Лишь спустя несколько лет его труд по внедрению нового сорта был оценен по заслугам: “в настоящее время крестьяне поняли и оценили достоинства картофеля “император” [16].

Крестьянин Поздняков из Любимского уезда предложил своим соседям распахать участок пустой земли и посеять лен или рожь. Они сначала согласились и даже разделили поле на полосы, но “только жребий не бросили..., а пахать никто не думал”. Не дождавшись жребия, Поздняков самовольно вспахал полосу. “Но пришли ко мне мои соседи и напали, как стая собак, - такой крик подняли, что Боже упаси”. В результате бросили жребий, кому какой участок достанется, и пришлось Позднякову ещё раз пахать уже новый участок. “Когда траву на разделенном месте скосили, тогда скотину пустили, и я вынужден был вытеребить лен несозревший”. Но, несмотря на это, он смог получить доход

от продажи волокна и семени на 6 р., тогда как его соседи скосили сена на 10 коп. [17].

Данные примеры говорят о том, что значительная часть крестьянства с неохотой и недоверием принимала нововведения, так как они шли в разрез с их традиционным представлением о природопользовании. Для их переубеждения требовалось значительное количество сил и времени.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют о том, что к концу XIX века часть общества, прежде всего специалисты по сельскому хозяйству, частные земельные владельцы и незначительная часть крестьянства, начала осознавать необходимость изменения отношения к природопользованию в России. На страницах изданий нашел своё отражение весь комплекс проблем, существовавших в этой сфере, и основные направления, по которым следовало идти в процессе их решения. При этом авторы статей обращались как к зарубежному опыту, так и к достижениям отечественных специалистов.

Примечания

1. Сельский вестник: газ. - Ярославль, 1897 - № 38-39.
2. Там же. - 1898. - № 15.
3. Там же. - 1896. - № 17.
4. Там же. - 1898. - № 7.
5. Там же. - 1897. - № 21-22.
6. Там же. - 1898. - № 5, 17.
7. Там же. - 1896. - № 23.
8. Там же. - 1898. - № 18.
9. Там же. - № 19, 32, 34; 1897.- № 2, 17.
10. Там же. - 1892. - № 8, 28; 1897.- № 13.
11. Там же. - 1898. - № 36.
12. Там же. - № 32.
13. Там же. - 1892. - № 8, 13, 47.
14. Там же. - № 42.

15. Там же. - № 1,3,5,7,43; 1898. - № 36.

16. Там же. - № 41.

17. Там же - 1896. - № 47.

© Г. В. Карандашев (ЯГПУ)

Проблема женского алкоголизма в конце XIX – начале XX века

Проблема народного пьянства являлась одной из заметных в российской истории конца XIX – начала XX в. Ее острую грань, несомненно, составлял вопрос о женском алкоголизме, который в то время развивался весьма стремительно. Женская алкоголизация порождалась целым спектром социально-экономических и культурных аспектов, в свою очередь, оказывая отрицательное влияние на различные сферы жизни общества.

Увеличение спроса на крепкие напитки в конце XIX - начале XX в. связывалось с ростом количества регулярных потребителей спиртного, чему во многом способствовало развитие капитализма. По мнению исследователей, участие женщин в потреблении спиртных напитков зависело от господствовавших в окружающей их среде взглядов. Так, в юго-западных, малороссийских, а отчасти в северо-западных губерниях, где крестьянская женщина пользовалась большей самостоятельностью, потребление женщинами алкоголя было обычным явлением. А в великорусских губерниях крестьянка являлась практически бесправной, в том числе и в потреблении спиртных напитков. В то время как для мужской половины деревни распитие водки являлось гражданским долгом, то потребление алкоголя женщинами строго каралось общественным мнением[6. С. 223].

Женщина наравне с мужчиной несла всю тяжесть страдной поры, а, кроме того, выполняла нелегкие работы

по дому, но к вину доступа не получала. Как считал исследователь этой проблемы В. К. Дмитриев, она должна была испытывать стремление к какому-нибудь наркотику, который бы заглушил тягостное чувство переутомления и хотя бы на время приподнял угнетенное, вследствие чрезмерного истощения организма, самочувствие. Но если бы даже великорусская крестьянка пренебрегла общественным мнением, то она все равно была лишена возможности удовлетворить свои потребности, так как все деньги и продукты находились под контролем мужчины[6. С. 224].

В конце XIX века в связи с экономическим кризисом сотни тысяч женщин, проживавших в земледельческом районе, порвали с родным домом и ушли в поисках работы в города и крупные центры найма. Так возник новый обширный класс потребителей алкоголя. Им стали эмансипированные крестьянки. Освободившись от домашней опеки, получив возможность по личному усмотрению распоряжаться заработанными деньгами, женщины далеко не всегда проявляли достаточную воздержанность в спиртных напитках и многие со временем становились регулярными потребителями алкоголя.

Следует отметить, что случаи злоупотребления алкоголем женщинами-работницами чаще всего были вызваны давлением со стороны: при найме – чтобы заставить согласиться на худшие условия, во время работы – чтобы вынудить уставших работниц на сверхурочную работу, но чаще всего спаивание преследовало безнравственные цели[6. С. 224].

Потребление спиртных напитков женщинами в конце XIX – начале XX века укладывается в схему, предложенную С. Первушиным, который, исходя из классификации потребностей человека на материальные, духовные и бытовые, предложил выделить три разновидности массового алкоголизма. Во-первых, буржуазно - столовый алко-

лизм, потребление алкоголя как обычного продукта питания. Во-вторых, алкоголизм, вытекающий из недовольства собой или окружающим миром, когда спиртные напитки выступают в роли наркотиков. В-третьих, обрядово-бытовой алкоголизм, потребление алкогольных напитков по заведенному порядку, традиции, унаследованной от предков.

Буржуазно-столовый алкоголизм был более всего характерен для зажиточных слоев. Алкоголизм второго рода порождался жизненной неудовлетворенностью. С. Первущин назвал его социальным. У обездоленных классов причиной его развития выступала социальная необеспеченность, неуверенность в завтрашнем дне. [9. С. 85].

Массовая культура потребления алкоголя женщинами ничем особенным не выделялась. Особенно явно она зависела от материального и социального статуса. На низших ступенях общественной лестницы последствия пьянства были особенно устрашающи. Таких примеров довольно много. Так, в Нижнем Новгороде на улице Миллионной, которая и до винной монополии имела дурную славу вследствие большого количества трактиров и гостиниц низшего сорта, с введением казенной продажи все безобразие, творившееся в этих заведениях, вышло наружу. Босяки и не имевший занятий люд обоего пола был вытеснен из насиженных мест. Всякий, проходивший по ней, видел толпу пьяных, расположившихся вдоль улицы в районе казенной винной лавки. Целыми рядами там сидели торговки, вместе с закусками предлагая стаканчики[2. Л. 446 - 447].

Преобладающей чертой крестьянского алкоголизма являлась его тесная связь с обрядом. Крепкие напитки употреблялись по самым различным поводам, будь то свадьба, похороны, крещение ребенка, проводы в армию, престольный праздник и т.п. Существовало множество народных традиций. Вот пример, описывающий одну из них: «В сен-

тябре заготавливали капусту... Это была веселая работа, тем более что к завтраку, обеду и ужину подавали водку, пить полагалось неограниченно...Капустница шла дней пять – шесть»[7. С. 169].

В конце XIX – начале XX в. женщины принимали заметное участие в нелегальном производстве и торговле крепкими напитками. Тайная продажа вина нередко организовывалась вдовой или солдаткой. Посетителям смело предлагалась водка и закуска – такого рода шинки походили на маленькие трактиры. Многие шинкарки, помимо водки, продавали и себя[4].

Так, рука об руку с алкоголизмом шла проституция. По мнению современников, начало XX в. отличалось падением нравственности у населения и особенно у женщин. Как в городе, так и в деревне законный брак стал непрочен. Часто его заключали по обычаю. Супруги изменяли друг другу и нередко после этого страдали от венерических заболеваний[3. Л. 4 - 63].

В конце XIX в. было зарегистрировано резкое увеличение заболеваний, передававшихся половым путем. По расчету на 10 тыс. чел. в 1888 г. заболело 12.7 чел., в 1890 – 15.7, в 1892 – 16.2, в 1894 – 20 чел. Женщины стремились скрыть наличие недуга, но возросла доля лиц, у которых болезнь обнаруживалась при прохождении обязательного медицинского освидетельствования, а также повысилось количество случаев заражений у мужчин. И то, и другое свидетельствовало о распространении проституции[6. С. 225].

Огромный урон пьянство наносило психическому и физическому здоровью населения. По данным Медицинского департамента за 1883 - 1892 гг., в России умерло от отравления алкоголем 10 855 чел., а от белой горячки, в больницах и вне их, лечились 217 тыс. чел. Отчеты русских психиатрических заведений показывают, что пьянство яв-

лялось причиной смерти у 12% мужчин и 6,3% женщин[8. С. 441 - 442].

Кроме смертей от опоя на долю алкоголиков выпадало еще и немало несчастных случаев. В период с 1870 по 1887 гг. погибло 363.1 тыс. чел. Из них от отравления алкоголем умерли 85.2 тыс., утонули – 124 тыс., были убиты – 51.2 тыс., покончили жизнь самоубийством – 36 тыс. Доля умерших от употребления спиртных напитков соответствовала 23.5 % от общей суммы случайных смертей. Больше людей (34.2 %) гибло только на водоемах. При этом следует учесть, что многие утонувшие, замерзшие, а также самоубийцы и убийцы могли находиться в состоянии опьянения[8. С. 441].

Алкоголизм сопутствовал психическим заболеваниям. При переписи душевнобольных в Московской губернии в 1893 г. оказалось, что спиртными напитками злоупотребляли из 777 мужчин 506 (65.5 %), а из 466 женщин – 96 (20.6 %). В 1901 г. в психиатрической больнице имени св. Николая Чудотворца в Санкт-Петербурге алкоголизм, как одна из причин душевного расстройства, был отмечен у 51.7 % мужчин и 20.8 % женщин. В клинике проф. В.М. Бехтерева в 1893-1898 гг. лечилось 303 человека, из них 62 (20.4 %) были пьяницами[1. С. 51 - 52].

Особенностью преступности конца XIX – начала XX в. было увеличение доли правонарушений со стороны женщин. По сравнению с 1884-1889 гг., в 1889-1893 гг. мужская преступность увеличилась на 10 %, а женская на 25 %. Так, количество преступлений, совершенных женщинами против собственности, возросло на 14,7 %, против общественной нравственности на 48,0 %, убийств на 6,3 % и случаев нанесения телесных повреждений – на 67 %[10. С. 54 - 65]. Этот процесс прямо соотносится с быстрым ростом женского алкоголизма в конце XIX – начале XX в.

Необходимо отметить, что доля преступлений, совершенных несовершеннолетними в нетрезвом виде, была значительно ниже. В то же время алкоголизация также располагала детей и подростков к различным проступкам. Например, в 1908 г. в г. Москве было задержано 439 малолетних правонарушителей, 84 из которых были пьяны (19 %). Наибольшая часть нарушений закона несовершеннолетними в состоянии алкогольного опьянения приходилась на 16-17 - летний возраст, что можно связать с получением молодыми людьми самостоятельности и влиянием дурного окружения. Количество правонарушений со стороны девочек, находившихся в пьяном виде, было значительно ниже. Так, в 1908 - 1909 гг. в Москве было задержано всего 7 таких преступниц. Примерно половина злодеяний в состоянии опьянения совершалась в группе, а 40 % из них совместно со взрослыми[5. С. 7 -10].

Таким образом, основными причинами алкоголизации населения были тяжелые социально-экономические условия, утрата патриархальных ценностей, развитие капиталистических отношений. Все это ярко проявилось в конце XIX – начале XX в. и заметно отразилось на женском быте. Регулярное потребление крепких напитков приводило человека, независимо от его половой принадлежности, к алкоголизму, а во многих случаях к разрушению личности. Особенностью конца XIX – начала XX в. стал рост женского пьянства, который привел к росту преступности, падению нравственности и моральных ценностей.

Библиографический список

- 1.Алкоголизм и борьба с ним [Текст] / под ред. М.Н. Нижегородцева.- СПб., 1909.
- 2.Государственный архив Нижегородской области (ГАО).- Ф. 63. – Оп.268/1.- Д. 149.

3. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО).- Ф.582.- Оп. 1.- Д.1172.

4. Деревенское зло [Текст] // Нижегородская земская газета. – Н.-Новгород, 1913. - 14 ноября.

5. Диомидов, И.М. Алкоголизм, как фактор преступности несовершеннолетних [Текст] / И. М. Диомидов. - М., 1912.

6. Дмитриев, В. К. Критические исследования о потреблении алкоголя в России [Текст] / В. К. Дмитриев. - М., 2001.

7. Дмитриев, С.В. Воспоминания [Текст] / С. В. Дмитриев. – Ярославль, 1999.

8. Коровин, А. Н. Движение трезвости в России [Текст] / А. Н. Коровин // Труды комиссии по вопросу об алкоголизме и мерах борьбы с ним. - СПб., 1908.

9. Первушин, С. Опыт теории массового алкоголизма в связи с теорией потребностей [Текст] / С. Первушин. - СПб., 1912.

10. Сикорский, И.А. О влиянии спиртных напитков на здоровье и нравственность населения России [Текст] / И. А. Сикорский. - Киев, 1899.

© М.Н. Иванов (ЯГПУ)

**Архетипы русской истории периода
первой мировой войны**

В истории России периода Первой мировой войны до сих пор остается немало слабо разработанных научных проблем. Последнее десятилетие идеи постмодернизма оказывают всё большее влияние на тематику исторических исследований. Внимание ученых привлекает ментальность людей той эпохи. Поскольку объективное познание прошлого в полной мере невозможно, темами исследований становятся модели видения прошлого, его образы [4,5]. Первая мировая война характеризовалась формированием таких образов. Задачей статьи стала систематизация архетипов народного сознания, востребованных официальной пропагандой при создании образов «врага-немца», «русского солдата», «царя», «Родины».

Военная пропаганда в России конструировала названные выше образы при помощи агитационных плакатов и листовок, сообщений о зверствах противника и подвигах русских солдат, успешных военных операциях. Она также объясняла политические, экономические и культурные цели России в войне.

Еще до первых сражений было ясно, что победа невозможна без мобилизации внутренних сил народа. Каким образом духовная, затаенная в мирное время энергия могла быть активизирована? Такое воодушевление могло состояться посредством обращения к символам, легендам и мифам, которые представляли собой сочетание реальных фактов и вымысла, подлинных событий и пропагандистских штампов.

В годы Первой мировой войны происходит апелляция к мифологическим духовным символам, включение глубинных архетипов, т.е. воздействие на более глубокий слой бессознательного, где дремлют общечеловеческие, изначальные образы [8.С.105].

Одним из них, активно используемых русской пропагандой, стал архетип Великой Матери, взращенный устным народным творчеством, воплощенный в военных плакатах. Иллюстрируя мифологические духовные символы, плакат

апеллировал к глубинному мироощущению человека на мистическом и подсознательном уровнях. Так, Родина представляла в образе обожествленной Земли-Матери (Матери-Природы). Это первый из трех аспектов символических значений образа «Матери» [7.С.316]. В народном сознании победа защитников матери была несомненна, поскольку в бой всегда вступала сама Земля и останавливала врага. Суровые зимы трактовались народным сознанием как проявление воли родной земли, сопротивляющейся захватчикам. Следующий символический аспект Матери – Священная Мать, личная святыня каждого солдата, воплощением которой стала православная вера. Русский воин представлял не только защитником Родины, но и служителем православия.

Наконец, третий, символический аспект архетипа Матери: Мать – источник, исходная форма, основа, символ начала.

Пропаганда удачно соединяла эти аспекты. Так, изображение женщины в русском национальном костюме с мечом и щитом стало собирательным образом России, русской культуры и женщин, благословляющих на подвиг и одновременно нуждающихся в защите.

С теми же мобилизующими целями были востребованы и образы фольклора, распространение которого наблюдалась во время этой войны, о чем позволяют судить сборники исторических песен.

Наша матушка Россия
Всему миру голова.
Не журился, царь великий,
Мы Россию не дадим.
[1.С.420. №318].

Также известна штыковая песня «За Русь и за народ», появившаяся в 1916 г. во время наступления генерала А. Брусилова для воодушевления солдат перед атакой.

В штыки, ребята, смело,

В штыки ступай вперед,
За правое стой дело,
За Русь и за народ.
За правое стой дело,
Иди, врага не трусь!
Вперед, ребята, смело
За матушку, за Русь
[1. С.430. №328].

Для создания образов использовались и гендерные символы: мужественный русский воин; трусливый, женоподобный немецкий солдат; верные, любящие русские жены и жестокие, изменяющие немки. Оппозиция «мужское – женское» стала одной из основ для создания пропагандистских образов. Выделим несколько основных аспектов, использовавшихся при их конструировании.

Маскулинность мужчин и феминность женщин. Быть «настоящим» мужчиной означало быть воином. Женской природе, наоборот, присуща миролюбивость. Следовательно, если мужчина проявляет пацифистские настроения, он – не мужчина!

И в письменной, и в наглядной пропаганде времен Первой мировой войны изображались страдания женщин. Это еще один эффективный способ апелляции к гендерной идентичности «своих» мужчин, к их роли защитника. Часто в рамках этого сюжета создавались картины бесчестия или насилия, которым женщины подвергались со стороны врага-мужчины.

Образ женщины, будучи соединенным с образом Родины, символизировал то привычное место, куда солдат возвращается после боев. В связи с этим исключительное значение приобретал образ подруги, жены, а соответственно, одной из задач контрпропаганды становилась попытка посеять сомнения у вражеских солдат в надежности тыла.

Женщины служили воплощением чувств сострадания и жалости, которые нация испытывает по отношению к павшим и раненым на поле боя. Часто реальным воплощением такого образа женщины были сестры Красного Креста. Подтверждением жестокости врага служили примеры отказа в медицинской помощи пленным.

Женщины выступали в качестве награды, которую получают лишь настоящие мужчины. В пропагандистских сюжетах они любят лишь тех солдат, которые хорошо воюют, подтверждая тем самым их мужественность.

С другой стороны, женщины ставят под сомнение мужественность тех мужчин, которые не принимают участия в войне или ведут себя недостойно.

Другой вариант подобных апелляций к мужской идентичности использовал идею мужского братства; мужчины призывали адресата мобилизационной пропаганды стать «нормальным», таким, «как все», присоединившись к армии.

При конструировании образов «русского солдата» и его «противников» одним из основных критериев стало противопоставление: защитник – нападающий, храбрый – трусливый, честный – коварный, верный – изменяющий, милосердный – жестокий, культурный – дикий. Если образ «своего» солдата отличается целостностью, то в образе «врага» наблюдается двойственность. С одной стороны, он жестокий и агрессивный солдат, с другой – трус.

В русской пропаганде германцы назывались не только «гуннами», но и тевтонами. В мифе о втором тевтонском нашествии происходила апелляция к глубинным архетипам народной памяти. Как в XIII в., так и в веке XX русская культура, православная вера и свобода народа снова подверглись опасности со стороны «латинян». В статье «Тевтонское бешенство» читаем: «Гунны и татары жгли и уничтожали все на своем пути, и молва о их зверствах шла перед ними, вселяя панический ужас на своем пути, заранее пара-

лизуя всякую попытку сопротивления бешеному натиску зверей в человеческом облике.

Роль кровожадного Атиллы увлекает психически ненормального человека, зажегшего пожар европейской войны. Почему-то прусскому королю все еще кажется, что с Россией ничего не стоит справиться, лишь бы ее предварительно запугать. Преступный безумец, которого проклинает сейчас вся Европа, тщится нагнать на нас, русских, страх систематическим проявлением пресловутого *furor tevtonicus* (бешенства), который не только не способен никого в России запугать, но, напротив, приводит всех в негодование, вызывает презрение к Германии и возбуждает в русском солдатском сердце представление о немце, как о недостойном трусе, расстреливающем мирных граждан, грабящем и поджигающем незащищенные, не оказывающие сопротивления селения... призывая все культурные народы ополчиться против «варварской» России» [9.С.707].

Пропаганда всегда соединяла образ «солдата» с образом «вождя нации», а культ вождя был подобен культу героя – первопредка, покровителя рода у славян и германцев. В статье «Война народов» читаем: «В глубоком сознании всей важности предстоящего нам священного подвига мы смирением и мольбой к Всевышнему принимаем брошенный нам вызов врага. Наш Державный Обожаемый Вождь уже сказал Свое слово. В стальную щетину одевается Россия! Наши войска, наши братья идут навстречу врагу, и наши сердца с ними, наши руки протянуты к ним» [10.С.694]. Черты вождя характеризовали его народ, поэтому русская военная пропаганда проводила параллели между коварством Вильгельма II и немецким народом, между стремлением Николая II предотвратить войну и миролюбием русских.

Другая символическая закономерность - соединение образов (архетипов) Земли-Матери и героя-первопредка

(призывы «За Родину! За царя!»). Следующий пропагандистский прием - символическое изображение стран в образе человека. Воплощение России в образе женщины в национальном костюме. Необходимыми атрибутами были меч и щит, двуглавый орел (изображаемый чаще всего на щите), православный крест и голубь – символ миролюбия. Вильгельм II стал основным олицетворением Германии. Во всех пропагандистских сюжетах подчеркивается его руководящая роль в отношениях с союзными Германии странами. Польша изображалась жертвой немецкой жестокости.

Осмысление Первой мировой войны широкими слоями русской общественности было невозможно без формирования в народном сознании приведенных выше символических образов.

Библиографический список

1. Азбелев, С.Н. Исторические песни [Текст] / С.Н. Азбелев. – Тверь, 2001. – 352 с.
2. Андреева, В. Энциклопедия символов, знаков, эмблем [Текст] / В. Андреева, В. Куклев, А. Ровнер. – М., 1999. – 576 с.
3. Рябов, О.В. Поляки и русские в идентификационных стратегиях российской пропаганды Первой мировой войны [Электронный ресурс] / www.ivanovo.ac.ru/alumni/olegria/poles_and_russians.htm.
4. Сенявская, Е.С. Героические символы: реальность и мифология войны [Текст] / Е.С. Сенявская // Отечественная история. – 1995. - №5. – С. 35-40.
5. Сенявская, Е.С. «Образ врага» в сознании участников Первой мировой войны [Текст] / Е.С. Сенявская // Вопросы истории. – 1997. - №3. – С.18-24.
6. Сенявская, Е.С. Человек на войне: Историко – психологический очерк [Текст] / Е.С. Сенявская // Отечественная история. – 1995. - №3. – С. 7-15.

7. Токарев, С.А. Мифы народов мира. Энциклопедия [Текст]: в 2 т. / С. Токарев. – М., 1980. - Т.1. А-К. - 672 с.

8. Юнг, К.Г. Собрание сочинений. Психология бессознательного [Текст]/ Карл Юнг ; перевод с нем. В.М. Бакусева, А.В. Кричевского. – М., 1994. – 320 с.

9. Тевтонское бешенство [Текст] // Ярославские епархиальные ведомости. – Ярославль, 1914. - №34. – С. 707.

10. Война народов [Текст] // Ярославские епархиальные ведомости. – Ярославль, 1914. – №34. – С. 694.

© О. В. Ольнева (ЯРИПК)

Газета «Голос» как источник повседневной жизни Ярославля в 1917 г.

Переломные эпохи всегда привлекали внимание исследователей. Тема повседневной жизни Ярославля и ярославцев периода Февральской революции также вызывает большой интерес. При обращении к ней возникают вопросы: каким образом обстановка революции повлияла на повседневный быт и мораль жителей провинциального города и как, в свою очередь, изменения в быту и морали отразились на поведении городского обывателя.

Фактически любой документ, созданный в изучаемую эпоху, несет в себе ту или иную информацию о повседневной жизни людей того времени. Законодательные акты, различного рода нормативные документы - очень важный источник, поскольку они формируют нормы повседневной жизни, но в их освещении она предстает такой, какой должна была быть, а не той, какой была на самом деле. Здесь на помощь приходят внутренняя документация и служебная переписка центральных и местных органов власти.

При изучении истории повседневности на первое место выступают источники личного происхождения. Но “история повседневности чаще всего имеет дело с людьми, которые если и оставили после себя источники в обычном понимании этого термина, то очень мало. Редко можно обнаружить письма или другие материалы личного происхождения, намеренно передаваемые из поколения в поколение” [1, 89].

В отделе рукописей Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге нам удалось найти подборку писем Н.П. Дружинина, редактировавшего крупнейшую в Ярославле газету “Голос” в 1917 г. [2]. К сожалению, в них больше содержится информации о политической ситуации в городе, чем о бытовых деталях. Не удалось нам найти и дневниковых записей ярославцев – современников революции. Единственное исключение – это дневник уроженца Рыбинска поручика А. Лютера, но и он больше пишет о положении российского офицерства в дни революции, нежели о родном городе [3]. Немногим лучше обстоит дело и с мемуарами. Несколько лет назад были опубликованы интереснейшие воспоминания С.В. Дмитриева о дореволюционном Ярославле [4] и В.Л. Орлова о Любиме [5]. Они содержат множество ярких бытовых деталей, но события 1917 года авторами совершенно не затрагиваются. Почти пятьдесят лет назад был издан сборник воспоминаний участников революции в Ярославле [6]. Но редакторская правка сделала их до крайности тенденциозными и однообразными. Так можно было написать о любом городе, ярославские реалии здесь абсолютно не просматриваются.

Ограниченные возможности источников личного происхождения в значительной степени восполняются материалами периодической печати. Можно сказать, что газеты представляют собой коллективный дневник городской жизни, очень подробный, фиксирующий день за днем. Это

во многих случаях делает их источником первостепенной важности. В книге И.Б. Нарского «Жизнь в катастрофе»[7] в главе «Неизвестная революция: 1917 год глазами обывателя» из 268 сносок 241 дана на газеты. Это доказывает, что характер источников примерно одинаков применительно к любому региону. В то же время следует согласиться с автором в том, что газетный материал до сих пор явно недооценен историками[7,28]. Разумеется, все, кто занимался историей революционного движения в Ярославском крае, не обходили вниманием и газеты. Но, как правило, исследователи искали в газетах политическую информацию, а рубрика “Местная жизнь” просматривалась постольку-поскольку. Это можно понять – сложно искать что-то важное среди бесконечных заметок о задержанных на улицах пьяницах или утерянных документах. Между тем, для историка повседневности эти, на первый взгляд, мало значащие детали и есть составляющие общей картины. Доказательством этому могут служить частные рекламные объявления, в процессе исследования которых появляется возможность составить более полное представление об изучаемом источнике: его читателях, возможных целях и задачах, а также дополнить (иллюстрировать) представление об особенностях мировоззрения человека того времени[8].

Газетная информация вполне репрезентативна. В провинциальных городах, где не происходило событий общегосударственного значения, газеты, для того, чтобы привлечь читателя, фиксировали любую сенсацию местного масштаба. К тому же, в 1917 г. уже не существовало прежней цензуры и не успела появиться цензура новая, постепенно утвердившаяся после прихода к власти большевиков. По большей части сведения, сообщаемые газетами, можно считать достоверными. Это диктовалось обстановкой жесткой конкуренции на рынке местной прессы. Газета, позво-

лившая напечатать откровенную выдумку, мгновенно стала бы объектом критики других органов печати. В такой ситуации немногие бы решились рисковать авторитетом, а значит подписчиками.

В Ярославской губернии в 1917 г. выходило свыше двух десятков газет. Около десятка газет издавалось в самом Ярославле. Это, прежде всего, “Голос”, “Ярославская мысль”, “Свободное слово”. К традиционным изданиям в дни революции добавились “Известия Ярославского исполнительного комитета”, “Труд и борьба” – орган Совета рабочих и солдатских депутатов (с приходом большевиков она сменила название на “Власть труда”). Политические пристрастия редакций мало отражались на освещении местной жизни.

Ярославская губернская газета «Голос» была самой популярной и многотиражной, издавалась с 19 февраля (4 марта по новому стилю) 1909 г. Издателем и редактором газеты был бывший земский деятель Константин Федорович Некрасов (до 1912 г.), а соредактором – Николай Петрович Дружинин, юрист – популяризатор, автор многих книг и журналист, печатавшийся во многих местных и столичных изданиях. По своим политическим симпатиям редакция газеты была близка к кадетам. В 1910 г. несколько номеров газеты было посвящено кончине Льва Толстого, в одном из номеров была напечатана статья Толстого «Два закона» - за что редакция была оштрафована на 300 р. Откликнулся ярославский «Голос» и на дело Бейлиса, что также не осталось незамеченным. С. Каныгин, редактор номера, в котором была опубликована статья «На средневековом процессе», был оштрафован на 500 р. Нелояльность газеты, безусловно, создавала дополнительные сложности для издателей и редакции, но одновременно поднимала ее авторитет в обществе и способствовала росту ее популярности.

Знакомство с газетой позволяет утверждать, что она откликнулась на все значительные события местной жизни, освещала разные стороны жизни страны, помещала зарубежную информацию.

Примером могут служить сообщения о событиях, которыми жил город в последние недели перед крушением российской монархии: состоялся концерт в помощь раненым и увечным воинам; в окрестностях Ярославля прошла лыжная гонка, организованная Лигой зимнего спорта. На Угличской улице в доме Михайлова показывали “живое чудо природы” - великана Тимофея Бакулина ростом в три аршина и пять с половиной вершков (почти 2 м. 30 см.). Там же можно было увидеть девушку 19 лет, весившую 13 пуд. 18 ф. (220 кг!), которая, несмотря на это, демонстрировала “поразительную красоту” [9. 8 февраля]. Еще одно объявление, которое теперь можно считать символичным: 26 февраля 1917 г. в Волковском театре заезжая труппа давала оперу Глинки “Жизнь за царя” [9. 23 февраля], а через три дня царя в России уже не было.

Первые известия о революции поступили в Ярославль днем 28 февраля. Утром следующего дня об этом знал уже весь город. Атмосферу тех дней могут передать следующие публикации: “Глаза наши искрятся радостью и счастьем, голоса прерываются от волнения. - Как хорошо! Как хорошо! Лучше Пасхи! - Много лучше, Пасха каждый год, а такого дня не было никогда... Я думаю, теперь двадцать военных займов пойдет без труда, успевай выпускать, народ все возьмет, и картин раскрашенных не надо вешать. Скажи только новое правительство: на войну деньги нужны, народ и выручит. Неси, кто сколько сможет. Засыплем с головой”.

Радость, кружившая головы, рождала планы в духе фантастических утопий: “Боже мой, дух занимает от счастья. Как хорошо жить будем! Школы построим,

откроем народные университеты... Крестьяне будут работать машинами, не все руками ворочать... Пришел великий творческий момент нашей истории! Народ поднял себя! Народ творит волю свою!”[9. 8 марта].

Под рубриками «Ярославская жизнь», «Областной отдел», «Внутренние известия», «Рыбинская хроника», «Вечерняя почта», «От наших собственных корреспондентов» публиковались материалы на самые разные темы, газета уделяла внимание положению с продовольствием, условиям труда рабочих и другим социальным проблемам общества.

Продовольственная проблема остро встала перед Россией еще за год-полтора до революции. В ноябре 1916 г. крупнейшие ярославские мельницы перестали отпускать продукцию из-за полного истощения запасов. Угроза голода стала вполне реальной. 3 марта 1917 г., когда повсюду праздновалось “пришествие свободы”, губернская земская управа поместила в газетах объявление, в котором опровергались слухи о нехватке продовольствия. “В Уфимской, Тобольской, Пензенской и Таврической губерниях погружена и отправлено в Ярославль 411 тыс. пуд. пшеницы и ржи. С открытием навигации по Волге положение еще улучшится”[9.3 марта]. Эти слова должны были звучать успокаивающе, но само упоминание о продовольственных трудностях на фоне атмосферы всеобщей эйфории выглядело “ложкой дегтя”. Первый случай продовольственных волнений в Ярославле зафиксирован 19 июня 1917 г. В этот день у здания Совета рабочих депутатов собралась толпа женщин. Все было обставлено как настоящий митинг, у собравшихся с собой был даже плакат с надписью: “Товарищи! Рабочий народ пришел к вам с просьбой о хлебе и сахаре!” Женщины были очень возбуждены и кричали, что Совет только деньги получает, а о людях не заботится. Разошлась толпа лишь с наступлением темноты[9. 20 июня]. Новая вспышка волнений произошла 15 июля. Причиной

его стала выдача по карточкам непросеянной муки низкого качества. Толпа женщин явилась в продовольственный комитет и потребовала, чтобы к ним вышел председатель комитета А.С. Крючков. Волнения прекратились только после появления милицейского наряда[9. 19 июля]. В августе продовольственные выступления фиксируются газетными сводками уже еженедельно.

Немало места уделяла газета проблемам культуры, истории родного края, уважения к памятникам культуры, символам и местам исторической памяти. Так, например, 18 апреля 1917 г. (1 мая) в Ярославле, как и в других городах, прошли многочисленные митинги и демонстрации. Толпа, разгоряченная речами и общей атмосферой происходящего, стала срывать со зданий "символы презренного рабства". Над конторой литейного завода Оловянишникова был установлен фирменный знак - массивный колокол, увенчанный двуглавым орлом. Первым на землю полетел орел, а вслед за ним настала очередь и колокола, на котором тоже разглядели прежний герб[9. 20 апреля]. В тот же день неизвестными была предпринята попытка сбросить двуглавого орла, венчавшего памятник Демидову. В этой связи общество защиты памятников искусства вынуждено было через газеты обратиться с разъяснением о том, что орел в данном случае символизирует не монархию, но Россию - покровительницу науки[9. 7 мая]. Реакцией на распространение в разговорной речи нецензурной лексики, которая перестала восприниматься как нечто табуированное, в середине апреля была публикация следующего обращения за подписью Культурно-просветительной комиссии. В нем говорилось: "Свободные граждане, товарищи-рабочие! Среди взрослых и детей очень развито сквернословие. Рабовладельцы изобрели ругань для рабов, а рабы совершенствовались в ней из удали и бахвальства, подражая господам. Теперь нет ни господ, ни рабов и все мы свободные граждане. Что было нетерпимо

даже прежде, при общем рабстве, при некультурности и забитости, то позорно для свободных граждан. Долой же позорящее нас сквернословие, долой скверные надписи с заборов!” [9. 12 апреля]. Отметим здесь оригинальную, и вполне в духе революции, трактовку происхождения нецензурных слов. Публикацию таких обращений в газетах можно считать свидетельством остроты проблемы.

В газете можно найти уличные зарисовки, иллюстрирующие то, как простые обыватели пытались приспособить непонятные иностранные термины к старым привычным понятиям. “Оратор” в этом случае превращался в “орателя” (“уж кричит-кричит, верное ему имя дали – оратель”), “аграрное движение” – в “ограбное”, Учредительное собрание в “чередительное” (“чтобы порешить все чередом”)[9. 1 июня]. Следующий же фрагмент подслушанного разговора без дополнительной расшифровки понять решительно невозможно: “А про войну все повторял – не надо нам, говорит, Аксиньи. От Аксиньи, мол, война будет. - Какая же это Аксинья такая? – А Бог ее знает какая, только нам от нее, говорит, большой вред произойдет... Что за такая вредная, от одной бабы и опять война”[9. 1 июня]. А речь шла об “аннексии” – любимой теме ораторов, выступавших против войны.

Газетная информация обладает одним очевидным недостатком – она сложно поддается статистическому обобщению. В этом случае на помощь приходят многочисленные справочники, издававшиеся как до, так и после революции.

Библиографический список

1. Людтке, А. Что такое история повседневности? Ее достижения и перспективы в Германии [Текст] / А.Людтке //Социальная история: ежегодник 1998/99. – М., 1999. - С.89.

2. ОР ГНБ. - Ф. 266.

3. Лютер, А. Дневник офицера [Текст] / А. Лютер // Памятники Отечества. – Ярославль, 1992.- № 25. - С. 149 - 163.

4. Дмитриев, С.В. Воспоминания [Текст] /С.В.Дмитриев. – Ярославль, 1999. - 392 с.

5. Орлов, В.Л. Старый Любим и вся Россия [Текст]/В.Л.Орлов. – Ярославль, 2000. - 416 с.

6. Воспоминания ветеранов Октября [Текст]. – Ярославль, 1957. - 116 с.

7. Нарский, И. Жизнь в катастрофе. Будни населения Урала в 1917 - 1922 гг. [Текст] /Игорь Нарский. – М., 2001. - 632 с.

8. Арышева, Г. А. Газетная реклама как исторический источник (по материалам томских газет второй половины XIX века) [Текст] /Г.А.Арышева // Актуальные вопросы Сибири. - Томск, 2005. - С. 53-54.

9. Голос: газета.- Ярославль, 1917.

© М.В. Александрова (ЯГПУ)

Принципы и методы советской жилищной политики 1917 – 1932 гг. (по материалам Ярославля)

Отечественный опыт проведения реформ в жилищной сфере все чаще привлекает современных историков, политиков, экономистов. Особую актуальность приобретает исследование жилищной политики первых лет советской власти, изменившей основы российского градостроения. Жилищная политика советского правительства кардинально отличалась от дореволюционной. Основными ее принципами стали:

- 1) государственная собственность на жилье;
- 2) справедливое распределение жилого фонда между трудящимися;
- 3) обеспечение жильем всего населения;

4) переход жилища из сферы частной жизни под контроль государства;

5) включение жилья в систему институтов воспитания граждан.

В основе первых мероприятий большевиков по решению жилищного вопроса лежал передел уже существовавшего жилого фонда, возможный только в условиях его национализации. Согласно декрету «Об отмене частной собственности на недвижимость в городах», изданному в августе 1918 г., муниципализации подлежали все владения, стоимость которых превышала установленную местными органами власти норму [1]. В Ярославле такая норма составляла 9 тыс. р. в ценах 1914 г., допуская сохранение в частной собственности небольших, как правило, деревянных строений [2]. Анализ заявлений граждан о возвращении конфискованных владений показывает, что в ряде случаев главным основанием муниципализации становился дореволюционный статус домовладельца. Например, были муниципализированы владения купцов Лоханиных, купеческой вдовы Крашенинниковой, торговца Копенкина, не превышавшие по стоимости предписанной декретом нормы [3]. В целом, в 1918 г. 85% всей жилой площади Ярославля перешли в собственность города [4]. Для управления муниципализированным жилым фондом вводились институты квартирных комитетов, в обязанности которых входил сбор квартплаты, учет свободных помещений и вселение новых жильцов, осуществление мелкого ремонта зданий. Члены квартирных комитетов избирались из числа жильцов, при этом для бывших владельцев доступ к управлению муниципализированными домами был закрыт.

В условиях острого жилищного кризиса в Ярославле разворачивается кампания по «уплотнению» городского жилого фонда. С 1918 г. вводится единая норма жилплощади на человека – 9,1 м² [5]. Однако справедливое распреде-

ление жилого фонда не предполагало абсолютного равенства жилищных условий граждан. Привилегированными категориями населения становились рабочие и служащие, получавшие приоритет в предоставлении жилья, а также значительные льготы по его оплате. Правом на дополнительную жилплощадь и освобождение от «уплотнения» пользовались ответственные работники и привлекаемые на государственную службу специалисты - ученые, преподаватели, инженеры, врачи, агрономы [6]. По отношению к «социально-чуждым» элементам советская жилищная политика носила дискриминационный характер. В 1919 г. комиссия по выселению буржуазии из занимаемых ею помещений возобновила практику «реквизиций», предпринимавшихся с первых дней советской власти [7]. Лица, проживавшие в домах, закрепленных за предприятиями, и не имевшие отношения к этим предприятиям, также подлежали выселению без предоставления жилплощади [8]. Постановления Чрезвычайной жилищной комиссии, созданной в 1920 г., отражали стремление к максимальному «уплотнению» жилого фонда и вызывали многочисленные протесты населения. В одну комнату часто вселялось несколько семей, пространство частной жизни человека сокращалось до размеров одного спального места. В жилищной практике советского города появился феномен коммунальной квартиры.

Жилищный передел, сопровождавшийся постоянными переселениями и реквизициями помещений, привел к окончательному исчезновению хозяев жилья как лиц, заинтересованных в его сохранении. Жилой фонд остро нуждался в ремонте. Декрет о всеобщей бесплатности жилья в 1920 г. ликвидировал основной источник средств, использовавшихся на содержание зданий. В период нэпа для привлечения личных сбережений и персональной активности населения к ремонту и эксплуатации жилого фонда властью был предпринят ряд мероприятий, получивших в совре-

менной исследовательской литературе название «Новой жилищной политики» [9]. С 1921 г. разрешается частное строительство жилья и сделки с недвижимостью, происходит возврат к дифференцированной оплате жилья, изменяются формы управления домами.

В 1921 г. появился декрет о разгрузке местных Советов от распределения и эксплуатации жилья. Функции Жилищного отдела по выдаче ордеров на квартиры были ограничены рамками коммунального жилого фонда. При этом Коммуналдел сохранял право контроля за соблюдением установленных норм жилплощади во всех без исключения домах [10].

В интересах «бережного и хозяйственного отношения к жилью» с 1921 г. вновь вводилась квартирная плата для всех категорий населения. Величина платы ставилась в зависимость не только от качества жилья, но и от классового статуса жильцов, разделенных на категории. К первой категории были отнесены рабочие и служащие предприятий и учреждений, находящихся на государственном снабжении, учащиеся государственных учебных заведений и красноармейцы. Занимаемые ими помещения оплачивались за счет предприятий и учреждений. Вторая категория включала рабочих и служащих предприятий и организаций, перешедших на коммерческий расчет. Основная тяжесть расходов по содержанию жилого фонда ложилась на граждан, причисленных к третьей категории, - лиц свободных профессий, кустарей, торговцев, ремесленников, врачей. Размеры оплаты жилья и коммунальных услуг для этой категории в 10 раз превышали тарифы, установленные для рабочих и служащих [11]. Квартплата являлась дополнительным механизмом соблюдения гражданами установленной нормы жилплощади, сократившейся в этот период до 8 м² на человека [12]. «Излишки» жилой площади в зависимости от их величины оплачивались в двойном или пятикратном разме-

ре [13]. Вводившиеся тарифы оплаты жилья в условиях экономического кризиса были минимальными. В период с 1921 по 1926 гг. предпринимались ежегодные повышения квартплаты, но и они не позволяли покрывать затраты на амортизацию жилого фонда.

В конце 1921 г. выходит Декрет о демунICIPализации (приватизации) небольших, экономически неэффективных жилых зданий. В Ярославле, согласно постановлению местной власти, в частную собственность могли передаваться дома размером не более 3 квартир с общей площадью до 25 кв. саж. (115 м²). Возврат зданий бывшим владельцам осуществлялся на условиях полного ремонта в годичный срок. «Барские особняки», независимо от их размера, демунICIPализации не подлежали [14]. В марте 1922 г. приступила к работе комиссия по регистрации частновладельческих домов. Однако основная масса рассмотренных ею заявлений закрепляла статус уже существовавших на тот момент частных владений. Не зарегистрированные в указанный срок здания объявлялись бесхозными и переходили в ведение города. По итогам деятельности комиссии 22, 5% частных собственников не подали заявления на регистрацию [15]. Прошения о возвращении бывших владений подавали также граждане, чьи дома были в 1918 г. муниципализированы «без видимых причин», «ошибочно» [16]. К 1925 г. доля частного сектора в общем фонде жилплощади города по сравнению с 1918 г. увеличилась на 13% [17].

По отношению к муниципализированному фонду «Новая жилищная политика» предусматривала передачу тех зданий, которые не могли быть хозяйственно освоены силами Коммунального отдела, в аренду организациям или частным лицам. При этом на арендатора возлагались обязанности по ремонту и содержанию здания. Арендруемые помещения, как и частновладельческие дома, разрешалось

использовать и заселять по своему усмотрению при условии соблюдения установленных норм и предоставления 10% полезной площади в распоряжение Коммунального отдела [18]. Таким образом, появляется практика «самоуплотнений», при которых домовладельцы и квартиросъемщики, имевшие «излишки» площади, были обязаны «уплотниться», но могли самостоятельно подыскать жильцов из приемлемой для них социальной группы.

В целях содействия жилищному строительству Коммуноотдел поощрял застройку свободных городских участков частными лицами. Строения, предназначенные для жилья, в течение трех лет с момента возведения не облагались налогами и освобождались от передачи части жилплощади в коммунальный фонд [19]. При этом каждый проект на постройку зданий и занятие земельных участков предварительно утверждался в Технической комиссии в соответствии с генеральным планом города.

Согласно декрету «О жилищных товариществах», вышедшему в 1922 г., при предоставлении прав на застройку и сдачу домов в аренду рекомендовалось оказывать предпочтение коллективам жильцов. Однако по данным Всероссийской городской переписи 1923 г. практика создания подобных объединений не получила распространения ни в Ярославле, ни в губернии в целом [20]. В 1924 г. Постановлением «О жилищной кооперации» был намечен переход от жилищных товариществ к жилищным кооперативам, предусматривавшим традиционную систему паев. Предусматривалось создание трех форм жилищных кооперативов: жилищно-арендные кооперативные товарищества (ЖАКТы), рабочие жилищно-строительные кооперативные товарищества (РЖСК) и общегражданские жилищно-строительные кооперативные товарищества (ОЖСК). На поощрение жилищной кооперации был направлен целый комплекс экономических стимулов и пропагандистских мероприятий [21]. Особое внимание в агитаци-

онной кампании уделялось Вспольинскому району, особенно пострадавшему во время июльских событий 1918 г. [22].

За 1924 - 1925 гг. в Ярославле было создано 150 жилищно-кооперативных товариществ, силами жилищно-строительной кооперации построено 38 домов [23]. Комплекс деревянных домов ЖСК «Красный Химик», построенный в 1926 г. в районе ул. Рыбинской, вошел в программу визита делегации германских рабочих как образец достижений советского жилищного строительства [24]. В целях содействия жилищно-строительной кооперации Ярославским Губкоммуноотделом по инициативе К.И. Бугусова был объявлен всесоюзный конкурс на разработку типовых жилых домов. Итоги конкурса были положены в основу строительства экспериментального Бугусовского поселка, проект которого впоследствии получил развитие в застройке других кварталов Ярославля. В 1928 г. РЖСК ярославских специалистов «Вперед» начал строительство многоэтажного жилого комплекса в самом центре Ярославля - на углу улицы Советской и Народно-го переулка [25].

Параллельно с кооперативным жилищным строительством многоквартирные дома для рабочих возводились ярославскими предприятиями. При этом с середины 20-х гг. в жилищной политике происходит возвращение к революционным идеалам классовой однородности, государственной собственности, возобновляется пропаганда домов-коммун и коллективизации быта. В проектах рабочих поселков получает развитие идея связи жилых построек с системой общественного обслуживания. Реализацией этой идеи в Ярославле стал комплекс Резиноасбестового комбината, строительство которого было начато на проспекте Шмидта (ныне Ленина) в 1929 г.

1929 год стал переломным не только в политике государства в целом, но и в жилищной сфере. Необходимость мобилизации ресурсов для индустриализации и увеличение на-

селения городов привели к обострению жилищного кризиса. Чтобы получить свободу распоряжения жилищным фондом, возможность дальнейших «уплотнений» и усиления контроля над гражданами, власть переходит к огосударствлению жилищной политики. Сворачивание нэпа положило конец существованию многоукладной собственности и рынка жилья. В 1930 г. были расторгнуты частные договоры на аренду, в том числе и с ЖАКТами. Постановление ЦК ВКП (б) «О работе по перестройке быта», принятое 16 мая 1930 г., осуждало градостроительные идеи 20-х гг. об обобществлении быта и строительстве домов-коммун как «крайне необоснованные, полуфантастические, а потому чрезвычайно вредные» [26]. Созданный в 1931 г. Наркомат коммунального хозяйства закрепил централизацию управления в жилищно-коммунальной сфере. В 1932 г. вслед за постановлением «О перестройке литературно-художественных организаций» были образованы Всесоюзная Академия Архитектуры и Союз архитекторов СССР. На смену многообразию проектов и концепций социалистического жилищного строительства приходят единые, утвержденные «сверху» принципы градостроения.

Таким образом, в 1917 – 1932 гг. советская жилищная политика была направлена в основном на передел существующего жилого фонда, и лишь с середины 20-х гг. начинается переход к широкомасштабному жилищному строительству. Закрепляя привилегии «социально-близких» слоев населения, жилищная политика содействовала формированию новой социальной иерархии в советском обществе. При этом последствия Гражданской войны, отсутствие четкой программы жилищного строительства и первостепенность других задач на данном этапе приводили к тому, что власть вынуждена была адаптировать намеченный курс жилищной политики к условиям экономической и политической ситуации в стране.

Библиографический список

1. ГАЯО. – Ф. – Р-208. – О. 1. – Д. 4. – Л. 1.
2. Там же. – Д. 4. – Л. 90.
3. Там же. – Д. 47. – Л. 21, 87, 92.
4. Там же. – Д. 107. – Л. 18.
5. Там же. – Д. 4. – Л. 101.
6. ГАЯО. – Ф. – Р-1269. – О. 1. – Д. 20. – Л. 40.
7. ГАЯО. – Ф. – Р-180. – О. 1. – Д. 390. – Л. 380.
8. ГАЯО. – Ф. – Р-208. – О. 1. – Д. 63. – Л. 9, 10, 11; Д. 64. – Л. 2.
9. Меерович, М.Г. Очерки истории жилищной политики в СССР 1917-1941 гг. [Текст] / М.Г.Меерович. – Иркутск, 2003.
10. ГАЯО. – Ф. – Р-208. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 60.
11. ГАЯО. – Ф. – Р-1269. – Оп. 1. – Д. 20. – Л. 41.
12. Там же. – Л. 10.
13. Там же. – Л. 40.
14. Там же. – Ф. – Р-208. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 60.
15. Там же. – Ф. – Р-1269. – Оп. 1. – Д. 6. – Л. 101.
16. Там же. – Ф. – Р-208. – Оп. 1. – Д. 47. – Л. 19, 23, 68, 69, 87, 89, 97, 101.
17. Там же – Ф. – Р-548. – Оп. 2. – Д. 887. – Л. 461.
18. Там же. – Ф. – Р-208. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 60.
19. Там же. – Л. 65; Д. 215. – Л. 16
20. Там же. – Ф. – Р-548. – Оп. 2. – Д. 665. – ЛЛ. 1,11.
21. Там же. – Ф. – Р-1269 – Оп. 1. – Д. 85. – Л. 13; Д. 87. – Л. 19.
22. Там же. – Л. 10.
23. ГАЯО. – Д. 109. – Л. 57.
24. Ярославль социалистический. Очерки по истории города [Текст]. – Ярославль, 1960. – С. 149.
25. Сапрыкина, Н.С. Советская архитектура Ярославля: реальность и виртуальность [Текст] / Н.С. Сапрыкина. – Ярославль, 2006. – С. 48, 57.

© Н.А. Миронова (ЯГПУ)

Репрессии против медицинских работников в Советской России в начале 1920-х гг.

Обращаясь к теме высылки интеллигенции осенью 1922 г. и к истории «философского парохода», нельзя не заметить, что на его борту были не только представители художественной интеллигенции, но также 45 медицинских работников [1]. Среди них были как студенты-медики, так и научные сотрудники, профессора медицины и практикующие врачи. Волна репрессий (снятие с должности, административное преследование, помещение под домашний арест и др.) против работников медицины совпала с окончанием гражданской войны. С 1919 по 1922 гг. несколько сотен медицинских работников были высланы из Петрограда и Москвы в отдаленные районы (в Оренбург, Киргизию, Таджикистан), где зачастую свирепствовал голод. Почему представители именно этой профессии были одни из первых, на кого обрушился молот победителей? Тема противостояния интеллигенции и власти в 1920-е гг. неоднократно поднималась в исследовательской литературе, при этом медицинским работникам уделялось значительно меньше внимания.

Обвинения, которые предъявлялись врачам, можно разделить на две части. Первая – это общие упреки для всей, как художественной, так и технической, интеллигенции: упреки в саботаже, в отказе сотрудничать с советской властью, в стремлении к кастовости и замкнутости. Особо острым нападкам этого рода подверглась профессура медицинских институтов и академий. В начале 1920-х гг. многие профессора и студенты выступали за осуществление мечты прошлого века: полную автономию высшей школы, что шло

в разрез с намерениями советской власти. Историки неоднократно писали о сложном процессе взаимодействия университетов с советской властью, особенно в первые годы ее существования. Например, современный исследователь студенчества А.Марков говорит о специфике ситуации, которая сложилась в высшей школе после гражданской войны. Историк концентрирует внимание на внутренней ситуации в «новом» университете. С начала 20-х гг. государство вторглось на «политическое поле» университета и академии. В высшей школе государство наращивало повседневное присутствие и оттого влияло на конструирование новой студенческой идентичности. После открытия с 1919-1920 гг. в Петрограде первых рабочих факультетов высшая школа перерождалась [2].

Внутренний кризис еще более усугубился в августе 1921 г., когда СНК принял новый университетский устав, вводящий жесткие меры административного регулирования жизни высшей школы и студенческий набор по линии местных советских органов, Красной Армии, РКП(б), РКСМ и профсоюзов [3]. Появление первокурсников, разительно отличавшихся от студентов 1918 г., вызвало новую волну недовольства среди «старого» студенчества. В свою очередь, в советской пропаганде возник образ «старого профессора», составляющими которого стали контрреволюционность, консервативность, политическая близорукость и другие характеристики. Профессора медицины, медицинские работники и студенты-медики не остались в стороне. Например, в списке профессоров и преподавателей вузов и общественных деятелей Украины подробно описывается подобное «вредительство» некоторых из них, например В.Ц. Делярю, В.А. Рожановского, которые вели открытую агитацию против коммунистической партии и влияния ее на партийные структуры. В подстрекательстве к саботажу и забастовкам обвинялись Е.А. Мацева, Пичахчи. Особенно отмечались те,

которые обладали авторитетом в медицине и противостояли вмешательству советской власти в сферу собственной деятельности, подобно профессору Преображенскому из романа «Собачье сердце» М.А. Булгакова. Это доктора М. Грановский, Л.М. Горвиц-Власова, Н.И. Гуревич, В.И. Вагуна, А.М. Саморин, А.Ф. Дуван-Хаджи, В.А. Рожановский, профессора Медакадемии Д.Д. Крылов, П.Т.Бочкарев, И.Т. Титов. Некоторые медики были замечены в выступлениях против власти, распространении памфлетов, песен контрреволюционного содержания, например, В.А.Щедрин, Волоховский [4] и др.

В Ярославле после губернского съезда Советов в ноябре 1918 г. были созданы Ярославский губернский отдел здравоохранения, Ярославский городской уездный здравотдел, городские и уездные здравотделы соответствующих исполкомов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В 1920 г. начал свою работу первый губернский Дом санитарного просвещения. В этот период в области работали такие энтузиасты врачебного дела, как хирург Н.В. Соловьев, окулист А.Е. Верзин, невропатолог В.В. Лихачев, терапевт Г.И. Виллерт, причем далеко не все эти врачи поддерживали советскую власть. К 1925 г. в области были ликвидированы эпидемии инфекционных заболеваний, уменьшилась общая заболеваемость. С организацией глазной больницы в 1922 г. было положено начало построению специализированных лечебных заведений и одновременно начались масштабные чистки личного состава больниц. Например, только в первой половине 1924 г. из ярославских больниц было уволено более 24 медицинских работников [5], несколько лет сотрудничавших с советской властью. Среди них были и видные врачи: заведующие детским отделением А.В. Масленников, доктор В.В. Лихачев, врач С.А. Антонов. Репрессивное преследование обернулось не только увольнением, но и переводами на другие, более низкие

должности. Некоторым было рекомендовано «сделать соответствующее внушение». Среди обвинений, которые им предъявлялись, значимое место занимали обвинения в принадлежности к классовым врагам. Сестре милосердия А. Пономаревой, например, запрещалось работать в советской больнице, так как она «происходила из семьи торговцев», заведующий детским отделением А. Масленников обвинялся в «грубости общения», фельдшер З.Н. Голобатенко увольнялся за то, что «по происхождению он был дворянином», некоторые врачи просто объявлялись «чуждыми элементами», «настроенными антисоветски» [5]. Похожая ситуация была и в других районах центральной части России. На национальных окраинах интеллигенции кроме всего прочего предъявлялись обвинения в национализме. Такой была ситуация на Украине, где некоторых врачей, например профессора медакадемии И.Т. Титова, преподававшего на украинском языке, большевики причисляли к петлюровцам [4].

На репрессивную политику большевиков по отношению к медицинским работникам, вероятно, повлияло и то обстоятельство, что во время первой мировой войны и революционных событий существенно возрос авторитет медицины. С этим связан и второй блок обвинений медицинских работников, выдвинутый большевиками. Помощь жертвам войны оказывала значительная часть врачей, вошедших во Всероссийский земский союз, Всероссийский городской союз, которые играли ведущую роль в организации помощи раненым и больным. В годы мировой и гражданской войн именно эти союзы создавали сеть лазаретов для эвакуированных раненых воинов, организовывали санитарные поезда для перевозки раненых и больных. В союзы входили многие передовые ученые и врачи-общественники, сыгравшие огромную роль в предотвращении эпидемий холеры и тифа в 1915 г. В деятельности союзов принимали участие такие

светила медицины, как П.Н. Диатроптов, Н.Ф. Николаевский, Л.А. Тарасевич, Е.И. Марциновский, З.П. Соловьев, Г.З. Френкель и др. Авторитет их среди медиков был очень велик. Как отмечает С.Г.Гончарова[6], если Февральскую революцию медицинская интеллигенция встретила восторженно, надеясь на установление демократического строя, то Октябрьский переворот «выжидательно», а руководство союзов и Пироговское общество – враждебно, поддерживав саботаж и забастовки в ряде медицинских учреждений.

В прессе большевики часто писали о том, что медицинская интеллигенция умышленно не помогала не только власти, но и обычным людям, так как она крайне вяло участвовала в кампании помощи голодающим, в других акциях власти. Н.А.Семашко, первый нарком медицины, неоднократно обращал внимание В.И.Ленина на то, что “интеллигенция плохо помогает в борьбе с голодом”, особенно медперсонал [7]. Наибольшую тревогу Н.А. Семашко вызывало их стремление объединиться и восстановить прежнюю систему организации медицины, о чем свидетельствует его письмо В.И.Ленину, написанное в мае 1922 г.[8]. В нем Н.А.Семашко делился своими мыслями после очередного съезда врачей. Так, он находил опасным несколько сформированных течений, а именно, стремление врачей заменить «советскую медицину» страховой и земской и желание врачей сформировать собственные «самодеятельные» организации. Н.А. Семашко пугало также желание медиков «стать вне общепрофессионального рабочего движения» и «стремление самоорганизоваться на основе печатного органа». Журнал «Общественный врач», по мнению Н.А. Семашко, грозил «выродиться в орган противосоветской пропаганды». Более всего Н.А. Семашко беспокоила возможность врачей объединиться и тем самым оказать поддержку небольшевистским партиям. Н.А. Семашко поименно называл «верхушку» врачей,

выступавших на съезде. Пироговское общество, созданное еще в 1881 г., объединяло врачей всех специальностей. На съездах обсуждались не только актуальные вопросы медицинской практики. Съезды были практически единственной для врачей легальной возможностью широкого обсуждения социальных и политических вопросов, и по свидетельствам очевидцев, на них собиралось 5-7 тыс. человек [9]. По мнению большевиков, Пироговское общество объединяло вокруг себя людей, которых считали «искусно прикрытой политической оппозицией против Советской власти» [8].

Кроме Н.А.Семашко еще одним инициатором репрессий против врачей в начале 1920-х годов был чекист Я.С.Агранов, ставший в 1922 г. начальником Особого бюро ГПУ. Ему, видимо, и поручили контролировать съезды врачей, что он и делал, составляя докладные записки в Президиум ГПУ. В них он заявил о стремлении врачей «эмансипироваться от Советской власти и рабочего профобъединения», об их намерении сформировать организацию, противостоящую Советской власти. А.С.Агранов обращал внимание на то, что основные споры на съездах и собраниях врачей велись вокруг политических вопросов («физиономия съезда не деловая, а политическая») [10]. Действительно, врачи открыто заявляли о том, что профессиональному строительству препятствовал большевистский режим. На съезде петроградский профессор Л.М.Горвиц-Власова, которая в дальнейшем была выслана в голодающую Оренбургскую губернию, заявила, что «будучи слугами народа, врачи не могут быть и не будут его прислужниками тогда, когда на смену угнетения пролетариата колесо истории выдвинуло официальную диктатуру» [10]. При заключении договорных условий с ВЦСПС о правах врачебной секции врачи добились некоторого послабления при взаимодействии с местными отделами и учреждениями, которые несколько ограничивали контроль

партийных органов, что вызвало тревогу Я.С.Агранова. Последний скептически относился к идеям создания «свободно избираемых, строящихся из низов самостоятельных организаций населения». Он обращал внимание, что в дальнейшем деятельность медицинских работников приведет к политическим осложнениям для Советской власти, так как основное их стремление – построить демократическую модель медицинской системы и оградить ее от влияния партии[10]. В докладе заведующего Петроградским губздравотделом Первухина указывалось на то обстоятельство, что персонал больниц никогда не будет в оппозиции врачебной секции, а значит, возникает опасность создания врачами единого, налаженного врачебного аппарата, контроля над которым практически нет[10].

Я.С.Агранов предлагал провести следующие мероприятия: ликвидировать Общество русских врачей им. Пирогова как нелегальное, закрыть журнал этого общества как орган врачебно - политической оппозиции, ликвидировать комиссию Помгола при обществе и его отделения на местах, а также арестовать деятелей «контрреволюционного» съезда врачей. Именно Я.С.Агранов предложил высылать врачей в голодающие губернии. Кроме этого, он советовал ввести в секцию врачей («хотя бы в качестве технического сотрудника») ответственного коммуниста. Речь шла, по-видимому, о создании системы скрытого наблюдения за деятельностью медицинских организаций. Я.С.Агранов предлагал запретить созывы ведомственных или союзных съездов без санкции ГПУ. Все эти предложения были рассмотрены и поддержаны Н.А.Семашко [10]. Таким образом, на наш взгляд, важнейшим фактором, повлиявшим на весьма агрессивную позицию большевиков по отношению к медицинским работникам, было стремление врачей к организованности, к тесному сотрудничеству на основе общего опыта и достижений. Их сплоченность действительно представляла опасность для власти. Большевики боялись фор-

мирования оппозиции вокруг медицинских структур и авторитетных профессоров университетов.

Усиление давления на врачей не могло оставить в стороне и отдельную отрасль медицины – психоанализ, а именно, Русское психоаналитическое общество, созданное в 1921 г. по инициативе И. Ермакова и И. Вульфа и к середине 1920-х гг. ставшее третьим центром психоанализа в мире после Вены и Берлина. По мере того, как коммунистическая идеология набирала силу, положение начало радикально меняться. Идейное наступление на психоанализ сопровождалось административными мерами, направленными на изгнание психоаналитических методов исследования и лечения из клиники и исследовательских лабораторий. В дальнейшем явственно стал проявляться прямой запрет на теорию и практику психоанализа. Психоанализ с его направленностью на развенчание различного рода иллюзий не мог существовать в обществе, всеми средствами насаждавшем всякого рода мифы и иллюзии, и был для него опасен. 14 августа 1925 г. было принято официальное постановление о закрытии Государственного психоаналитического института, а в 1933 г. официально прекратило свою работу Русское психоаналитическое общество.

В советской прессе образ врача-вредителя появляется позже, во время «дела врачей» 1953 г. На наш взгляд, репрессии против медицинских работников в начале 1920-х гг. имеют много общего со знаменитым процессом 1953 г. Цель создания образа врага в лице профессора-вредителя или врача-вредителя опиралась на сходные факторы, важнейшим из которых были огромный авторитет врача и стремление врачей образовать корпорацию или иную структуру. Объединяет два потока репрессий и размах: именно в начале 1920-х годов страна лишилась многих видных ученых, а закрытие в 1922 г. журнала «Общественный врач», роспуск в 1925 г. Пироговского общества, фактический запрет во второй половине 1920-х гг. психиатрии и психоанализа – все это при-

вело к серьезным препятствиям в развитии медицинской науки.

Библиографический список

1. Высылка вместо расстрела. Депортация интеллигенции в документах ВЧК-ГПУ. 1921-1923 [Текст] / В.Г.Макарова, В.С.Христофорова – М., 2005. - С.41.

2. Марков, А.В. Что значит быть студентом [Текст] / А.Марков. // Новое литературное обозрение. - М., 2005. - С. 85-100.

3. Смирнова, Т.М. История разработки и проведения в жизнь первого советского устава высшей школы [Текст] // Государственное руководство высшей школой в дореволюционной России и в СССР: сб.ст. - М., 1979. - С.6-38.

4. Список профессоров и преподавателей вузов и общественных деятелей Украины, подлежащих ссылке внутри страны или высылке за границу, от 3 августа 1922 [Текст] // Высылка вместо расстрела... - С. 95-98.

5. ЦДНИ Ярославской области.- Ф.1.- Оп.27. - Д.1536.- Л.33-37.

6. Гончарова, С.Г. Медицинская интеллигенция в годы Первой мировой войны и Февральской революции (1914-1917 гг.) [Текст] / С.Г.Гончарова // Интеллигенция в политической истории XX в: сб.ст./ сост. В.С.Меметов. - Иваново, 1993 .- С.45-53.

7. Семашко, Н.А. Интеллигенция и голод [Текст] / Н.А.Семашко // Правда. - 1922. - 26 января.

8. Письмо наркома здравоохранения РСФСР В.И.Ленину и членам Политбюро ЦК РКП(б) 21 мая 1922 г. [Текст] // Высылка вместо расстрела... - С.74.

9. Жукова, Л.А. Деятельность общества русских врачей в память Н.И.Пирогова на рубеже XIX-XX вв. как индикатор социально-политических взглядов научной меди-

цинской интеллигенции [Текст] / Л.А.Жукова // Интеллигенция в процессах преобразования мира.... - С.146.

10. Докладная записка ГПУ в политбюро ЦК РКП(б) «Об антисоветских группировках среди интеллигенции» от 1 июня 1922 [Текст] // Высылка вместо расстрела... - С. 77-80.

© Д.Н. Малахов

Реформирование системы тыла РККА в период военной реформы 1924 – 1928 гг.

После окончания Гражданской войны перед руководством страны и военным ведомством встал ряд важнейших задач в области военного строительства.

Основные направления военной реформы 1924 – 1928 гг. были продиктованы сложившейся ситуацией и сводились к реорганизации и укреплению аппарата управления, введению смешанной системы комплектования (сочетанию кадровых и территориально-милиционных формирований), перестройке системы подготовки военных кадров, введению единоначалия, укреплению воспитательной работы среди бойцов.

Видный военачальник и ученый Б.М. Шапошников в своей книге «Мозг армии» писал: «...в современных вооруженных силах каждый человек должен быть взвешен с точки зрения его необходимости для армии и в мирное, и в военное время. Не следует допускать лишних ртов ни в военное, ни тем более в мирное время... Современная организация армии должна быть очень и очень хорошо продумана, подсчитана, ибо она «стоит» чертовски много денег».

Начавшаяся работа по реформированию Красной Армии получила в мае 1924 г. одобрение XIII съезда ЦК РКП(б). В резолюции съезда по отчетному докладу Цен-

трального комитета говорилось: «Съезд приветствует шаги, предпринятые ЦК для проведения вполне назревшей реформы в военном ведомстве».

Закономерно, что военная реформа 1924 – 1928 гг. коснулась и тыла. Требовалось создать более гибкую, простую и надежную действующую систему тылового обеспечения войск с учетом экономического положения страны и необходимости максимального сокращения расходов на управленческий аппарат. В этой связи снабженческие органы были подчинены единому командованию, принимались меры по повышению авторитета хозяйственных работников. С апреля 1924 года планирующим и исполнительным органом снабжения вооруженных сил страны стало Управление начальника снабжения РККА. Военно-хозяйственные управления округов были преобразованы в управления начальника снабжения. В их состав вошли отделы по всем видам снабжения (исключая военно-химический). Центральные довольствующие управления родов войск были подчинены Управлению начальника снабжения РККА, в округах все довольствующие учреждения возглавлял начальник снабжения округа.

Важнейшим шагом военной реформы стал переход к смешанной системе комплектования. Данное преобразование носило вынужденный характер и было вызвано необходимостью:

- а) обеспечить возможность подготовки всего годного для военной службы призывного состава страны [1];
- б) иметь соответствующее число воинских соединений.

Однако главной причиной было тяжелое экономическое положение страны, так как переход к территориально-милиционной системе позволял резко сократить расходы на военные нужды. Так, содержание кадровой дивизии об-

ходилось казне в 1,8 млн. руб., а территориальной в 1,7 млн. руб. В то же время первая в течение двух лет давала подготовку 4,4 тыс. чел., а вторая – 12 тыс. чел., причем за 8 месяцев [2]. Исходя из этого, на одного красноармейца ежегодно затрачивалось: в кадровой дивизии 267 руб., в территориальной - 58 руб.; за весь период службы на подготовку одного бойца затрачивалось соответственно 535 и 291 руб. [3].

Экономия денежных ресурсов представлялась важнейшим достоинством территориально-милиционной системы комплектования армии.

В связи с переходом на территориальный принцип комплектования большие изменения претерпела и система снабжения войск. Государственные и кооперативные органы не могли полностью обеспечить централизованное снабжение армии и флота всем необходимым. Частичная децентрализация в вопросах материального обеспечения войск, направленная на заготовку продовольствия и фуража из местных ресурсов, привела наряду с сокращением управленческого аппарата к упразднению корпусных и дивизионных органов снабжения. Устранение промежуточных звеньев позволило перейти к менее трудоемкой и более оперативной системе снабжения по схеме: центр – округ – часть – боец. Распределение снабженческих функций предоставило большую планово-заготовительную, хозяйственную и финансовую самостоятельность полковому звену. Аппараты тыла корпусного и дивизионного звеньев, исключенные из системы снабжения, выполняли контрольно-ревизионные функции. Эти изменения в тот период в целом имели положительное значение, так как позволяли более рационально использовать местные ресурсы военных округов, значительно удешевить снабжение войск и сил за счет сокращения расходов на заготовку, хранение, транспортировку и многократные перегрузки материальных

средств.

Важные структурные изменения коснулись полкового звена. В полках вместо заведующего хозяйством была введена должность помощника командира полка по хозяйственной части. О роли, которая отводилась тылу в повседневной жизни и деятельности войск, говорит тот факт, что на должность помощника командира по хозяйственной части мог назначаться только кандидат на должность командира полка. Такой подход заставлял командный состав более предметно заниматься решением задач тылового обеспечения частей. Повышение его ответственности сопровождалось и наделением начальников снабжения юридическими правами отдачи приказов начальникам служб, подчиненным непосредственно командующему (командиру) от его имени, если они касались снабженческой деятельности. Поэтому мероприятия, осуществленные в области тылового обеспечения, в тот период были оправданными.

Примечательно, что начавшиеся нововведения в системе заготовки продовольствия, фуража, других материальных средств и в снабжении войск и сил флота во многом основывались на опыте дореволюционной России. Известный в то время военный деятель Н.О. Дейч в статье «Основные хозяйственные задачи» писал по этому поводу, что теперь от военных заготовителей вновь требуется организовать заготовки на наиболее выгодных для казны началах, использовать в снабжении более совершенные системы заготовок применительно к законам рынка, рачительно относиться к сбережению имущества в войсках. Для успеха нужны были не канцеляристы и бухгалтеры, а знатоки хозяйственного дела, обладающие специальными знаниями и способные вести экономические исследования [4].

Так, в представлении начальнику военно-хозяйст-

венного управления заместитель начальника снабжения РККА В.М.Гиттис 18 октября 1926 года сообщал: «Реввоенсовет Западного военного округа в докладе на имя председателя Реввоенсовета Союза ССР указывает, что с вопросом питания красноармейцев дело обстоит весьма неблагоприятно. Вследствие низкого приварочного оклада в истекшем хозяйственном году части испытывали постоянные перебои в довольствии и не могли вести планомерно заготовки, поэтому хозяйственный план разрушался. В ряде частей имеется задолженность... Истощен конский состав, и крайне необходимо к нормам фуражной дачи добавить на два фунта овса и сена» [5].

И еще, при всех положительных обстоятельствах систему территориального снабжения нельзя признать нормальной и с точки зрения организации боевой подготовки войск. «При требованиях современной учебы войск, когда прогресс техники военного дела загружает строй все новыми и новыми заданиями, невольно должен встать старый вопрос, поднимавшийся уже давно, при более легких условиях боевой подготовки, а именно – всемерное стремление к освобождению строевого состава от хозяйственной перегрузки»[6].

Главным недостатком данной системы снабжения была ее неподготовленность к переходу на военные рельсы. Достижение победы в войне возможно лишь при условии напряжения экономической мощи всей страны, что неизбежно потребует жесткого централизованного управления и концентрации всех материальных и финансовых ресурсов в руках государства для рационального их использования в соответствии со стратегическими планами войны, оперативными и боевыми потребностями действующих армий. Кроме того, переход от децентрализованной к централизованной системе снабжения занял продолжительное время, что вызвало бы определенную дезоргани-

зацию и нервозность в снабжении армии. От децентрализованного снабжения в военное время придется принципиально отказаться и по причине того, что с началом боевых действий войскам некогда будет заниматься хозяйст-венными операциями. Возложение снабженческих задач непосредственно на воинские части в боевой обстановке неразумно и опасно и с точки зрения общих экономических интересов, так как неконтролируемая экспроприация неизбежно приведет к полной экономической деморализации районов, занятых войсками.

Одними из основных недочетов данной системы можно выделить:

- во-первых, неправильное расположение отдельных территориальных частей и их основных центров (части находились далеко от своих центров, что затрудняло управление);

- во-вторых, совпадение месторасположения последних с административными центрами (волость, район);

- в-третьих, колебание рыночных цен и неодинаковый уровень экономического развития разных регионов страны не позволяли решать однозначно задачи снабжения войск. В одних районах удавалось организовать заготовку продовольствия и фуража по ценам меньшим, чем средние, установленные для этой местности;

- в-четвертых, переход на территориальный принцип обеспечения войск продовольствием при рыночных отношениях возможен лишь при условии полного удовлетворения воинских частей денежными средствами, что практически невозможно было осуществить в рамках ограниченного военного бюджета.

В конце 20-х годов советские военные ученые осознали необходимость совершенствования системы тылового обеспечения Красной Армии и приведения ее в соответствие с реалиями того времени. К.Е. Горецкий в

1929 году замечал: «Обширный опыт мировой и гражданской войн дал массу материалов для разработки системы снабжения в военное время. И вот теперь, по нашему мнению, необходимо заняться пересмотром всей системы снабжения на основе как минувшего опыта, так и новой организации снабжения» [7].

Обострение международной обстановки в конце 20-х – начале 30-х годов потребовало принятия неотложных мер по укреплению обороноспособности СССР, повышению боевой готовности армии и флота. С изменением задач и принципов строительства РККА, резким увеличением её потребности в материальных средствах, а также с началом свертывания новой экономической политики возвращается централизм в вопросах заготовок и способах ведения войскового хозяйства. Многие теоретические положения в ходе военной реформы 1924 - 1928 гг. не прошли проверку практикой и в дальнейшем были отклонены. Однако полученный опыт территориального обеспечения войск в межвоенный период послужил основой для разработки принципиальных положений по подготовке местной экономической базы военных округов к использованию в интересах войск.

Существовали проблемы и в финансировании состава Красной Армии. Военнослужащие польской армии получали в 1926 г. в 2 раза больше, чем командиры Красной Армии. Так, жалование командира роты Красной Армии – 78 руб., а при переводе на рубли польский командир роты получал 116 руб.; жалование командира полка Красной Армии составляло 120 руб., а польской армии - 294 руб.; жалование командира дивизии - 155 и 323 руб. соответственно [8].

Ограниченные финансово-экономические возможности Советского государства в 20-е годы не позволили в полном объеме решить все социально-бытовые проблемы

армии. Каждую статью расходов, каждый рубль для Красной Армии военному ведомству приходилось отстаивать в горячих спорах с Народным комиссариатом финансов. В этом отношении весьма интересны документы, относящиеся к январю 1924 года. В них идет речь о льготах, установленных для начсостава и их семей в области продовольственного обеспечения.

В условиях, когда денежное содержание со всеми выплатами, надбавками и льготами и так недостаточно для удовлетворения насущных потребностей военнослужащих и их семей и даже не достигает прожиточного минимума, представитель военного ведомства находил предложения Наркомфина абсолютно неприемлемыми и вредными «с политической стороны».

Эту точку зрения поддержал Реввоенсовет СССР. Заместитель председателя РВС Э.М. Склянский 20 января 1924 года направил в Совет Труда и Оборона подробное представление, в котором с исчерпывающей полнотой изложил причины, по которым предложение Наркомфина являлось неприемлемым [9]. Он назвал вещи своими именами: финансовое ведомство пытается залатать дыры в финансовом бюджете за счет снижения зарплаты, а следовательно, и реального жизненного уровня военнослужащих и их семей, который и без того является низким.

В острой борьбе с Народным комиссариатом финансов Реввоенсовету удалось отстоять интересы военнослужащих. Руководство страны ясно осознавало, что безопасность СССР в той исторической обстановке может быть обеспечена только сильными, боеспособными Вооруженными Силами. Вот почему, несмотря на серьезные экономические трудности, государство стремилось при сокращении Красной Армии сохранить лучшие военные кадры, поднять общественный статус военнослужащих и

престиж воинской службы путем всемерного улучшения материального положения армии, установления твердых социальных гарантий и максимально возможных льгот для тех, кто посвятил свою жизнь защите Родины.

В течение 1924 года дважды увеличивались тарифные ставки должностных окладов командного и политического состава, а также некоторых категорий рабочих и служащих воинских частей. Всего же денежное содержание начальствующего состава Красной Армии увеличилось в 1926 году по сравнению с 1923 годом у командиров взводов в 3,2 раза, командиров рот – в 2,7 раза, командиров полков – более чем в 2,8 раза [10].

Но, несмотря на это, материальное положение начальствующего состава РККА оставалось в ту пору весьма тяжелым. В сводке Политического управления армии и флота от 15 ноября 1926 года отмечалось: «Материальное положение начсостава, особенно семейного, остается неудовлетворительным. Получаемый оклад содержания едва покрывает расходы на питание, оплату квартиры и покупку дров.

Наиболее большим местом в быту начсостава является квартирный вопрос. Большинство начсостава живет на частных квартирах и платит 10 – 20 рублей в месяц за комнату 8 – 10 кв. метров. Такая дороговизна вынуждает семейный начсостав нередко с семьей из 5 – 6 человек ютиться в одной комнате. Коммунально-бытовых денег часто не хватает на оплату квартиры. Много квартир не пригодны для жилья...»[11].

В документе делается вывод, что тяжелые бытовые условия, материальная необеспеченность крайне отрицательно сказываются на морально-психологическом состоянии начальствующего и политического состава. В то же время приводились и примеры того, как командование пытается облегчить быт командиров и политработников.

В 1927 году ученый медицинский совет Наркомздрава СССР, рассмотрев существующие в армии нормы довольствия, признал их недостаточными как в отношении калорийности, так и по составу продуктов. Медицинским советом была признана оптимальная норма 4500 калорий в сутки по основному красноармейскому пайку и минимальная 3700 калорий в условиях гарнизонной службы [12]. На заседании военно-хозяйственной секции плановой комиссии Народного комиссариата по военным и морским делам 15 мая 1928 года было принято решение об увеличении норм довольствия военнослужащих в соответствии с этими рекомендациями. Примечательно, что представители Наркомфина СССР в данном вопросе «остались при своем мнении» [13].

Реввоенсовет СССР предложил повысить калорийность основного красноармейского пайка на 150 калорий в сутки; увеличить калорийность курсантского пайка до 4429 калорий; осуществить мероприятия по улучшению питания военнослужащих других категорий [14]. В 1922 – 1924 гг. в связи с проведением в СССР денежной реформы и некоторой стабилизацией финансового положения страны Советское правительство наметило и осуществило ряд мер, направленных на увеличение денежного довольствия военнослужащих. В 1924 году Реввоенсовет СССР принял решение за счет внутренних перегруппировок финансовых средств в системе Народного комиссариата по военным делам и сокращения расходов на содержание центрального аппарата военного ведомства «обратить сбережения... на улучшение материального положения Красной Армии в целом и в частности ее младшего и среднего командного и административно-хозяйственного состава» [15].

Библиографический список

1. Российский государственный военный архив (далее РГВА) [Текст]. – Ф.4. – Оп.2. – Д.3. – Л.155.
2. Там же. – Л.161.
3. Там же. – Л.162.
4. См.: Соломатин, С.А. Рынок и снабжение армии. Исторический опыт обеспечения войск в России [Текст] // Тыл Вооруженных Сил. – 1992. – № 8/9. – С. 8-9.
5. См.: Высоцкий, В., Кнышевский, П. Армия и экономические аспекты [Текст] // Тыл Вооруженных Сил. – 1991. – №11. – С. 13.
6. Горецкий, К.Е. Система снабжения РККА в мирное время [Текст]. – Л.: Госиздат, 1929. – С. 181.
7. Там же. – С. 163.
8. РГАСПИ. – Ф.74. – Оп.1. – Д.144. – Л.137.
9. Там же. – Л. 169 - 170.
10. См.: Развитие Тыла Советских Вооруженных Сил 1918 – 1988 [Текст]. – М.: Воениздат, 1989. – С. 70.
11. РГВА. – Ф. 46. – Оп. 1. – Д. 642. – Л. 19-19 об.
12. Там же. – Ф. 47. – Оп. 3. – Д. 147. – Л. 178.
13. См.: Там же. – Л. 179.
14. Там же. – Л. 178 об.
15. КПСС о Вооруженных Силах Советского Союза: Документы 1917-1981 [Текст]. – М.: Воениздат, 1981. – С. 215.

© Н.С. Новожилов (ЯГПУ)

**«Тоталитарная школа» изучения
«кадровой революции» в партийной номенклатуре СССР
в 1930-е гг.**

При изучении сталинизма большинство исследователей уделяет значительное внимание партийным чисткам 1930-х гг. и в особенности атаке Сталина на номенклатуру в

1936-1938, когда с помощью репрессий состав ВКП(б) был существенно обновлен.

В историографии существует несколько подходов при изучении «кадровой революции». Традиционно с точки зрения методологии историков разделяют на представителей тоталитарного подхода и ревизионистов. Первые подчеркивают примат политики и трактуют экономические и общественные структуры как производные. Ревизионисты большое внимание уделяют социальной истории, в том числе исследуя аспекты, которые обычно рассматриваются в узкополитическом ракурсе. Данная статья посвящена анализу тоталитарной школы в изучении «кадровой революции».

Первые масштабные работы, посвященные сталинизму, появились на Западе в 1950-е гг. и были написаны представителями «тоталитарной школы». Эти исследования имели слабую источниковую базу, хотя и заложили методологическую основу изучения советской истории. Исследователям во многом помогло появление за рубежом секретного доклада Н. С. Хрущева, вариант которого был разработан для иностранных коммунистов. Этот доклад долгое время оставался одним из главных источников изучения сталинского государства, ввиду того, что в советский период историки не имели доступа к материалам всех советских архивов. Исключение составляет лишь смоленский партийный архив, захваченный немцами в 1941 г., а затем попавший в руки американцев. Наиболее крупный труд, основанный на его документах, - работа М. Fainsod (Фэйнсод) "Smolensk under Soviet Rule" («Смоленск под властью Советов»), оказавший существенное влияние на развитие западной советологии. Эта книга, впервые опубликованная в США в 1958 г., в 1989 была переиздана, а в 1995 вышла и на русском языке в Смоленске. Другие источники, которыми пользовались исследователи - мемуарная литература и советская пресса.

Первые крупные историки тоталитарной школы, занимавшиеся изучением сталинизма - З. Бжезинский, Л. Шапиро, Р. Конквест и другие, – основное внимание уделяли политике государственной власти. В своих работах они противопоставляли большевизм свободной и плюралистской западной демократии. Изучение истории Советского Союза во многом определялось их отношением к этой стране. Уже приступая к исследованиям, они руководствовались установками, впервые сформулированными американским историком Р. Пайпсом в работе «Русская революция». Задача исторической науки, по мнению Пайпса, не только в том, чтобы объяснить добро и зло, но и в том, чтобы истолковать и осудить «намеренные действия», «разрушившие веками создававшиеся институты ради идеи системы» или принесшие в жертву «благополучие и даже жизни своего поколения ради поколения, еще не родившегося». Таким образом, история, по Пайпсу, должна прежде всего показать «кто виноват». Не случайно он считает, что русскую революцию «трудно оценивать хладнокровно». Ссылаясь на Аристотеля, Пайпс утверждает, что «тех, кого не сердит то, что сердить должно, следует считать дураками», и «там, где между людьми царит очевидная несправедливость, самое место гневу» [1. С. 5-10].

Представители тоталитарной школы исходили из тоталитарной модели, которая была впервые выдвинута Х. Арендт в работе «Истоки тоталитаризма» в 1951 г. Ее теория гласила, что в середине XX в. появилась качественно новая, уникальная форма деспотизма, основанная на массовой, все-народной мобилизации общества идеологизированной политической властью, и что высшим проявлением ее стали нацизм и коммунизм. Арендт выводила возникновение тоталитарных режимов из тоталитарных движений, которые могли зародиться, по ее мнению, при двух условиях – наличия в обществе аморфной социальной структуры (граничащей с

бесклассовостью) и «тоталитарного лидера». Тоталитарное государство прибегает к целенаправленному обману масс путем пропаганды и к террору, принимающему абсолютные формы; при этом ставится цель преобразовать не только старое общество, но и саму человеческую природу [2].

Угол зрения, связывающий тоталитаризм непременно с массовым террором, обожествлением вождя и роботизацией масс, представлял крайне ограниченные возможности для дальнейшей разработки концепции. Поэтому влияние книги Арндт на послевоенное поколение западных исследователей тоталитаризма было значительно менее сильным, чем влияние труда К. Фридриха и З. Бжезинского «Тоталитарная диктатура и автократия», вышедшего в 1956 г. Эти авторы модернизировали теорию Арндт и предложили определение тоталитарных режимов на основе следующих критериев: наличие официальной идеологии, полностью отрицающей ранее существовавший порядок и призванной сплотить всех граждан общества для построения нового мира; существование единственной массовой партии, возглавляемой одним человеком (диктатором), организованной по олигархическому принципу и тесно интегрированной с государственной бюрократией; террористический контроль не только над "врагами" режима, но и над всеми, на кого укажет перст партийного руководства; партийный контроль над всеми средствами массовой информации, а также над всеми вооруженными силами; централизованное бюрократическое управление экономикой [3]. Эти критерии получили в последующей литературе название «тоталитарного синдрома», который стал классической характеристикой тоталитаризма в западной политологии. Эта работа до сих пор является одним из важнейших компонентов исследований представителей тоталитарного направления.

Таким образом, главная черта «тоталитаризма» в изучении кадровой революции состоит в том, что подчерк-

нута определяющая роль политики: в Советском Союзе не экономические процессы определяли политические, а наоборот, политика определяла развитие не только экономики, но и всей социальной жизни.

Большинство историков связывает «кадровую революцию» с личностью Сталина, укреплением тоталитарного режима и расправой вождя с противниками. Но у разных авторов эта тема звучит в разных контекстах.

3. Бжезинский называет чистку “капризом диктатора”, поддерживающим пирамиду власти. Устранение, в том числе и физическое, членов партии рассматривается как система самосохранения партии [4. С. 31, 32].

Одно из наиболее фундаментальных исследований, посвященных изменениям в ВКП(б) в сталинскую эпоху, - появившаяся в 1970 г. книга Л. Шапиро “Коммунистическая партия Советского Союза”. В ней историк называет чистки в партии единым целым со “сталинской революцией” в сельском хозяйстве и промышленности, так как главная их цель - истребление поколения, сделавшего революцию и выигравшего Гражданскую войну и выдвижение новых людей, обязанных Сталину всем. Таким образом была упрочена власть вождя над партией. Одновременно была усилена власть партии над страной, которая в двадцатые годы, по мнению автора, была шаткой. Упрочение это произошло за счет усиления внутривластной дисциплины, которую Сталин сумел обеспечить за счет террора. Террор же, в свою очередь, подтверждал монополию ВКП(б) на власть. Л. Шапиро выделяет три главных результата «кадровой революции»: 1) профилактический - устранение всех потенциальных оппонентов Сталина; 2) созидательный - пополнение элиты людьми, обязанными вождю; 3) сведение на нет любой возможности консолидации и какого-либо объединения в партии [5. С. 599-601].

Американский историк Мартин Малиа связывает чистки не только с личностью Сталина. Сталин был только

инициатором, а источник - внутри системы. По его мнению, репрессии в партии были направлены не против бывшей оппозиции, а против убежденных сталинцев, верных вождю товарищей, которые хотели свергнуть Хозяина, но при этом сохранить систему, которую сами помогли создать и в которой пользовались политическим авторитетом. Старые же оппозиционеры лишь фигурировали на политических процессах, а жертвами чисток стали собственные сталинские ставленники. По примеру многих исследователей американский историк называет репрессии в партии второй революцией “сверху”, водоразделом в советской истории, государственным переворотом против ключевых кадров системы, цель которого - обновление партии, обеспечение ее покорными и надежными членами [6. С. 266-267, 271-273].

В отечественной историографии в перестроечный и постсоветский период произошло заимствование этой методологии, и большинство работ, посвященных «кадровой революции», написаны в духе «тоталитаризма». Так, один из крупнейших отечественных исследователей сталинизма О. Хлевнюк считает репрессии номенклатуры “заключительным аккордом” сталинской “революции сверху”, в результате которой утвердился такой строй, как “сталинский социализм”. Его характерными чертами стали жестко централизованная система руководства в основном с одноукладной государственной экономикой, политические институты, ориентированные на единовластие вождя-диктатора, максимально широкое применение чрезвычайно репрессивных и административных методов решения социально-экономических проблем [7. С. 4]. Очевидно, что основой для данного вывода стала «тоталитарная модель» Фридриха-Бжезинского.

Использует данную схему и другой крупный отечественный исследователь сталинизма В. Роговин. Но, в отличие от Хлевнюка, он более глубоко анализирует причины «кадровой революции». Роговин пытается объяснить чистки

национальным фактором: “отбор”, произведенный Сталиным, объясняется, по мнению автора, его недоверчивым отношением к “иностранцам”: из пяти репрессированных членов и кандидатов в члены Политбюро лишь Постышев был русским, Рудзутак и Эйхе были латышами, Косиор - поляком, а Чубарь – украинцем [8.С. 182]. Говоря об открытых московских процессах, Роговин выделяет их внутривластные и внешнеполитические цели. К первым относится переложение вины за “торможение роста народного благосостояния на свергнутых злодеев и заговорщиков”. Внешнеполитические функции заключались в том, что процессы показывали, кого на данном этапе Кремль рассматривает в качестве союзников, а кого - в качестве врагов [8. С. 88, 93].

Рассматривая последствия «кадровой революции», практически все представители тоталитарной школы приходят к выводу, что чистки имели отрицательное значение для государства: омоложение власти не делало ее более эффективной.

Кроме ключевого признака тоталитарного подхода - приоритетного внимания к политической истории и понимания событий в СССР на основе «синдрома» - следует выделить еще несколько его характеристик. Это - подчеркивание запланированного характера чистки; уделение огромного внимания террору как основному методу в ее проведении; признание сильной власти в СССР при жесткой критике советской системы. И абсолютно все историки тоталитарной школы отмечают огромный разрыв между властью и обществом.

В современной историографии различия между тоталитаризмом и ревизионизмом нивелируются, и споры между их представителями относительно значимости политического фактора в изучении сталинизма уже не являются такими острыми, какими они были в 1970-1980-е гг. К тому же, в середине 1980-х некоторые ревизионисты признали свои

ошибки и выразили скептицизм относительно собственных позиций, выразившихся ими ранее [9. С. 6, 13].

В современной исторической науке стирается грань между тоталитарной и ревизионистской методологиями, но работы основываются преимущественно на принципах первой. Это проявляется в том, что признается определяющее значения политики в развитии государства; подчеркивается ее непосредственное влияние на общество. Большинство исследователей отмечает, что «кадровая революция» являлась системообразующим звеном, была четко спланирована; подчеркивается определяющее значение личности Сталина в организации и проведении репрессий против партийных функционеров.

Тоталитарный подход до сих пор остается жизнеспособным, так как, во-первых, опыт изучения советской действительности показывает, что одного знания архивных документов (один из базовых принципов ревизионизма) еще недостаточно для того, чтобы понять историю сталинской России, а во-вторых, «тоталитаризм» относительно логично, хотя и примитивно, объясняет события, происходившие в СССР в 1930 гг.

Библиографический список

1. Пайпс, Р. Русская революция [Текст]: в 3 ч./ Р. Пайпс. – М., 1994. – Ч. 1. Агония старого режима, 1905-1917. - 398 с.
2. Арендт, Х. Истоки тоталитаризма [Текст] / Хана Арендт. - М., 1996. - 672 с.
3. Фридрих, К., Бжезинский, З. Тоталитарная диктатура и автократия [Текст] / www.auditorium.ru/books/1224/ch2r2.pdf
4. Бжезинский, З. Большой провал. Рождение и смерть коммунизма в двадцатом веке [Текст] / Zbigniew Brzezinski. - New York, 1989. - 242 с.

5. Шапиро, Л. Коммунистическая партия Советского Союза [Текст]: научное издание / Leonard Shapiro. – London, 1990. - 771 с.

6. Малиа, М. Советская трагедия: история социализма в России 1917 – 1991 [Текст] / Мартин Малиа. – М., 2002. - 582 с.

7. Хлевнюк, О. В. 1937 год: противостояние [Текст] / О. Хлевнюк. – М., 1991. – 63 с.

8. Роговин, В. Партия расстрелянных [Текст] / <http://trst.narod.ru/rogovin/t5/oglav.htm>

9. Stalinism New Directions [Текст] / Edited by S. Fitzpatrick. - London and New York, 2000. - 377 с.

10. Павлова, И. В. Современные западные историки о сталинской России 30-х годов [Текст] / www.irinapavlova.com/revisionists.html

© О. Н. Литвинова (ЯГПУ)

Оккупанты в восприятии брянских партизан в годы Великой Отечественной войны

Образ врага у различных представителей советского населения имел разные источники формирования. Люди, работавшие в тылу, представляли себе захватчиков на основании советской пропаганды и рассказов граждан, эвакуированных из прифронтовых районов и вернувшихся с войны. Фронтвики имели дело, главным образом, с регулярными частями вермахта и формировали свое представление в ежедневных столкновениях с врагом. Непосредственно же с захватчиками во всех их проявлениях взаимодействовали жители оккупированных областей СССР, которые создавали образ врага, исходя из повседневного личного опыта. При этом отношение к противнику зависело от стороны, на которой человек принимал участие в войне, от степени активности этого участия, от взаимоотношений с советской властью

и других факторов. Задачей данной статьи является анализ образа врага среди той части населения оккупированных территорий, которая воевала в партизанском движении. Под партизанами понимаются все участники сопротивления оккупационному режиму и регулярным воинским формированиям врага независимо от их идейных убеждений, организованности или стихийности, владения оружием, а именно: военнослужащие Красной Армии, солдаты истребительных батальонов и сотрудники НКВД/НКГБ, оказавшиеся в окружении, народные мстители без специальной военной подготовки, партизанские связные и подпольщики, крестьяне, рабочие и другие трудящиеся, материально и морально поддерживавшие партизанское движение.

В качестве основного региона для анализа выступает территория нынешней Брянской области, находившаяся в оккупации два страшных года (с осени 1941 по осень 1943) и являвшаяся одним из наиболее интенсивных регионов партизанского движения.

Отношение к оккупантам партизан Брянщины имело как минимум два измерения в пространстве и прошло эволюцию во времени. Партизаны имели свое представление о тех немцах, с которыми они воевали непосредственно, и о тех, кто находился в Германии и руководил оккупацией. Менялся образ в зависимости от успехов и неудач партизанского движения, политики оккупационных властей, продвижения или отступления Красной Армии, климатических условий. В целом, можно выделить четыре этапа изменения восприятия врага партизанами: 1) сентябрь 1941- январь 1942 – формирование отношения к оккупантам, боязнь противника; 2) февраль-сентябрь 1942 – осознание возможности бороться с врагом, изучение его сильных и слабых сторон; 3) октябрь-декабрь 1942 – формирование представления о превосходстве оккупантов; 4) январь-октябрь 1943 – осознание своего преимущества над отступающим противником.

Образ врага у брянских партизан имеет также не менее трех измерений в зависимости от типа источников, используемых для его изучения: пропагандистская литература, мемуары, оперативные документы партизанских отрядов. В листовках, распространяемых на оккупированных территориях, образ противника подвергался значительному влиянию коммунистической идеологии. В воспоминаниях партизан он в значительной мере субъективен, потому что многие из них старались показать факты не такими, какими они были на самом деле, а такими, какими бы они хотели их видеть. В документах же, составленных в ходе непосредственного общения с врагом, фиксировался его более четкий и относительно объективный образ. Поэтому главный упор в статье был сделан на последнюю группу источников. Дополняют образ врага также произведения партизанского фольклора: песни, пословицы, поговорки и др.

На первом этапе оккупации люди долгое время привыкали к новым условиям жизни. Приученное советской пропагандой к тому, что Красная Армия будет громить противника на чужой территории, население не ожидало, что враг продвинется так далеко и оккупирует Брянщину. Все си-

лы местных властей были брошены в первую очередь на оборону региона. Так, «Постановление бюро Орловского обкома ВКП(б) о мобилизации партийных и комсомольских организаций на вооруженную борьбу с захватчиками» предписывало готовить гражданское население к обороне Брянска, Орджоникидзеграда, Орла, а не к партизанской борьбе [15. С. 53]. Люди не были достаточно подготовлены к ведению войны в тылу врага и не сумели создать прочных партизанских баз. Поэтому внезапно пришедший на их территорию противник, как и все неожиданное, вызывал у населения страх и боязнь. Значительная часть будущих партизан растерялась, «многие из бойцов, даже отдельные коммуни-

сты бросились в панику, увидя вероломную немецкую армию» [4. Л. 94], «партийно-советский актив распался кто куда» [8. Л. 108], люди бежали, не вступая в бой [15. С. 60-65,69]. Они попытались удалиться в недоступные для врага лесные и болотистые местности. Впоследствии в советской историографии это было представлено как отход на заранее подготовленные базы для партизанского движения [13. С. 88-89]. В действительности же нередко это было бегство от противника, движимое вполне объяснимым стремлением выжить. Люди хотели отсидеться, ожидая, «когда все стихнет, и уменьшатся вражеские гарнизоны» [11. С. 97-98]. Многие отряды не вышли в места их предполагаемой дислокации. Одни не смогли были этого сделать в связи с занятием районов немцами [15. С. 74], другие целенаправленно отсиживались в труднодоступных местах. Так, партизанский отряд им. Чапаева выбрал для своей базы район Брянских лесов, окруженный глухими дебрями, непроходимыми болотами и полноводной Десной. Железнодорожная ветка, располагавшаяся в нескольких километрах от партизанского лагеря, не работала с первых дней оккупации [10. С. 29]. Инстинкт самосохранения и позволил партизанскому движению выжить, приспособиться к новым условиям и впоследствии приступить к активной борьбе с врагом. Одновременно, наблюдая за оккупантами, партизаны отмечали их сильные и слабые стороны. Они заметили, что враг не сильно стремится раз и навсегда покончить с партизанским движением, считая, что эта проблема сама собой отпадет в связи с окончанием войны. Немцы распускали ложные слухи о полном уничтожении партизан [15. С. 64]. «Сеют небылицы подлые фрицы» – гласила партизанская пословица [14. С. 38]. Враги страшились русской природы, знание которой хорошо использовали партизаны: «Чем глубже лес – тем хуже для “СС”», «Фрицу ме-

тель – могильная постель» [14. С. 15,55]. Постепенно первоначальный страх перед противником преодолевался.

На втором этапе партизаны окончательно осознали, что все мероприятия врага направлены на максимальную эксплуатацию оккупированных территорий: «Фашисты собираются из нас соки выжать, а потом со свету выжить», «Фашистские порядки - забирать до последней тряпки» [14. С. 42,51]. Партизаны перешли к активной и успешной борьбе с противником. Враги стали восприниматься как очередные захватчики, которые, как и все другие, вскоре будут изгнаны с родной земли. Например, Герой Советского Союза брянский партизан Филипп Стрелец ассоциировался в фольклоре военного времени с легендарным народным богатырем Бряничем, бившим французов во время войны 1812 г. и ушедшим в лес до следующего нападения врага [12. С. 105-107]. Партизаны осознали, что своими действиями они приближают общую победу над врагом: «У партизан задача ясная – помогать армии Красной» [14. С. 28]. Они начали считать себя частью мировой борьбы с «коричневой чумой». В издававшейся в тылу врага «Партизанской правде» появляются специальные разделы о международном положении [8. Л. 226-227]. Враг в представлении партизан стал довольно

уязвимым: «Фашист крадет, пока партизан не придет», «Бьют врага не бураны, а партизаны» [14. С. 52,55]. Стараясь заглушить свой страх, немцы злоупотребляли вином как в бою [3. Л. 23], так и в быту: «Охоча до вина фашистская сатана» [14. С. 50]. Боязнь врага сменилась ненавистью к нему, что было связано с ростом зверств оккупантов по отношению к населению. Немцам стали отказывать в человеческом облике: «Знает весь свет, что у фашистов совести нет», «Не ищи в фашисте человека – не найдешь», «Фашисты хуже зверей, они не щадят и детей» [14. С. 45-46]. Мотивы мести возобладали в партизанских документах, как в оперативных,

так и в пропагандистских: «Мстите сильнее и вы, дорогие друзья, за погибших детей, жен и матерей!» – призывали брянских партизан девушки фронтовой бригады Московского завода «Каучук» [15. С. 365]; «Берите вилы, топоры, лопаты, косы и бейте проклятого немца, где бы он ни появлялся, все на борьбу с проклятой фашистской бандой!» – обращались партизаны к крестьянам [15. С. 340]. По справедливым словам немецкого генерала Л. Рендулича, «совершенно неправильная политика притеснения народа вконец подорвала доверие народа к немецкой армии и немцам..., что в условиях горького разочарования местного населения создало партизанам все предпосылки для расширения масштабов своей борьбы» [16. С. 149]. В результате постоянных боев образ врага у партизан стал более дифференцированным: солдаты вермахта, эсесовцы, гестаповцы, мадьяры (венгры), полицаи, предатели и пр.

На третьем этапе партизанское движение стало испытывать трудности. Партизаны осознали, что война затягивается, Красная Армия не может совершить решающий перелом в свою пользу. К тому же этот период по времени совпадает с наступлением холодов, особенно остро бьющих по плохо одетым партизанам. Все это привело к распространению уныния в отрядах, возрождению представлений о непобедимости врага, о бесперспективности борьбы с ним, которые усиленно подогревались немецкими агитаторами. Работники НКВД в отрядах тщательно фиксировали высказывания отдельных бойцов: «... Пишут, а фронт все стоит на месте... А если бы наша сила брала, врага давно бы прогнали», «Победу от Красной Армии и от Сталина не ожидать. Другое дело немцы, они имеют успех», «Немцев теперь не побьем, они заняли много нашей земли, и такую силу нам не победить» [7. Л. 261-284]; «Как мы будем жить разутые, раздетые. Неужели еще долго придется сидеть в лесу, говорят

об успехах Красной Армии, а успеха нет, Красная Армия не идет, поспешил я придти к вам в отряд. Лучше бы посидел дома» [6. Л. 120]. Особенно горько было партизанам осознавать, что в отличие от их отрядов снабжение у противника поставлено довольно хорошо: «В полиции дают яйца, масло, мед, спирт и табак, а у нас здесь нет никаких привилегий» [9. Л. 29-30]. Все это привело к дезертирствам из отрядов и переходам на сторону полиции [1. Л. 53-54; 2. Л. 135-138; 5. Л. 135-145; 7. Л. 261-284]. Но продолжающиеся зверства фашистов, стойкость отдельных бойцов и командиров, отсутствие выхода и другие причины удержали большую часть партизан от прекращения борьбы.

На представления о враге на завершающем этапе партизанской войны на Брянщине значительное влияние оказали поражения немецких войск под Сталинградом и на Курской дуге. Враг стал нервничать, пытался насильно организовать вспомогательные подразделения из советских граждан, начал угонять людей в Германию. Партизаны создали представление о месте жительства врага, гибельном для русского человека: «Дома – как хочешь, а в Германии – как велят», «В Германии ждут нас не розы, а слезы», «Прорывая фашистскую оборону – спасай людей от угона» [14. С. 42]. Немецкие порядки стали антиподом счастливого советского строя, который, как думали партизаны, будет восстановлен после войны: «При советской власти было густо, а пришли фашисты – стало пусто», «Будем жить, как народ указал, а не как Гитлер приказал» [14. С. 33,49]. Партизаны стали пользоваться неоднородностью оккупантов, противопоставлять их друг другу, вести активную пропаганду, особенно успешную среди полицейских и венгерских частей, бойцы которых все больше переходили на их сторону [4. Л. 48-49; 8. Л. 204; 15. С. 318-320]. Теперь участники народной борьбы в тылу врага были уверены в своей непобедимости, возможности поставить перед врагом неразрешимые задачи: «Гитлер

пришел к нам незванным, а уйдет от нас драным» [14. С. 33]. Противник стал представляться трусливым, боящимся скорого возмездия и не способным противостоять партизанам: «Фашист до тех пор нахал, пока в плен не попал», «В окружении фашистский солдат дохлой кошке рад», «Фашистский мерзавец труслив, как заяц» [14. С. 53]. В конечном итоге война подтвердила правоту народных бойцов в тылу врага.

Таким образом, восприятие брянскими партизанами оккупантов прошло сложную эволюцию в течение 1941-1943 гг. от представлений о непобедимости оккупантов до взгляда о превосходстве партизан, русского человека и советского общественного строя.

Библиографический список

1. Центр Новейшей истории Государственного Архива Брянской области (ЦНИ ГАБО). – Ф. 1650. – Оп. 1. – Д. 4. – Л. 53-54.
2. Там же. – Д. 6.- Л. 135-138.
3. Там же. – Д. 16.- Л. 23.
4. Там же. – Д. 44. - Л. 48-94.
5. Там же. – Д. 45.- Л. 135-145.
6. Там же. – Д. 49. - Л. 120.
7. Там же. – Д. 52.- Л. 261-284.
8. Там же. – Д. 57.- Л. 108-227.
9. Там же. – Д. 244.- Л. 29-30.
10. Агарков, Б. Партизанские тропы [Текст] / Б. Агарков. – Элиста, 1964. – 66 с.
11. Андреев, В. Народная война [Текст] / В. Андреев. – Л., 1961. – 250 с.
12. Андреев, В. Отряд Филиппа Стрельца [Текст] / В. Андреев // Брянские партизаны: боевой рапорт тов. Сталину и воспоминания. – Брянск, 1951. – С. 100-107.

13. Горшков, А. П. Партизанское движение на Брянщине в годы Великой Отечественной войны (1941-1943 гг.) [Текст] / А. П. Горшков // Шли на битву партизаны: сборник материалов научной конференции о всенародной борьбе в тылу врага на оккупированной территории Брянщины в период Великой Отечественной войны 1941-43 гг. – Брянск, 1972. – С. 87-110.

14. Партизанские пословицы и поговорки [Текст] / сост. П. Ф. Лебедев – Курск: Курское книжное издательство, 1951. – 180 с.

15. Партизаны Брянщины [Текст]: сборник документов о Брянском партизанском крае в годы Великой Отечественной войны / Партизаны Брянщины. – Тула: Приокское книжное издательство, 1970. – 474 с.

16. Рендулич, Л. Партизанская война [Текст] / Л. Рендулич // К. Типпельскирх, А. Кессельринг, Г. Гудериан и др. Итоги Второй мировой войны. Выводы побежденных. – СПб.: Полигон; М.: АСТ, 1998. – С. 135-155.

© М.В. Талашов (ЯГПУ)

**ЯГПИ в 1941-1945 гг.: к истории системы
высшего образования в СССР в период
Великой Отечественной войны**

1941 год стал годом великих потрясений и тяжелых испытаний для Ярославского педагогического. С 22 июня 1941 г. ЯГПИ перешел на режим военного времени. Занятия были временно прекращены. Все силы брошены на подготовку к отражению натиска противника. Эффективные действия гитлеровской авиации диктовали необходимость незамедлительного создания местных отрядов противовоздушной обороны (МПВО). Стремительное продвижение линии фронта к Москве усилило стратегическое значение Ярославской области в деле обороны столицы. Опасность воздуш-

ных налетов на Ярославль была учтена руководством вуза еще в первые дни войны. Уже 25 июня 1941 г. директор института приказал создать отряд противовоздушной и химической обороны (ПВХО). Посты МПВО были размещены в учебном здании №2 и жилым доме по улице Чайковского. В подвальных помещениях были устроены бомбоубежища, на чердаках поставлены бочки с водой, песком, щипцы для изъятия бомб и зажигалок. В институте шли занятия по боевой подготовке.

Особой остроты ситуация на фронтах достигла к концу 1941 г., когда в ходе осуществления плана “Тайфун” гитлеровские войска вплотную придвинулись к столице. В связи со сдачей Калинина (Твери) и сложной обстановкой на южном фланге обороны Москвы возникла реальная угроза прорыва противника на территорию Ярославской области. Ярославль получил статус прифронтового города. Начались бомбежки. На протяжении 1941–1943 гг. враг регулярно бомбил объекты города. Отряду ПВХО пришлось принимать экстренные меры по тушению возникших пожаров, оказанию

помощи пострадавшим. Срочное возведение оборонных рубежей являлось составной частью мер по организации обороны столицы, его ход контролировали Государственный и Ярославский комитеты обороны. Всего за 1941–1942 гг. в строительстве оборонительных сооружений приняли участие 800 студентов и 136 преподавателей.

Ожесточенные военные действия на фронте требовали скорейшего увеличения штата медицинских работников. С этой целью по заданию Всесоюзного комитета по делам Высшей школы при СНК СССР директорам высших учебных заведений предписывалось развернуть на период летних каникул 1941 г. краткосрочные двухмесячные курсы медицинских сестер. С 25 июня 1941 г. такие курсы были организованы в ЯГПИ. Более того, несмотря на тяжелую финансо-

вую ситуацию, руководство вуза нашло возможность проведения трехмесячных курсов вместо двухмесячных. По смете на зарплату преподавателей, закупку учебников по медицинским дисциплинам и канцелярские товары вузом выделялась солидная сумма в 12.419 р. 60 к. Курсы действовали с 4 июля по сентябрь 1941 г., однако, несмотря на затраченные средства и усилия, не стали массовыми. Первоначально было зачислено 26 человек, включая двух преподавателей, 11 сотрудников вуза, 12 студентов и одну домохозяйку. Кроме того, курсы посещали, не оформляясь, еще 4 преподавателя и 7 студентов, которые в конечном итоге отсеялись. Была отчислена и одна из слушательниц, упавшая в обморок во время осмотра в палате больного и отказавшаяся от дальнейшего посещения занятий. Серьезные проблемы возникли с организацией практических занятий, проходивших в госпитале в школе № 43, аптеке №1, ярославской инфекционной больнице, анатомическом театре и в больнице имени Н.А. Семашко. Перегруженность хирургов затрудняла преподавание хирургии. Далеко не все могли присутствовать на практике в связи

с занятостью по месту работы, и только официальное разрешение дирекции на отлучки в часы проведения практических занятий позволило разрешить эту проблему. Организационные трудности сказывались на качестве получаемых знаний. По итогам сдачи выпускных экзаменов к 25 октября 1941 г. из 25 оставшихся слушательниц четверо так и не смогли завершить обучение, только семеро стали круглыми отличниками, и еще четыре закончили курсы на “хорошо” и “отлично”. Уже в качестве медсестер сотрудники и студенты института продолжали ухаживать за ранеными, неся круглосуточное дежурство в госпиталях, разместившихся в зданиях института [1].

В институте широкое распространение получила донорская деятельность, была создана мастерская по ремонту

армейского обмундирования, несколько раз проводился сбор теплых вещей для солдат и офицеров. В 1942 г. вузу была объявлена благодарность Верховного Главнокомандующего за сбор 100 тыс. р. на постройку боевого самолета “Ярославский пединститут” [2]. Студенты отчисляли средства в фонд постройки подводной лодки “Ярославский комсомолец”.

Война резко ухудшила условия работы института. Уже в 1941 г. ЯГПИ должен был предоставить все свои помещения под госпитали для Красной Армии и лишился как учебной площади, так и общежитий для студентов. Особенно тяжело отразились на работе института неоднократные перемещения и переброски инвентаря, происходившие обычно в спешном порядке. Ранее занимавший два больших корпуса, институт был полностью переведен в учебное здание №2, где разместился на третьем этаже. В учебном здании №1 для учебных целей были оставлены три аудитории и проходная комната. В феврале 1942 г. произошла вторичная переброска ЯГПИ обратно в первое учебное здание, причем с полным освобождением второго учебного корпуса. Однако во время

этого переезда располагаемая институтом площадь еще более сократилась и составляла теперь 3 тыс. м² по сравнению с довоенными 13 тыс. м². Некоторые факультеты перемещались полностью или частично до пяти раз (например, исторический).

Продовольственные проблемы ЯГПИ решал посредством участия в сельскохозяйственных работах на территории совхозов “Новоселки”, “Огородный”, “Красный бор”. Распоряжение Наркомпроса от 24 мая 1942 г. санкционировало создание подсобного хозяйства на базе педагогического института. Однако на протяжении последующих десяти месяцев реальной возможности для этого не предоставлялось. Только в апреле 1943 года удалось добиться выделения крайне запущенного, с истощенной в течение ряда лет поч-

вой вуза, участка на полях совхоза “Красный бор” в 8 километрах от центра Ярославля. Сельскохозяйственные работы требовали огромных сил и терпения. Несмотря на прилагаемые усилия, общее состояние хозяйства не оставляло надежды на обеспечение всех потребностей вуза. Первые посевные работы были проведены крайне неудовлетворительно. Не хватало транспорта: восемь лошадей, имевшиеся в распоряжении отдела рабочего снабжения, безусловно, не могли обеспечить должный уровень организации сельскохозяйственных работ. К осени 1943 г. в ведение подсобного хозяйства поступил трактор, но одновременно с этим оно лишилось трех лошадей. Семена для посадки, оборудование и собранный урожай в основном носили на руках. Автомобилей не было. Большая часть собранной продукции была направлена в столовую вуза. Финансовые итоги работы подсобного хозяйства за 1943 г. оказались печальными: институт не только не получил прибыли, но понес убытки в 135 тыс. р. из-за плохого урожая, истощенности и недостаточной обработки почвы. Компенсируя потерю финансовых средств за счет доходов ботанического сада, руководство института пыталось повысить производительность труда через организацию социалистического соревнования, однако до конца войны подсобное хозяйство по-прежнему оставалось убыточным [3].

Уменьшение учебных площадей, недостаточная пропускная способность лабораторий и кабинетов вынудили изменить в сторону сокращения учебные планы и программы. В 1942/1943 учебном году вуз перешел с трехлетнего на четырехлетнее обучение и, помимо этого, вынужден был выполнять недочитанное в прошедшем году при абсолютно неизменном бюджете времени. Все это приводило к чрезвычайной перегрузке студентов и вынуждало руководство к уплотнению времени лекций и практических занятий. Текущая педагогических кадров мешала выполнению учебных

планов и программ. Необходимость стабилизации расписания привела к организации занятий в две смены. В 1942 г. решением народного комиссара просвещения учебный год был продлен до июля включительно. Несмотря на приложенные усилия, компенсировать утраченные часы в полной мере не удалось. На протяжении 1943 г. ЯГПИ работал уже в три смены: с 8-ми часов утра до половины одиннадцатого ночи при преобладании пятиминутных перерывов. Условия для самостоятельной работы студентов отсутствовали. Все кабинеты были закрыты и превращены в аудиторские помещения. Специальные лаборатории кафедр использовались для учебных занятий, что создавало непреодолимые препятствия для научно-исследовательской работы.

Быстрыми темпами сокращался контингент студентов. Если к 1 июня 1941 г. в педагогическом и учительском институтах числилось 1081 чел., то к 1 сентября – уже 971, а к 1 марту 1942 года остался лишь 461 студент. Основной причиной отчисления, как ни странно, не был призыв в армию. Отчисление в связи с вступлением в ряды Красной Армии коснулось лишь 6 человек. Большая часть студентов вынуждена была прекратить занятия по семейным обстоятельствам либо просто не вернулась к учебе после работ на трудовом фронте (397 чел.), многие были отчислены по причине эвакуации из прифронтовой полосы в отдаленные регионы страны (69 чел.). Наряду с выбытием необходимо отметить и вновь поступивших, приезжавших в Ярославль из учебных заведений, оказавшихся на территории, временно оккупированной фашистами, а также вузов Ленинграда, Москвы и других прифронтовых городов. Благодаря этому общая численность учащихся на протяжении всех военных лет составляла около 1 тыс. чел. Постепенно состав студентов стабилизировался и, достигнув в 1945 г. 1 370 чел., превысил контингент довоенного времени.

Практически неразрешимой оказалась проблема размещения студентов. До октября 1944 г. институт не располагал общежитиями, а потому не мог обеспечить учащихся хотя бы скромной жилплощадью. Единственный выход из сложившейся ситуации виделся в частичной компенсации затрат на проживание. Расселение студентов по частным квартирам осуществлялось на договорных условиях. Согласно заключаемому соглашению ЯГПИ обязался поставить каждому частнику 1 куб. дров, а с сентября-октября 1943 г. руководство вуза установило дотацию в размере 80% от размера квартплаты. Необходимо отметить, что данная инициатива вуза не нашла должной финансовой поддержки со стороны Наркомпроса: утвержденная на 1944 г. смета предполагала минимальную помощь в уплате квартирной платы. При этом студенты-очники ставились в заведомо худшее положение, нежели заочники: если для последних дотация составляла 30 р., то для первых – всего 24 р. [4]. При наличии уже заключенных договоров с частниками институт вынужден был выискивать средства для выполнения возложенных на себя обяза-

тельств, что не всегда удавалось в условиях военного времени. Перебои в обеспечении топливом приводили к тому, что недовольные хозяева отказывали жильцам в кипятке, а то и вовсе “сживали” с квартиры. Тем не менее, число студентов, размещенных по частным углам и квартирам, не уменьшалось и в 1943/1944 учебном году составляло внушительную цифру 693 чел. [5]. Тяжелые материально-бытовые условия, трудности в организации учебного процесса привели к резкому падению успеваемости. За 1941/1942 учебный год абсолютная успеваемость по ЯГПИ составила всего 78,3% [6].

В сфере научной работы доминировали исследования практической направленности, тесно связанные с нуждами фронта и тыла. В целях изучения природных ресурсов Ярославской области был организован ряд геологических экспе-

дий под руководством заведующего кафедрой геологии А.Н. Иванова. Благодаря осуществленным разведкам удалось выявить новые месторождения кварцевого песка и охры. Новый тип запала для зажигательной бутылки был разработан на кафедре химии. Сотрудники кафедры ботаники провели исследования химических свойств сфагнового мха как заменителя ваты. Одновременно предпринимались специальные поездки в Ярославский, Нерехтский, Гаврилов-Ямский районы области для выявления ареалов распространения лекарственных растений. Несмотря на определенные достижения в научной сфере, общий уровень ее развития был далек от приемлемого. Вот как характеризовал положение дел декан факультета естествознания, кандидат медицинских наук, доцент В.В. Петров: “ЯГПИ очень сер и посредствен. Научная жизнь не чувствуется. Научные работники в ряде случаев ничем не отличаются от педагогов средней школы, а многие из них знакомы еще по школе... Нет нового качества, нет духа высшей школы, а есть только вывеска вуза...” [7].

Лишь во втором полугодии 1943/1944 учебного года положение института стало изменяться в лучшую сторону: ЯГПИ наконец-то были переданы освобожденные госпиталем помещения первого учебного здания. Это позволило вернуть часть лабораторий физико-математического факультета в старые помещения, увеличить площадь аудиторий, а также открыть целый ряд кабинетов: педагогики, языка и литературы, истории, иностранных языков. Занятия были вновь организованы в две смены при более удобном графике работы. В октябре 1944 г. институту были возвращены три первых этажа второго общежития. Серьезный прорыв произошел в научной работе вуза. Высвобождение площадей, относительно стабильное функционирование лабораторий, улучшение условий педагогической деятельности позволили завершить целый ряд осуществлявшихся ранее исследова-

ний, подвести итоги многолетних испытаний. Возобновился выпуск “Ученых записок”. Уже в конце 1943 г. вышел второй юбилейный сборник, посвященный естественным наукам. Всего за 1943–1945 гг. институт издал 5 выпусков “Ученых записок” под рубриками: естествознание физика и математика, русское языкознание, педагогика, гуманитарные науки. За этот период было опубликовано 6 брошюр научно-популярного характера и более ста статей в местной печати.

В колоссально трудных условиях, при отсутствии учебных площадей, дефиците топлива и продуктов питания, институт находил силы к организации учебного процесса, научной и общественной работы. За годы Великой Отечественной войны Ярославский педагогический подготовил 1500 высококвалифицированных специалистов. Выпускники вуза пополнили штаты учителей в девятнадцати областях Советского Союза, в том числе в Архангельской, Вологодской, Иркутской, Омской, Ивановской и многих других. На фронтах войны честно и мужественно несли воинскую службу преподаватели и сотрудники, бывшие и будущие студенты ЯГПИ. Несмотря на ряд серьезных неудач, колоссальный ущерб, нанесенный материальной базе и интеллектуальным ресурсам, Ярославский педагогический сохранил потенциал высшего учебного заведения, необходимый для последующего успешного восстановления в послевоенный период.

Библиографический список

1. Государственный архив Ярославской области (ГАЯО). - Ф. 2257.- Оп. 5.- Д. 698.- Л. 2, 4, 9-13, 37.
2. Магарик, Н.Е. К истории высшей педагогической школы в Ярославле [Текст] / Н.Е.Магарик // Ученые записки ЯГПИ.- Ярославль, 1945. - Вып. 5. Педагогика.- С. 35.
3. ГАЯО.- Ф. 2257.- Оп. 5.- Д. 718.- Л. 40; Д. 727.- Л. 9; Д. 748.- Л. 27.
4. Там же. - Д. 727.- Л. 2, 9.

5. Там же. - Д. 718.- Л. 37, 47.
6. Там же.- Д. 748.- Л. 27.
7. Там же. - Д. 710.- Л. 7-8.
8. Там же. - Д. 727.- Л. 47.

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПОЛИТОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИИ

© В.Н. Шеминов (ЯГПУ)

О системном межпредметном подходе к анализу демографической ситуации

Проблема демографии давно привлекла к себе внимание мировой общественности, политиков, практиков, ученых, об ее общезначимости для граждан России сегодня свидетельствует и тот факт, что политические партии страны, получившие наибольшую поддержку избирателей 2 декабря 2007 г. на выборах депутатов Государственной думы РФ, в своих предвыборных платформах, текущих и перспективных планах уделяли особое место вопросам демографии.

Надо полагать, что депутаты Государственной думы нового, пятого созыва, получившие поддержку от 90% всех избирателей страны, принявших участие в выборах, более продуктивно займутся решением демографических проблем.

Эти проблемы находили отражение и в ходе избирательных кампаний по выборам Президента России, а также депутатов многих региональных представительных институтов государственной власти, руководителей местных органов самоуправления.

Различные аспекты демографии изучаются, анализируются, разумеется, не только для того, чтобы констатировать их общий количественный уровень состояния, но и для того, чтобы раскрыть также тенденции и закономерности развития демографических процессов.

Сегодня важно выявить влияние на изменение демографии всей совокупности как объективных, так субъективных факторов и условий.

Эти сложные требования к получению как разносторонней, так и объективной информации, ее оценки и выявленные отношения к ней общественности обеспечиваются прежде всего за счет все более тесной взаимосвязи демографии и социологии, социальной психологии. Целая совокупность используемых в социологии научных исследовательских методов обеспечили возможность в последнее время перейти от описания фактов состояния демографии, изложения большого статистического материала, а также полученных результатов изучения общественного мнения и выявленных ведущих тенденций, закономерностей демографических процессов к их научному объяснению, интерпретации и социальному прогнозированию [3,6].

Социология позволила в полной мере реализовать требования междисциплинарного системного анализа столь актуальной проблемы. Целостная система взаимодополняющих друг друга исследовательских методов как сбора о состоянии демографии, так и комплексного системного ее анализа позволяет сегодня изучать все элементы демографии как в статике, так и в динамике, во всех их внутренних и внешних взаимосвязях и отношениях.

Наконец, изучение социологией демографических процессов, их тенденций и прогнозируемых последствий служит основой социолого-демографического мониторинга. В результате выявляется степень влияния на протекание демографических процессов социально-экономической, общественно-политической, культурно-информационной и других сфер жизнедеятельности общества.

В настоящее время можно утверждать, что значительно повысился качественный уровень управления этими процессами, проводимая работа в этом направлении стала более целенаправленной и результативной, значительно окрепли и организационно оформились партнерские отноше-

ния всех заинтересованных в оздоровлении демографической ситуации субъектов.

Следует отметить, что социологию интересует также и динамика внутренних побуждений, интересы, желания, потребности, мотивы и установки индивидов различных социально-демографических, профессиональных, национально-этнических, религиозных и других социальных общностей и групп. Особое значение уделяется при этом не только изучению их ценностных ориентаций, но и общезначимых результатов поведения и социальных действий. И, что весьма существенно, социология дает возможность получения демографической информации более многосторонней и разнообразной не только в количественных, но и в детальнейших качественных показателях и характеристиках. Социология постоянно пополняет свой банк результатами анализа как объекта информации по стране в целом, так и по регионам, сопоставлениями их количественных и качественных показателей, поскольку имеются существенные различия не только в природно-климатических условиях, но и в характере, например, воспроизводства населения.

Стало возможным получать достоверную демографическую информацию, свободную как от преднамеренных искажений, так и от неточностей, связанных с техникой и спецификой ее сбора и анализа. Поэтому использование в исследовании демографических факторов целостной системы социологических и социально-психологических методов наряду с другими позволило сегодня перейти от их общей статистической характеристики к более широкой и глубокой интерпретации, научному объяснению и прогнозированию.

Стал возможен также при этом более действенный и регулярно проводимый социальный контроль за изменениями демографии, а также общественная независимая экспертиза различных ее аспектов и направлений, конкрет-

ных результатов. Это тем более важно, что статистика и многочисленные научные исследования, проведенные в последние годы как в рамках страны, так и в отдельных регионах, в том числе и в Ярославской области, показывают, что демографическая ситуация в стране, при целом ряде позитивных моментов, остается весьма сложной.

Однако россияне не склонны драматизировать демографическую ситуацию в стране. Так, соглашались с оценкой ее как «демографическая катастрофа» лишь 15% опрошенных, хотя и нормальной признают положение в этой сфере всего 7%. Большая часть опрошенных предпочитает более сдержанную оценку. Так, рассматривают ее как тревожную 42% и кризисную соответственно 34%. При этом оценки положения с демографией в стране несколько критичнее, чем ситуации в конкретных регионах и поселениях, пунктах респондентов, участвующих в социологических опросах [7].

Так, за последние годы в демографическом развитии Ярославской области наблюдаются некоторые положительные тенденции: несколько увеличилась рождаемость, а также несколько замедлились темпы роста как общей смертности, так и, в частности, младенческой и материнской. Прослеживается тенденция увеличения количества заключенных браков, несколько снизилось число разводов, а также острота эпидемиологической обстановки в молодежной сфере. В области сохраняются положительные тенденции предыдущих лет в организации отдыха и оздоровления детей.

Однако в целом демографическая ситуация в регионе остается весьма острой и характеризуется рядом негативных тенденций: депопуляцией, старением населения, высоким уровнем преждевременной смертности, значительным уровнем заболеваемости.

Исследования показали, что граждан беспокоит низкий уровень рождаемости (9,4 на 1000 человек населения) и

высокий уровень общей смертности (18,2 на 1000 человек населения). Сокращение населения имеет, к сожалению, долговременный и устойчивый характер. Низкая продолжительность жизни в сочетании с естественной убылью населения – основные факторы, определяющие снижение численности населения. Уровень смертности более чем в два раза превышает уровень рождаемости.

Ситуацию осложняет кризис семейно-брачных отношений и репродуктивных функций молодых семей. Остается высокой нестабильность браков.

По данным социологического опроса, в молодежной среде доминируют установки на малодетные семьи (1-2 ребенка).

Исследователями зафиксировано распространение за последние годы такого явления среди молодежи, как сожительство без юридического оформления брака. В регионе высокие показатели внебрачной рождаемости [8,9]. Имеются и другие серьезные негативные явления, влияющие на общее состояние демографии в области.

Одним словом, демографическая ситуация в России и ее регионах требует все более целенаправленного не только внимания, но и оперативного регулярного вмешательства законодательной и исполнительной власти на всех ее уровнях в процессы стабилизации демографических процессов. В последнее время принят ряд законодательных актов как на федеральном, так и региональном уровнях, в том числе и в Ярославской области, по оздоровлению демографических процессов. Решению этой задачи служат принятые в стране приоритетные национальные проекты: «Здоровье», «Доступное и комфортное жилье – гражданам России», «Образование» и «Развитие агропромышленного комплекса».

В послании Федерального собрания 12 мая 2006 г. Президент РФ назвал демографию самой острой проблемой

современной России. В документе намечен ряд мер по ее оздоровлению: обеспечение достойного уровня и качества жизни людей, их здорового образа жизни, роста ценности семьи и детей, повышения ценности человеческой жизни [1].

Не вызывает сомнения то, что демографическая ситуация требует дальнейших согласованных действий как государственных, так и всех гражданских институтов общества, социально ориентированного бизнеса.

Наконец, целесообразно формирование общественно-го мнения, адекватного целям и задачам оздоровления демографической ситуации и формирования соответствующего нравственно-психологического климата в стране и в каждом регионе.

Библиографический список

1. Российская Федерация. Президент (2006 – 12 мая; В.В.Путин). Послание Президента Российской Федерации Федеральному собранию Российской Федерации [Текст] - М., 2006.
2. Грушин, Б.А. Мир мнений и мнение о мире [Текст] / Б.А.Грушин. - М., 1967.
3. Корабейников, В.С. Пирамида мнений. Общественное мнение: природа и функции [Текст] / В.С. Корабейников. - М., 1981.
4. Гавра, Д.П. Формирование общественного мнения: ценностный аспект [Текст] /Д.П.Гавра. - СПб, 1995.
5. Гавра Д.П. Общественное мнение как социологическая теория и как социальный институт [Текст] / Д.П.Гавра. - СПб, 1995.
6. Бестужев-Лада, И.В., Намесникова, Т.А. Социальное прогнозирование [Текст] /И.В.Бестужев-Лада, Т.А.Намесникова. - М., 2002.

7. Интерактивная статистика. Всероссийский опрос ВЦИОМ, ноябрь 2006.

8. Молодежная политика в Ярославской области [Текст]: сборник информационно-аналитических и нормативных материалов / отв. ред. Л.М. Андреева. – Ярославль, 2007.

© Л.Н. Талызина (ЯГПУ)

Город как целостная социальная система

Сегодня большая часть населения развитых стран живет в городах. Город представляет собой доминирующую форму организации социальной жизни, поэтому является важнейшим объектом изучения для социологии. Он воплощает в себе определенный тип социальности, разнообразные виды деятельности, связанные в единую саморазвивающуюся систему; интегрирует различные типы пространств: экономического, делового, социального, исторического, культурного, архитектурного, экологического и др. [3]. От того, насколько гармонично связаны между собой сферы жизнедеятельности индивида, зависит его социальное самочувствие, накал напряженности и конфликтности, уровень преступности в городе, привлекательность для инвесторов и мн. др. Город как среда жизнедеятельности человека реализует важнейшую интегрирующую функцию - функцию социального развития человека, населения.

Современный город предоставляет индивиду возможность профессионального самоопределения, образовательного роста, выбора культурного досуга, ориентирует на поиск внутренних ресурсов, стимулирует здоровое честолюбие, состязательность, умение налаживать коммуникации, уважать разнообразие вкусов, стилей, интересов и считаться с ними.

Но индивиду также приходится бороться за признание себя как личности, а не только рабочей силы, отстаивать свое место в разных типах городского пространства, преодолевать анонимность и неизбежную поверхностность разнородных контактов, социальную обезличенность.

Город диалектически соединяет в себе достоинства цивилизации и издержки урбанизации. Наверное, особенно остро это ощущают на себе молодые люди, находясь в возрасте, самом благоприятном для социализации. Исследования восприятия города молодежью обозначили проблемы, с которыми сталкиваются молодые люди. Их беспокоит качество проводимой государством социально-экономической политики, что сказывается на уровне жизни в городе, необеспеченность базовой потребности в безопасности, нарушение законов. Пространство города может восприниматься как опасное для жизни и психического здоровья.

Молодые люди испытывают отрицательные эмоциональные переживания по поводу нежелательного социального опыта, приобретаемого в городе (грубость, хамство, угроза ограбления, мошенничества, изнасилования, вовлечения в религиозную секту и др.) [4. С. 253]. Часть молодежи отмечает коммуникативные трудности, страдает от одиночества, неумения выстроить прочные отношения с противоположным полом. Субъективные психологические опасения связаны с обезличенностью социального общения, невозможностью справиться с проблемами собственными силами и отсутствием знаний о том, куда можно обратиться, кто окажет помощь в сложной ситуации.

Подстерегающие в городе опасности могут повлиять на формирование у молодых людей установки на недоверие к миру взрослых, агрессивности среды обитания и способствовать выработке механизмов защиты, выходящих за рамки закона.

Но насколько молодежь, а особенно приезжая, реализует заложенный в городе и его образе жизни позитивный потенциал? Опросы, проведенные учеными в г. Твери, показали, что молодежь чаще посещает кафе, рестораны, парикмахерские, ателье, поликлиники, но ею слабо освоены музеи, выставки, театры, концерты и даже спортивные объекты [5]. Разумеется, освоение социального пространства города напрямую связано с уровнем жизни и доходов, потребностями и способами организации досуга и общения.

Вопрос можно поставить в иной плоскости. В какой степени городская среда, ее архитектурное и цветовое решение, размещение рекламы, зеленых зон, грамотное использование исторического наследия стимулирует эстетические и культурные запросы, учитывает демографические характеристики горожан (пол, возраст, семейное положение). Социологи, психологи давно сделали вывод о влиянии застройки, наличия/отсутствии/ малых архитектурных форм, цвета зданий, существовании открытых пространств на субъективное ощущение комфорта, стрессоустойчивость, уровень межличностной неприязни, агрессии.

Из этого вытекают социальные последствия так называемой точечной застройки в центре города, связанные с сокращением личного пространства, скученностью, столкновением разных социальных слоев, моделей поведения.

Отличительной особенностью города является пространственная дифференциация по социальным и экономическим критериям. Она трансформируется намного медленнее, чем происходят политические, социальные, экономические изменения. Инфраструктура города, особенно центра, переориентируется на деловую элиту и не очень стремится обслуживать повседневные нужды жителей, что оборачивается превращением "местных" в "чужие", "население" вытесняется "штатом", а люди – машинами [1. С. 22, 27].

Город делится на зоны по своим функциональным назначениям: место работы, проживания, управления, отдыха, имеются деловые и спальные районы. При рациональном планировании важно учитывать, как эти зоны сочетаются, каковы мотивы проживания, как разнообразие видов деятельности и социальных групп сказывается на социальном поведении и особенностях социализации.

Все более значимую роль в характеристике города и его потенциала играет осознание процесса синтеза социального и природного. Это гибридное пространство, сочетающее искусственно созданный мир и естественный, социальный и культурный. Эту социоприродную связность города понимают как соединение власти природы с классовыми, этническими, гендерными отношениями, которые порождают целый ряд неравенств, особое положение меньшинств и определяют содержание социальных и политических процессов в городе [2. С. 56].

Городское население стратифицируется по средствам доступа к здоровой окружающей среде, местам отдыха, чистым продуктам питания, экологической информации, участию в принятии экологически значимых решений. Понятия "охрана природы" и "охрана человека" все больше сближаются. Социально-экологические исследования городской среды анализируют влияние производственной деятельности на стиль потребления, социальные практики, репродуктивные функции, здоровье, качество жизни. Принимаются во внимание социальные последствия экологических проблем, например, закрытие "грязных" предприятий, потеря рабочих мест, необходимость переобучения работников, изменение рейтинга политических партий и лидеров, выражающих суждения по вопросам экологии.

Давление городской среды на индивида возрастает. Все больше машин на дорогах, парковок вместо парков и газонов, назойливой рекламы на улицах, люди постоянно го-

ворят по мобильной связи, происходит сокращение зон тишины и покоя. Это плата за урбанизированный образ жизни.

Сложность и многогранность происходящих в городе процессов возрастает. Идущие в России экономические и социальные реформы приводят к структурированию городского пространства по ранее для нас неизвестным основаниям. Российское общество столкнулось с новыми явлениями, радикально изменившими ключевые процессы развития городов. Жить в городе трудно, но интересно. Все настоятельнее звучит мысль о том, что социальное самочувствие, удовлетворенность людей местом жительства, возможность реализовать свои не только материальные, но и духовные потребности, совершенствование внутреннего мира становятся определяющими факторами в создании благоприятной жизненной среды.

Город, создающий условия инновационной активности, динамики, вертикальной восходящей мобильности, обеспечивает собственную систему поддержания устойчивости и порядка. Социальный комфорт выступает как показатель качества жизни.

Библиографический список

1. Глобализация и глобальный город: исследования Саскии Сассен [Текст] // Социальные и гуманитарные науки: реферат. журн. Серия: Социология.-2006.- №2.
2. Исследование города в XX в.: многообразие познавательных и управленческих практик [Текст] //Социальные и гуманитарные науки: реферат. журн. Серия: Социология.-2007.- №2.
3. Пирогов, С.В. Социология города [Текст]. - М., 2004.
4. Черникова, Т. Отдых на асфальте: какие опасности он таит [Текст] / Т.Черникова // Народное образование.-2004.- №3.

5. Яковлева, С.И. Инфраструктурные параметры организации социального пространства города [Текст] / С.И.Яковлева //Социологические исследования.- 2004.- №2.

© И. А. Мамзелев (ЯГПУ)

Региональные теледебаты на выборах в Госдуму РФ в 2007 году (по материалам Ярославской области)

Теледебаты – давно утвердившийся атрибут демократических выборов. Они являются одной из форм участия партий в выборах и инструментом донесения предвыборной программы до избирателей. В настоящее время в России теледебаты не пользуются популярностью как среди политических акторов, так и среди зрителей. В эпоху «суверенной демократии» и наиболее влиятельный ньюсмейкер страны президент В. Путин, и «Единая Россия» последовательно отказываются от участия в теледебатах во время выборов. Соответственно, такое поведение политиков не может не сказаться на интересе избирателей к данной процедуре: по данным опроса ВЦИОМ 17-18 ноября 2007 г., доля респондентов, не видевших партийные дебаты, составила 74-87% [2].

Между тем в странах, где теледебаты применяются давно, они показали, что обладают широкими возможностями для манипуляций, недоступных другим формам предвыборной борьбы [1. С. 243-245; 3]. Изучение теледебатов позволяет более полно оценить коммуникативные стратегии партий, использующих возможности данной формы предвыборной борьбы. В условиях пропорциональной избирательной системы теледебаты очеловечили предельно абстрактную борьбу партий, представленных невнятной идеологией и многоликими списками с подчас ничего не говорящими именами. Избиратели Ярославской области смогли ознако-

миться с кандидатами, выдвинутыми от региона в Госдуму РФ, увидеть их в свободной, спонтанной ситуации, поставленных в равные условия, не зависящих от их политического веса в регионе. На выборах, характеризовавшихся беспрецедентным применением административного ресурса, теледебаты стали одной из самых демократичных форм ведения борьбы с точки зрения близости кандидатов к электорату.

В Ярославской области жеребьевка, определяющая порядок участия региональных отделений партий, участвующих в выборах в Государственную Думу РФ, состоялась 31 октября. Дебаты проходили в рамках передачи «Выборы-2007» на телеканале ГТРК «Ярославия» с 6 по 30 ноября. Из 11 представленных в области партий семь - Аграрная партия России (АПР), «Гражданская сила» (ГС), Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), «Союз правых сил» (СПС), «Партия социальной справедливости» (ПСС), «Справедливая Россия» (СР), «Патриоты России» (ПР) – приняли участие в дебатах, используя все время, определенное жеребьевкой. «Единая Россия» (ЕР) и Демократическая партия России (ДПР) от участия в дебатах отказались. Представители ЛДПР два раза не являлись в студию, а затем также оформили отказ. Три раза уклонялась от участия и Российская объединенная демократическая партия «Яблоко». Таким образом, только в 8 из 19 передач «Выборы-2007» в студии присутствовал полный состав участников, 8 раз в дебатах участвовала только одна партия. На дебатах с участием коммунистов ни разу не появились их оппоненты. 8 ноября на дебаты между «Единой Россией» и «Яблоком» не явился ни один участник, вследствие чего передача не состоялась.

Все партии, за исключением «Яблока», представителем которой на дебатах стал член регионального политсовета В. Козловский, показали лидеров своих региональных списков или, по крайней мере, членов региональных «троек» кандидатов. Коммунисты сначала сделали ставку на своего

самого «боевого» кандидата, второго секретаря обкома партии А. Воробьева, однако затем по очереди показали зрителям всю региональную «тройку». Наиболее запоминающимися были выступления А. Воробьева, пришедшего в студию в форме капитана первого ранга.

От «Справедливой России» в дебатах неизменно участвовал депутат Госдумы РФ А. Грешневиков. Его речь отличалась жесткостью и критичностью, много времени он уделял описанию хода избирательной кампании и давления на «Справедливую Россию». Отличительная черта его выступлений – ярко выраженное личностное начало: он часто упоминал, что «всегда голосовал так, как велит ему избиратель», что долго работает в Госдуме РФ от Ярославской области, что хорошо знаком ярославским избирателям, что является автором ряда законопроектов и т.д.

Еще одной яркой фигурой региональных теледебатов на этих выборах был лидер регионального списка «Партии социальной справедливости», бывший депутат муниципалитета Ярославля А. Симон. Основой его выступлений стала критика «Единой России» и лично мэра Ярославля В. Волончунаса. Речь А. Симона была несдержанной, хотя он прилагал немало усилий для ее смягчения. Внешний вид кандидата производил впечатление некоторой потрепанности, что не способствовало убедительности его выступлений.

Остальные участники дебатов основной акцент в своих выступлениях сделали на разъяснении программных пунктов выдвинувших их партий. Выступления лидера регионального списка Аграрной партии России В. Шамина были довольно критичными, на вопросы ведущего он отвечал охотно, однако сам инициативы в обсуждении не проявлял. Представитель «Гражданской силы» С. Балабаев отличался сдержанностью и вежливостью. Заявления руководителя регионального отделения «Союза правых сил» Я. Юдина были довольно жесткими, но односложными. «Патриотов

России» в региональных теледебатах сначала представлял профессор Ярославской военно-финансовой академии В. Кандыбо, который затем сменился председателем областного союза офицеров запаса Н. Новосельцевым. Выступление представителя «Яблока» В. Козловского было наименее эффективным: он сидел на стуле, откинувшись на спинку, отвечал вяло, невнятно и бессодержательно и сразу заявил, что «успеха "Яблока" на выборах не будет», чем лишил смысла все свои дальнейшие немногие слова.

Следует заметить, что организаторы практически исключили конфликтную составляющую дебатов, превратив их в обсуждение предлагаемых ведущим А. Лебедевым вопросов. Дискуссии между участниками состоялись только на дебатах с участием представителя «Патриотов России» В. Кандыбо. Первые дебаты между «Справедливой Россией» и «Патриотами России» прошли остро. В дальнейшем участники, даже представляя полярно противоположные партии, старались избежать серьезных споров и даже подчеркивали солидарность друг с другом.

Вследствие этого не представляется продуктивным анализировать дебаты с точки зрения противостояния представителей партий. На первый план выходит анализ репрезентации кандидатов и предвыборных программ.

Таблица 1

Темы региональных теледебатов 2007 г.

Обсуждавшиеся темы	АПР	ГС	КПРФ	СПС	ПСС	СР	ПР	«Яб-локо»	Итого
Сельское хозяйство	3 (2+/1-)*		3 (2+/1-)	1(1-)		4 (2+/2-)	1(1-)		12 (6+/6-)

Демократия, ответственность государства перед обществом			2 (2+)	1(1+)	4 (2+/ 2-)	1(1-)			2 (1+/-)	10 (6+/-)
Цены на социально значимые продукты	3(3+)	1(1+)		2(2-)	1(1-)		1(1-)		2 (1+/-)	9 (5+/-)
Здравоохранение	1(1+)			2(2+)			3 (2+/-)			6 (5+/-)
Экономика и производство				2(2+)			2(2-)		2(2+)	6 (4+/-)
Образование	1(1+)			2(2+)			2 (1+/-)			5 (4+/-)
Строительство жилья				2(2+)			3 (2+/-)			5 (4+/-)
Зарплата	1(1+)			3 (2+/-)					1(1+)	5 (4+/-)
Коррупция				2(2-)		1 (1+)	1(1+)		1 (1+)	5 (3+/-)
Пенсии и льготы				2(2+)			1(1-)			5 (3+/-)
Формирование бюджета						1 (1+)			2 (2+)	3(3 +)
Налоговая система		2 (2+)		1 (1+)						3 (3+)
Демографический кризис				2 (2+)			1 (1+)			3 (3+)
Развитие парламентаризма	1 (1+)						2 (1+/-)			3 (2+/-)
Приватизация									2 (2+)	2 (2+)

Судебная система			2 (2+)						2 (2+)
Местное самоуправление			1 (1+)			1 (1-)			2 (1+/-)
Газификация	1(1-)					1(1+)			2 (1+/-)
Тарифы и услуги ЖКХ		1(1+)	1(1-)						2 (1+/-)
Потребительская корзина	1(1+)		1(1-)						2 (1+/-)
Развитие малого и среднего бизнеса		1 (1+)					1 (1+)		2 (2+)
Преступность			2 (1+/-)						2 (1+/-)
Федерализм				1 (1+)					1 (1+)
Итого	12 (10+/-)	7(7+)	31 (22+/-)	10 (5+/-)	2 (1+/-)	22 (11+/-)	12 (10+/-)	2 (1+/-)	

* Примечание: цифра, стоящая перед скобкой, означает количество упоминаний данной темы в ходе дебатов. В скобках представлено количество упоминаний темы с последовавшими предложениями по улучшению ситуации (цифра с положительным знаком) и количество упоминаний, целью которых было только выражение отношения, преимущественно негативного, кандидата к проблеме (цифра с отрицательным знаком).

В целом выступления на прошедших региональных дебатах можно охарактеризовать как оппозиционные и преимущественно левые по идеологии, поскольку из семи участвовавших партий только две представляли правую часть идеологического спектра (СПС и «Гражданская сила»). «Патриоты России» эксплуатировали в общем-то право-консервативные идеи патриотизма и великодержавности,

однако заявили о себе как о социал-демократической партии.

В табл. 1 представлены обсуждавшиеся проблемы, которые послужили основой для предвыборных заявлений партий, сделанных в ходе дебатов. Следует иметь в виду, что кандидаты акцентировали свое внимание на данных темах не только по своей воле, но и по инициативе ведущего, навязывавшего те или иные вопросы для обсуждения. Из данной таблицы можно увидеть, что наиболее активно обсуждались состояние сельского хозяйства, вопросы демократии и отношений общества и государства, а также тема недавнего роста цен на продукты и возможностей исправить положение. Анализ позволяет выделить темы, характерные для левых и правых партий. Так, сельское хозяйство, рост цен на продукты питания, здравоохранение, развитие экономики и производства, образование, строительство жилья, повышение зарплат, борьба с коррупцией – темы, обсуждавшиеся преимущественно левыми партиями. Для риторики правых было характерно обсуждение вопросов демократии и отношений общества и государства, а также проблемы федерализма (СПС). Сельское хозяйство и рост цен также стали темами, наиболее часто вызывавшими недовольство политиков без предложения мер по улучшению ситуации.

В процессе анализа были выявлены также партии, чаще всего акцентировавшие свое внимание на социально-экономических проблемах в процессе дебатов. Ими оказались КПРФ и «Справедливая Россия». Представители данных партий выразили свою позицию практически по всем обсуждавшимся вопросам. Одновременно они высказали наибольшее количество суждений без предложения методов решения проблемы. Наиболее часто содержали намерение решить проблему выступления Аграрной партии России, «Гражданской силы» и «Патриотов России».

С другой стороны, проблемы, отношение к которым стало стержнем идеологии и предвыборных программ партий, не исчерпывают содержание дебатов. Так, ведущий два раза навязывал обсуждение распада СССР и реформ 90-х гг. лидеру регионального списка СПС Я. Юдину.

Представитель «Партии социальной справедливости» А. Симон построил свои выступления на атаке личности мэра Ярославля В. Волончунаса. В подтверждение своих оценок он привел ряд фактов (дело о мусорном заводе, ликвидация второго трамвайного маршрута, отсутствие поликлиники в Дзержинском районе города), однако в целом выражения А. Симона (В. Волончунас «ведет себя с городом совершенно не дружественно», «осточертел всем хуже горькой редьки») были скорее эмоциональны, экспрессивны и выглядели недостаточно обоснованными.

В целом, несмотря на практически полное устранение противостояния между дебатующими оппонентами, сами дебаты не были лишены конфликтного начала. В роли врага чаще всего выступала отсутствовавшая «партия власти». Наибольшие усилия для критики «Единой России» приложили представители «Справедливой России» (А. Грешневиков) и «Партии социальной справедливости» (А. Симон). А. Грешневиков назвал единороссов «коррупцированными чиновниками», «трусами» (отказались от дебатов) и «импотентами» (не могут реализовать ни одну программу). А. Симон, помимо употребления экспрессивных выражений, привел выдержки из обращения руководителей области и депутатов областной Думы к председателю Госдумы РФ и лидеру «партии власти» Б. Грызлову, в котором секретарь регионального политсовета партии Н. Тонков обвинялся в кризисном положении дел в региональном отделении «Единой России». А. Симон умолчал, что обращение это было подано в начале 2006 г., вследствие чего сложи-

лось ложное впечатление о состоянии «Единой России» во время выборов в Госдуму РФ пятого созыва.

Даже «Гражданская сила», которая, по слухам, была создана кремлевскими политтехнологами, чтобы отнять часть голосов у СПС, и на федеральном уровне никак себя не позиционировала по отношению к «Единой России», на ярославских теледебатах попыталась сыграть на антирейтинге «партии власти». Представитель «Гражданской силы» С. Балабаев 30 ноября объявил о махинациях ярославских властей с тарифами на свет и тепло, из-за которых каждая семья, по его словам, переплатила за тепло 10-20 тыс. р. Это произошло, по мнению С. Балабаева, «под контролем и руководством регионального отделения "Единой России"».

С другой стороны, КПРФ, которая представляет собой ортодоксальную оппозицию «партии власти», упоминала ее сравнительно мало. Выступления коммунистов были во многом направлены против ЛДПР, особенно против предвыборного лозунга «Не врать и не бояться!». Наиболее позитивными, то есть не содержащими критику властей, следует признать выступления Аграрной партии России (В. Шамин) и «Патриотов России» (В. Кандыбо и Н. Новосельцев).

Таким образом, проведенный анализ теледебатов во время выборов депутатов Госдумы РФ пятого созыва в Ярославской области позволил выявить следующее. Во-первых, теледебаты дали возможность выразить свою позицию оппозиционным партиям, в силу нехватки средств и в ряде случаев противодействия СМИ испытывающим потребность в такого рода трибуне. Во многом участие в теледебатах оказалось перспективной формой предвыборной борьбы, так как позволило представить избирателям лидеров региональных списков и использовать преимущества живого общения. Между тем в дебатах не участвовали партии, региональные кандидаты которых не могли надеяться на известность избирателям (ДПР и «Яблоко»).

Во-вторых, в целом выступления участников теледебатов были ориентированы на презентацию партийных предвыборных программ избирателям. КПРФ и «Справедливая Россия» чаще остальных эксплуатировали социально-экономическую проблематику. Больше других обсуждались такие актуальные вопросы, как состояние отечественного сельского хозяйства и рост цен на продукты питания. Эти же темы стали наиболее характерными для партий левой политической направленности. Правые же партии чаще всего обсуждали тему отношений общества и государства.

В-третьих, следует отметить, что богатые возможности теледебатов не были использованы в полной мере. Значительно бы обострили дебаты обмен вопросами между участниками, а также ответы на вопросы избирателей, заданные в прямом эфире или полученные по почте. Это, в свою очередь, подогрело бы интерес зрителей и, будь теледебаты поставлены в более удобное время, сделало бы дебаты более весомым фактором электорального поведения.

Библиографический список

1. Гринберг, Т.Э. Политические технологии: ПР и реклама [Текст]: учеб. пособие для студентов вузов / Т.Э. Гринберг. - М.: Аспект Пресс, 2006. – 317 с.

2. Партийные теледебаты: победители и проигравшие. - Пресс-выпуск ВЦИОМ №817.
<http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/9216.html>

3. Сороченко, В. Теледебаты как избирательная технология. <http://www.psyfactor.org/debaty.htm>

© Е.А. Пелёвина (ЯГПУ)

Политические технологии в избирательных кампаниях

В сфере политики, к которой относятся и выборы, значительная доля процессов отличается традиционностью

и повторяемостью. В рамках таких процессов политические субъекты ориентированы на реализацию стандартного перечня целей, их действия до определённой степени стереотипны, а решаемые задачи - типичны. Следовательно, появляется возможность таких же стандартных способов решения этих задач, которые и обозначаются термином "политические технологии".

Политические технологии находят применение в различных политических процессах, среди которых особое место занимает избирательный процесс. Это связано со значением института выборов для функционирования демократической политической системы. В то же время избирательная кампания отвечает всем тем условиям, которые делают возможным использование политических технологий. Политические технологии в целом не относятся к разряду уникальных. В выборах различных институтов власти, любого уровня и в разных странах используются одни и те же апробированные приёмы. Но при этом необходимо соблюдать одно условие: эти приёмы должны быть адаптированы применительно к конкретной электоральной ситуации, должны использоваться с учётом специфики избирательной системы и национальных или местных политических, социально-экономических, культурных особенностей.

Политические технологии ассоциируются, прежде всего, с выборами. Судьба избирательной кампании решается гражданами, которые свободны в своём выборе. У кандидата и его команды, у политической партии нет законных инструментов, с помощью которых можно было бы заставить гражданина прийти на избирательный участок и проголосовать должным образом. Соответственно, влияние, которое может быть оказано на избирателя, строится не на принуждении, а на убеждении, внушении, подражании. Это позволяет рассматривать политические технологии, используемые в избирательных кампаниях как воплощение ин-

формационного воздействия. Учитывая специфику данных технологий, их принято выделять как избирательные технологии.

Избирательные технологии - это совокупность средств, способов, приёмов организации и проведения избирательной кампании, направленных на достижение предвыборных целей кандидата или партии в конкретной электоральной ситуации.

Всё многообразие технологий информационного воздействия сводится к двум типам: маркетинговым и немаркетинговым.

Технологии маркетингового типа предполагают информационное воздействие, которое строится в соответствии с предпочтениями потребителей и ориентировано на их удовлетворение более эффективным, чем у конкурентов, путём.

Применение этих технологий имеет смысл лишь в рамках политического рынка, представляющего собой пространство, на котором происходит обмен политических товаров и услуг на голоса избирателей, лояльность и поддержку граждан. Главным признаком традиционного рынка является конкуренция. Этот признак характерен и для рынка политического. Необходимым условием использования маркетинговых технологий является наличие конкуренции, то есть соревнование за потребителя и первенство в реализации предлагаемого продукта. Избирательная кампания, связанная с борьбой за властные позиции, - это всегда арена конкурентного соперничества. А если есть конкуренция, значит, есть и проблема сбыта.

Кроме того, рыночный подход к политике предполагает наличие у граждан свободного альтернативного выбора между конкурирующими предложениями. Более того, первоначально гражданин решает вопрос, есть ли у него вообще потребность в предлагаемых "политических това-

рах", то есть избиратель, прежде чем выбрать конкретного кандидата, решает, голосовать ли ему вообще.

Итак, когда конкурирующие политические субъекты сталкиваются с проблемой сбыта своего продукта, а граждане имеют возможность свободного альтернативного выбора, залогом успеха становится изучение потребностей потребителей "политического товара". На этом и строится маркетинговый подход к политическим взаимодействиям.

Маркетинговый подход к политике в целом и к проведению избирательных кампаний в частности строится на основе изучения потребностей, мотиваций, ценностей, установок потребителей. Это фундаментальное, но не единственное направление исследовательской деятельности в рамках политического маркетинга. Условием элективного продвижения предлагаемого продукта является также изучение конкурентов и политических, социально-экономических, правовых, социокультурных особенностей, характерных для данной конкретной ситуации.

Политический маркетинг - это основанная на изучении рынка система информационного воздействия на него с целью обеспечения поддержки граждан. Широко используемые в современных политических взаимодействиях политическая реклама и формирование имиджа политика - классические примеры технологий маркетингового типа.

Технологии немаркетингового типа предполагают информационное воздействие, которое игнорирует потребности получателя информации и отличается монологическим характером.

Применение технологий маркетингового типа изначально ориентировано на то, что граждане различаются по своим убеждениям, ценностям, ориентациям, интересам, и это следует расценивать как данность. Соответственно, предлагаемый избирателям продукт должен соответствовать их предпочтениям. Технологии же немаркетингового типа

стремятся к унификации политического поведения и мышления граждан, они строятся на убеждении людей в правомерности взглядов и позиций, внедряемых в их сознание субъектом воздействия.

Кроме того, для этих технологий свойственно стремление к определённой монополизации политического пространства. В предельном варианте там, где используются технологии немаркетингового типа, конкуренции места нет. Эффективность этих технологий во многом определяется тем, что индивид лишается возможности усомниться в справедливости предлагаемых идей, ценностей, установок, моделей поведения.

Классические примеры технологий немаркетингового типа - пропаганда и агитация. Между ними существует тесная взаимосвязь: и та, и другая направлены на формирование позитивного отношения населения к тем или иным представлениям и ценностям, закрепление их в сознании граждан. Основное различие заключается в том, что агитация в большей степени ориентирована на побуждение поведенческой активности.

В избирательных кампаниях используются технологии обоих типов. Осуществляемое с помощью маркетинговых технологий информационное воздействие не лишено пропагандистских или агитационных приёмов. Масштабная избирательная кампания кандидата или политической партии неизбежно сопряжена с пропагандистским или агитационным воздействием. И всё же в силу краткосрочности избирательной кампании более эффективно для достижения успеха не ломать, а использовать сложившиеся предпочтения.

Однако наряду с развитием политического маркетинга в современной России гораздо более быстрыми темпами развивается антимаркетинг, в основе которого лежат анти-технологии. К сожалению, это привело к тому, что даже тер-

мин "политические технологии" воспринимается многими как синоним мошенничества и нечистоplotности.

В период последних парламентских и президентских выборов в нашей стране наиболее часто применяются следующие антитехнологии:

- подкуп избирателей, несмотря на запрет в законе;
- угрозы, шантаж соперников, вплоть до захвата в заложники членов семей и убийства;
- регистрация кандидатами подставных лиц, двойников;
- использование денежных средств помимо избирательного фонда;
- фальсификации при сборе подписей;
- распространение агитационных материалов, оформленных с нарушением закона;
- агитация в день выборов; и др.

Представители органов государственной власти и местного самоуправления также нередко нарушают избирательное законодательство. Среди наиболее распространённых нарушений можно назвать следующие:

- стремление не допускать в состав избирательной комиссии представителей оппозиционных избирательных объединений и блоков;
- назначение доверенными лицами государственных и муниципальных служащих;
- использование государственных средств массовой информации для агитации за кандидатов, находящихся на государственной или муниципальной службе;
- использование органов социального обеспечения для агитации среди пенсионеров;
- организация массового голосования на дому с целью повлиять на результаты выборов, использование открепительных талонов с той же целью.

Эти и другие способы использования рычагов власти объединяются понятием "административный ресурс".

Использование административного ресурса на последних президентских выборах, по оценкам наблюдателей, возросло до 15%. Международные комментаторы выразили обеспокоенность высокими, как им показалось, показателями явки, за которыми они заподозрили подтасовку итогов голосования. Отмечается также несправедливое освещение в СМИ деятельности кандидатов и огромная разница стоявших за ними ресурсов.

Однако большинство политических аналитиков приходят к выводу, что существенная часть избирателей действительно поддерживает действующую власть, так как считает улучшение условий жизни её заслугой. В то же время другие кандидаты и партии не смогли представить достойную альтернативу.

Таким образом, политические технологии являются необходимым элементом избирательной кампании. Отказ от профессиональной организации избирательной кампании даже на местном уровне означает политический суицид даже для самого опытного политика.

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОЛОГИИ

© В.В.Добродеев (ЯГПУ)

Проблемы перевода Священного Писания Ветхого Завета

Мы живем в эпоху мирового воинствующего безбожия, и поэтому любые усилия, направленные на поиск истины, являются важными. Проблема преемственности Ветхого и Нового Заветов является центральной проблемой Христианской экзегетики. И филологическая герменевтика текстов теснейшим образом связана с богословскими сотериологическими задачами. Главное – судьба пророчеств об Иисусе Христе в древнейших текстах – греческой Септуагинте (ГС) и текстах масоретской Библии (МБ), с которых (особенно с последней) сделано большинство переводов Священного Писания Ветхого Завета (СПВЗ).

Даже поверхностное сравнение текстов Церковнославянской Библии (ЦСБ) и текстов Библии на русском языке в синодальном переводе (СБ), которой мы все сейчас и пользуемся, приводит к пониманию, что они выполнены с разных источников. В первую очередь это касается библейской хронологии. Так, например, Адам родил Сифа в 130 лет по СБ, а по ЦСБ – в 230 лет. Соответственно Сиф родил Эноса в 105 и в 205 лет, Энос родил Каинана в 90 и 190 лет и т.д. В итоге Великий Потоп был соответственно в 1656 и в 2262 гг. Аврам умирает по СБ в 2123 г., а по ЦСБ в 3509 г., Моисей – в 2488 и в 3880 гг. Исход евреев был в 2488 и в 3839 гг. Искажены времена Судей и Царей. Вавилонский плен – в 3527 и в 4913 гг., а возвращение из Вавилона – в 3297 и в 4983 гг. от сотворения Адама. Святое Благовещение тогда получается по СБ в 3753 г., а по ЦСБ в 5508 г.

Это очень существенные разночтения. Ведь получается, что, по данным СБ, Потоп был гораздо позже, чем началась послепотопная китайская династия в 2940 г. до Р.Х. Но этого не может быть. Известно, что Александр Македонский воцарился в 336 г. до Р.Х., но по СБ получается, что ещё 35 лет в это время евреи должны находиться в Вавилонском плену, а восстание Иуды Маккавея было за 9 лет до их возвращения из плена – абсурд. Но почему так получается? Попробуем разобраться в источниках обеих Библий.

Известно, что перевод Священного Писания на славянский язык был сделан ещё святыми просветителями славян братьями Кириллом и Мефодием в 9 в. по Р.Х. Славянская Библия является копией Септуагинты (ГС) – перевода 70 толковников, выполненного в 3 в. до Р.Х. А перевод Слова Божиего на русский язык выполнен не с (ГС) или славянской Библии, а с текстов масоретской Библии (МБ) в 1876 г. Какой из этих переводов можно считать более точным, соответствующим истине?

Первые 5 книг Библии были написаны Моисеем или под его влиянием, в 3 в. до Благовещения, по приказу египетского царя Птолемея Филадельфа, для его Александрийской библиотеки, а также для нужд живших в Египте и разговаривающих на греческом языке евреев был сделан перевод Священных Книг с еврейского языка на греческий 70-ю мудрецами (ГС). В 1 в. до Р.Х. Священное Писание было переведено на арамейский язык – «Пешита», который во всем важнейшем совпадает с ГС. Первоначально ГС пользовалась большим авторитетом у евреев и чуть ли не была признана официальным переводом для евреев – эллинистов.

Когда христиане стали пользоваться этим переводом для полемики с масоретами, тексты которых отличались от ГС, иудеи наложили на неё запрет и для своих целей вызвали к жизни ряд новых переводов на греческом языке, появившихся во 2 и 3 вв. по Р.Х. В 1 в. по Р.Х. Синаедрион, возглав-

ляемый Гамлиэлем, произвел канонизацию нового, искаженного текста еврейской Библии. Из принятых в ГС 50 книг было выброшено 11 книг как лжесвященные. Дальнейшее шлифование этих 39 книг Библии привело к завершению в 10 в. масоретами (масора - предание), хранителями талмудического предания, этой работы. И вот уже тысячу лет, без добавлений и сокращений, эти тексты переписываются софрим-писцами, распространяются по миру, а старые тексты старательно уничтожались. В результате на настоящий момент (до Кумранских находок) наиболее древними из существующих ныне библейских рукописей, содержащих масоретскую традицию, явились две рукописи из коллекции Фирковича (хранящиеся в Санкт-Петербурге). Одна датируется 916 г. по РХ, а другая, содержащая весь текст СПВЗ, датируется 1008 г по Р.Х. Есть ещё рукописи Британского музея – Каирский пергамент 895 г. по Р.Х, древнейшие рукописи – Ватиканская (4 в.), Синайская (4 в.), Александрийская (4 в.). И все они имеют указанные разночтения с ЦСБ, то есть с Септуагинтой. Однако существуют ещё рукописи, сохранные Промыслом Божиим в пещерах Иудейской пустыни, местности Вади – Кумран, на северо-западном берегу Мертвого моря, обнаруженные в 1947 г. и написанные на древнееврейском и арамейском языках тексты Священного Писания. Они датируются периодом от середины 3 в. до Р.Х. Таким образом, они несут свидетельство на языке оригинала и старше, на много сотен лет, по отношению к существующим самым ранним рукописям масоретского текста. Почти все библейские книги были обнаружены в нескольких экземплярах. Среди них прекрасно сохранившийся свиток книги пророка Исаии. Исследования Кумранских находок показали, что эти рукописи сходятся с переводом 70-и толковников и со славянской Библией и расходятся с измененным переводом масоретского текста.

Установлено, что найденная библиотека принадлежала общине ессеев, проживавших на пустынных берегах Мертвого моря к концу 1 тыс. до Р.Х. вплоть до 1 в. по Р.Х. Главной задачей ессеев было оградить себя от скверен мира и сохранить Священное Писание от любых искажений переписчиков. Они вели строгий монашеский образ жизни, много трудились, каялись в грехах, несли в случае необходимости наказания. Обособленность ессеев и окружающая их атмосфера святости содействовали их исключительному положению в еврейском обществе. Закон Моисея у ессеев сливался с принципами милосердия, воздержания, прощения врагов, искоренения страстей и пороков, которые позже были возвещены в христианстве. И когда Мессия пришел к своему народу, первыми, кто Его приняли, были именно ессеи. Они увидели и уразумели, что на Христе исполнились все древние пророчества.

Итак, Кумранские находки показали, что масоретский текст поврежден. Но как, когда и почему это случилось? После грехопадения прародителей Всеблагий Господь дал Адаму и Еве обетования (Быт. 3,15), надежду на освобождение их из плена, поразившего их греха. Им было сказано, что придёт Мессия Спаситель и освободит их и их потомство от этого рабства. Указано и время – до середины 6-го тысячелетия, лишь по окончании которых в мир должен прийти Искупитель мира. Во время Вавилонского плена Господь через пророка Даниила вновь указывает на грядущее искупление и определяет точное время (70 седмин) исполнения обетования. Пророк прозревает приход Христа и разрушение Храма язычниками.

И свершилось. По истечении 69 седмин от указа о восстановлении Иерусалима является Мессия, Его предадут смерти, а после Его воскресения, по прошествии предсказанного времени, приходит иноплеменник, который разрушает Иерусалим и Храм в 70-ю седмицу, как и предсказал

великий пророк. В 5578 г. (70 г. по Р.Х.) римские войска императора Веспасиана, возглавляемые его сыном Титом, не оставили «камень на камне» (Мк. 13,12) от Иерусалима и Храма, умертвили почти всех его жителей. Фарисеям и книжникам совершенно ничего нельзя было возразить христианам, никак уже нельзя было «отсрочить» приход Мессии на грядущее время, ибо черта уже была подведена. Все пророчества исполнились, Иисус – обетованный Мессия. И, желая оправдать себя в глазах своих «овец», они берутся за искажение Священных Текстов.

В результате летоисчисления сокращается, пророчества о Христе в большинстве случаев исчезают из Священных Книг, и обретается основание для борьбы с верой в истинного Мессию – свое, отличное от предшествующего ему еврейскому и переведенному с него греческому писаниям, основание, по которому, по их мнению, Иисус Христос не может быть Мессией, ибо ещё не середина шестого тысячелетия.

Итак, если по иудейскому летоисчислению Иисус Христос родился в 3753 г. на 156–м году Даниловых седмин, то приход Машиаха, по их подсчетам, должен быть в 325 г. нашей эры. Но в это время – торжество веры Христовой, а не воцарение Израиля. Пришлось объяснить, что пророк Даниил предрекал не приход Машиаха, а просто говорит о последнем первосвященнике, который должен совершить последнее по закону Моисея жертвоприношение и быть убитым. И это не кто иной, как дядя Бар-Кохбы – Элазар, который после восстания Бар-Кохбы против римлян на несколько лет (с 131 г по Р.Х. по 135 г.) сделал Иерусалим городом евреев, смог опять совершить жертвоприношение на месте разрушенного Храма. Для такого совпадения иудаистам-раввинам пришлось в нарастающей последовательности считать время эпохи Судей и Царей.

Иисус Христос говорил иудеям «испытайте писания, яко вы мните в них иметь живот вечный, и та суть свидетельствующая о Мне» (Ин.5,39,46). Действительно, современный греческий текст приобильзует пророчествами о Христе, тогда как еврейский текст «очищен» от них. Но как и кем?

Во время штурма Иерусалима римскими войсками Веспасиана из осажденного города хитростью спасся ученый раввин Иоханан бен Заккай, который впоследствии основывает академию в городе Ямнии. Здесь же обосновывается и Великий Синедрион, осуществляется подготовка учителей–рабби, развивается и обосновывается идея ожидания прихода Машиаха. Это нашло свое отражение в составлении основ Талмуда и внесении изменений в тексты Св. Писания. В 100 г. по Р.Х. работа в своем «скелете» была завершена, и Синедрион провел канонизацию не только нового текста, но и отбросил целый ряд книг как не созвучных с новыми представлениями о Машиахе, в частности, не включил в состав Священных Книг исторические книги Маккавеев, повествующих о восстании Маккавеев в 165 г. до Р.Х., а следовательно, явно уличающие новую хронологию в неточности. Их признали апокрифами – не священными.

Книжники–масореты, неутомимые труженики новой академии, изъяли из всех синагог во всем мире списки Священных Книг и заменили их собственными, переписанными строго, точно и многократно проверенными – по буквам – самими масоретами. Для большей защиты от влияния христианства раввин Акиба бен Иосиф (ученик Иоханна бен Заккай) объявил доктрину, в которой говорится, что в тексте Писания имеется скрытый смысл и его следует толковать. В отдельных словах и знаках Писания Акиба, таким образом, увидел подробные и конкретные указания на обрядовую сторону религиозной жизни. Были сделаны переводы нового, искаженного текста Св. Писания на арамейский язык (Тар-

гум). С этого момента новая Библия с новым составом (не 50, а 39) книг на трёх языках (еврейском, греческом и арамейском) начала свою войну против древних, не уничтоженных текстов и текста Септуагинты. Работа над шлифовкой новой Библии продолжалась вплоть до 10 в. Для ещё большего отхода от оригинала разрабатывается новый арамейско – еврейский квадратный иврит – зеркало искаженного талмудического иудаизма. Доподлинно известно, что и во время Иудейской Войны (70 г. по Р.Х.), и во время восстания Бар-Кохбы (131 – 135 гг. по Р.Х.), и в глубокой древности (открытый Р. Макалистером в 1908 г. так называемый Гезерский календарь 10 в. до Р.Х.), евреи в денежно – финансовых операциях, бытовых записях и, стало быть, в Священных Текстах пользовались не квадратным ивритом, а его «отцом» - палеоивритом. Это свидетельствует о мнимой древности современного ивритского алфавита.

Теперь, когда мы знаем, кто, когда, как и почему занимался порчей текстов Священного Писания, можно (минуя библейскую хронологию, так как о ней уже немного писалось) хотя бы просто перечислить те места искаженного Св. Писания, в которых отражено отрицание Иисуса Христа как Мессии. В перечисленных фрагментах текстов знаком «*» отмечены те фрагменты Св. Писания, которые много позже масоретов приведены в соответствие с оригиналом (Участие в издании Библии на русском языке приняли митр. Филарет (Дроздов), свт. Феофан Затворник и ряд других деятелей).

В масоретских текстах искажению подверглись следующие фрагменты Св. Писания:

Бытие 3,15; 37,2; 49,9; 32,24-30; 1,7-8; Исход 1,5; Числа 24,5*; 24,7; 24,17; 24,9; Исайя 7,14*; 7,16; 9,6; 3,9-11; 46,6; 8,14-15; 42,1-4; Псалмы 3,8; 7,7; 9,20; 11,6; 16,13; 43,24; 67,2; 81,8; 101,14; 131,8; 15,10*; 18,5-6; 39,7; 44,7*-8; 86,5; 109,1*;

109,3; 57,1-2; 59,8; 66,7; 67,16-17; 71,5-7; 73,12; Даниил 3,91-92; Аввакум 3,3; Иезекиль 37,26-27; 26,29; Михей 4,1,6,7.

Можно привести несколько примеров таких искаженных текстов.

Например: *Исайя 7,16*

Септуагинта: Зане прежде неже разумети Отрочати благое или злое, **отринет лукавое, еже избрати благое**, и оставится земля, ея же ты боишися, от лица двух царей...

Масоретский текст: Ибо прежде нежели этот младенец будет разуметь отвергать худое и избрать доброе, земля та, которой ты страшишься, будет оставлена обеими царями...

Как видим, в масоретском тексте исчезла без следа важнейшая фраза о Иисусе Христе Младенце, свидетельствующая о том, что в Нем от рождения не будет греха.

Бытие 37,2

Септуагинта: Иосиф же бяше седминадесяти лет, пасый овцы отца своего с братиею своею...**нанесоша же на Иосифа злу клевету** ко Израилю отцу своему...

Масоретский текст: **и доводил Иосиф худые о них слухи до отца их**....

Здесь смысл текста вообще перевернут. Если в оригинале сказано, что братья клеветали на Иосифа (а, как известно, Иосиф являлся прообразом Христа), то в масоретском тексте клеветником стал Иосиф (читай - Иисус Христос).

Числа 24.7

Септуагинта: Как добры доми твои Иакове, и кущи твоя Израилю... **Изыде Человек от семени его, и обладает языки многи... Воссияет звезда от Иакава и восстанет Человек от Израиля**...

Масоретский текст: Переливаться будет вода через край ведер его и потомство его в обильных водах...**встал скипетр от Израиля**.

Здесь также пропадает мессианский смысл оригинала.

Псалом 86,5

Септуагинта: Мати Сион речет: **Человек и Человек родился в нем, и Той основа и Вышний.**

Масоретский текст: А о Сионе скажут: **каждый родился в нем, и Он, Всевышний, укрепит его.**

И снова исчезновение свидетельства о грядущем Мессии. И так далее. В псалмах повсюду вместо слова «**воскресни**» используется слово «**восстани**».

В искаженном тексте легко заметить уменьшение количества раз упоминания имен Божиих, что тоже не случайно. Есть и другие отличия.

Итак, подведем некоторые итоги.

1. Общепринятая историческая хронология обличает еврейское летоисчисление в Священных Текстах в «ошибочности» и утверждает правильность хронологии в Церковно-славянской Библии.

2. В масоретской Библии искажены пророчества о Христе и Его прообразы.

3. В ней искажено родословие (выброшены 13-й от Адама – Каинан и 27-й от Адама Иорам).

4. Во всех главах удалена часть имен Божиих.

5. Почти во всех стихах есть искаженное по звучанию и числу имя «Бог».

Обозрим вкратце те страшные исторические последствия, которые породила масоретская Библия.

1. Целый народ потомков Авраама, Исаака и Иакова более 2000 лет находился в великом заблуждении по вине своих духовных вождей, преднамеренно исказивших предсказания об Истинном Мессии.

2. Масоретская Библия оказала влияние на некоторых христианских богословов, например, учителя александрийцев – Оригена, признававшего «многоликость» всего текста,

каждого слова и буквы еврейской Библии, что, в свою очередь, вело к отрицанию главного смысла Библии – преуговора к Христу. И именно это Оригеново «доверие» к еврейскому тексту внушило позже Иерониму взять за источник перевода Писания на латинский язык не греческую Септуагинту, а масоретский текст.

3. Появление ереси Католицизма. Перевод в 4 в. Иеронимом для нужд Западной Церкви масоретского текста способствовало разделению древа христианства на 2 ствола, распаду империи на Восточную и Западную. Воспитанная за несколько веков на искаженном тексте Латинская Церковь настолько отпала от чистоты и неповрежденности апостольского учения, что не заметить это стало невозможно.

4. Разорвав в 1517 г. окончательно с латинством, Протестантизм начал искать новый прилив сил в том же замутненном источнике – масоретской Библии. Плоды новых переводов этой Библии на немецкий и другие западные языки налицо – полный разрыв даже преемственности апостольского рукоположения, уничтожение древнего, идущего от самих апостолов Церковного Предания как средства постижения смысла Библии и таинства спасения.

5. Перевод масоретской Библии на русский язык в 1876 г. и на языки народов мира способствовал в немалой степени отпаду части русского (и сопутствующего ему) церковного народа от чистого источника Богообщения, и, как следствие этого, появление духовного шатания, расцвета богоискательства и сектанства, расцерковление народного самосознания.

6. Введение нового календаря в Православной Церкви. В 7009 г. (1501 г. по Р.Х.) вместо 12-векового 1-го марта принято менять число года с 1-го сентября (по иудейскому преданию, Адам был сотворен 1-го тишрей, что соответствует нашему 1 сентября). А в 7217 г. от Адама, 1709 г. от Благовещения, счет от Адама указом имп. Петра 1 упраздняется,

а летоисчисление от Христа подгоняется под западное и началом счета принимается, вместо 25-го марта – Благовещения, 1-е января – Обрезание Господне. В 1918 г. по Р.Х. в России был введен новый григорианский календарь и 1 февраля стало считаться 14 февраля. Русская Церковь после некоторого колебания отказалась от этого нововведения и сохранила юлианский календарь.

Мы видим, что миром и человеком управляет Промысел Божий. Не случайно поэтому, год нахождения Кумранских свитков (1947) почти совпадает с годом основания еврейского государства. Промыслительное совпадение времени возвращения сынов Израилевых в землю своих отцов со временем обретения хранимых десницей Божией Кумранских рукописей говорит о том, что спустя 2000 лет изволением Божественной воли пришла, наконец, пора знать еврейскому народу и народам мира об Истине. Пришла пора подтверждения, что истинный Мессия – это Иисус Христос, ибо о Нем возвещается в пророчествах истинных, древних - неповрежденных Кумранских свитках.

Библиографический список

1. Две Библии – два пути [Текст]. - М., 2006.- 205 с.
2. Щедровицкий, Д. Введение в Ветхий Завет [Текст] / Д.Щедровицкий. - М., 1994. – 132 с.
3. Амусин, И. Рукописи Мертвого моря [Текст] / И.Амусин. - М., 1961.-386 с.
4. Булгаков, С.В. Настольная книга священнослужителя [Текст]: отдел историко–статистический /С.В.Булгаков. – М., 1993. – 944 с.
5. Лопухин, А.П. Библейская история Ветхого Завета [Текст]: репринтное воспроизведение издания 1887 года / А.П.Лопухин. – Монреаль, 1986. – 402 с.
6. Сэмюэл, Р. По тропам еврейской истории [Текст] / Рут Сэмюэл. – М., 1991. – 289 с.

Русская философия против пагубного «я»

Изменения, происходившие в духовном климате Европы Нового времени, не могли не отразиться в культуре, в философском творчестве. Тематика, занимавшая философов, сместилась из области онтологии в область гносеологии. С отказом от метафизики и утверждением онтологического нигилизма на первый план стали выходить проблемы человеческого «я», философы углубились в исследование познавательных способностей человека. Новоевропейская гносеология пришла к выводу о том, что человеческий ум является непосредственной, самоочевидной и самодостаточной реальностью и что ничего, кроме содержания нашего сознания, мы знать не можем. Мир стал самовосприятием нашего сознания, бытие стало субъективным, а человек стал творцом картин мироздания, потерявшим чувство сверхприродных и надчеловеческих оснований мира. Человеческая жизнь стала рассматриваться с точки зрения ее полезности и наполнилась развлечениями, человек стал творить от своего имени, перестав призывать имя Божие перед актами учения и творчества и забыв слова, сказанные апостолом Павлом: «Итак, мы – посланники от имени Христова, и как бы Сам Бог увещевает чрез нас» (2 Кор.5:20). Установка Р.Декарта «Я мыслю, следовательно, я существую», сделавшая человеческое сознание единственной несомненной реальностью, вывела человека из творческого поиска высших оснований бытия и сделала его жителем скоромимоходящей временности. Ощущая себя творцом мира, человек, вместе с тем, перестал жить в измерении

Священного, в его сердце «Бог умер» (Ницше), а круг его потребностей стал весьма приземленным. Произошло обожествление человеческого я, творящего с той поры смыслы своего существования. «Я» стали с тех пор писать с большой буквы.

Самобытная русская религиозно-философская мысль не захотела мириться с возвеличиванием человеческого я - ведь мировоззрение, из которого исчез Бог, неминуемо низведет человека до уровня природного существа, которое ничто не интересует, кроме вопросов комфорта и земного благосостояния. К тому же, не преобразенный духовно человек в любых социальных формах будет неизбежно являть и воспроизводить темную, злую часть своей природы. Н.А.Бердяев считал, что с момента отказа философии питаться религиозными соками тайны бытия и жизни становятся для нее закрытыми, поскольку она думает лишь о том, как наиболее выгодно освоить предметно-чувственный мир. Вообще для русских религиозных философов существование Божиего бытия является более очевидным, чем существование собственного Я, поскольку личное бытие «принадлежит бытию всеобщему» (С.Л.Франк). Связь личного бытия с бытием как таковым осуществляется не через рациональное познание, а через «первичное переживание». Укорененность человека в бытии делает возможным само сознание, а значит, сознание человека есть выражение, пульсация в нем бытия. Нельзя прийти к признанию бытия Божия путем логических выводов, ибо вера связывает нас с бытием раньше и глубже, чем рассудок. Из бытия Божиего нужно исходить, признав Его изначально, до всякого процесса познания – в противном случае неизбежна ничем не ограниченная экспансия «пагубного человеческого я» (по весьма удачному выражению П.Я.Чаадаева). «Все силы ума, все средства познания, - читаем мы в его «Философических письмах», - покоятся на

покорности человека» Богу, ибо «ясно, что человеческий разум не достигает самых положительных своих знаний чисто внутреннею своею силой, а направляется непременно извне», что в человеческом духе нет никакой истины, кроме той, какую вложил в него Бог [З.С. 53].

Культ «пагубного Я» тесным образом связан с поиском иллюзорной внешней свободы, свободы без единства. Но русская религиозная философия ищет не внешнего механического единства, которое тоже иллюзорно по причине отсутствия духовного основания (так называемое «единство без свободы»). Нет, она ищет единства, которое существует, не нарушая индивидуальной свободы, и это отражается в учении о соборной природе человеческого сознания, разработанном И.В.Киреевским, А.С. Хомяковым, В.С. Соловьевым, князьями Трубецкими и др. – в учении, обещающем неправду всякого обособления сознания, автономии разума. Познание истины и овладение ею не является функцией индивидуального сознания, но вверено Церкви, только "церковный разум", по утверждению А.С. Хомякова, является органом познания всецелой истины.

Сознание каждого человека глубоко связано с социальным целым. «Лишенные общения с другими сознаниями, - писал Чаадаев, - мы мирно щипали бы траву, а не рассуждали бы о своей природе» [З.С.82]. И эта связь есть не просто внешнее соединение - она имеет духовную природу: «Человек никогда не шествовал иначе, как при сиянии божественного света» [З.С.46]. Говоря о происхождении человеческого разума, Чаадаев утверждал, что социальное общение уже включает в себе духовное начало, происходит от него, «нет иного разума, кроме разума подчиненного» Богу [З.С.50]. Иначе говоря, общение и взаимодействие сами по себе не порождают в нас разум, они только хранят и передают свет разумности, «которую даровал ... сам Господь Бог»: «В день создания человека Бог с ним беседовал,

и человек слушал и понимал Его: таково истинное происхождение человеческого разума; психология никогда не отыщет объяснения более глубокого. В дальнейшем он частью утратил способность воспринимать голос Бога, это было естественным следствием дара полученной им неограниченной свободы. Но он не потерял воспоминания о первых Божественных словах, которые раздались в его ухе. Вот этот-то первый глагол Бога к первому человеку, передаваемый от поколения к поколению, поражает человека в колыбели, он-то и вводит человека в мир сознаний и превращает его в мыслящее существо ... Это именно Бог постоянно обращается к человеку через посредство ему подобных» [3.С.81]. Поэтому мысль человека - это не нечто автономное, обособленное, это есть мысль рода человеческого. Основная реальность, таким образом, есть не индивидуальный обособленный разум и не простой коллектив, а то, что кн. С. Трубецкой называл соборным сознанием. В отличие от Канта, который признавал моральное сознание человека автономным, русская религиозная философия видит корни морального сознания в зависимости человека от социальной среды и от Бога. Напомним, что, согласно И. Канту, одним из основных антропологических начал является способность человека «давать себе закон» (хотя новое содержание абсолютного морального закона Кант так и не отыскал и, в конце концов, взял за основу то, что уже было, – золотое правило нравственности). Принцип моральной автономии является основополагающим для протестантской этики. Чаадаев же утверждает, что «свет нравственного закона сияет из отдаленной и неведомой области»: ведь «закон только потому и закон, что он не от нас исходит; истина потому и истина, что она не выдумана нами» [3.С.54, 73].

Поскольку человек обладает свободной волей, то «пагубное я» способно «освободиться» от этой божествен-

ной силы и двигаться своевольно, но все дело в том, что, предоставленный самому себе, человек всегда шел лишь по пути беспредельного падения. Значит, свобода тварных существ нуждается в постоянном воздействии свыше: иначе начнет действовать ее разрушительная сила. «Отдельная личность, - писал А.С. Хомяков, - есть совершенное бессилие и внутренний непримиримый разлад» [2]. Личность обретает свою силу, раскрывает все богатство своих творческих возможностей, умений, талантов и даров лишь в живой и морально здоровой связи с социальным целым, которое в высшем своем воплощении представляет собой Церковь - свободное, проникнутое братской любовью к другим людям единение во имя Христа. Нам, считает Хомяков, дано лишь в Церкви находить себя, но мы постоянно уходим из Церкви, чтобы стать рабами природной или социальной необходимости. И причина тому не в "страстях", а в извращении разума и неизбежной потере здоровой цельности в духе. Основным принципом Церкви заключается не в слепом повиновении внешней власти, а в соборности. Кто любит Божью истину и находит эту истину во Христе и его Церкви, тот свободно и радостно ее приемлет. Это и порождает соборность - свободное единство в деле совместного понимания правды и совместного отыскания пути к спасению, единство, основанное на единоклюшной любви к Христу и божественной праведности. Из учения о Церкви вытекало для Хомякова основное положение его гносеологии о том, что познание истины и овладение ею не является функцией индивидуального сознания, но вверено Церкви. Чтобы познавать явления духовные и даже природные, человеку необходимо выйти за пределы своей самости, поскольку истина, недоступная для отдельного мышления, доступна только совокупности мышлений, связанных любовью, напоенных одним Духом.

Библиографический список

1. Киреевский, И.В. Полное собрание сочинений [Текст] / И.В.Киреевский. - М., 1911.
2. Лосский, Н.О. История русской философии [Текст] / Н.О.Лосский. – М., 1991. – 338 с.
3. Чаадаев, П.Я. Сочинения [Текст] / П.Я.Чаадаев. - М., 1989. – 453 с.

© С.Г. Осьмачко

Историки Московской духовной академии и реформы высшего духовного образования в России (вторая половина XIX - начало XX вв.)

Современное внимание к методологической истории науки, эпистемологии исторического знания объясняется не только потребностями обновленной философско-научной парадигмы в обновляющемся обществе (и в этом отношении трудно переоценить положительное значение деятельности возглавляемой проф. М.В.Новиковым лаборатории «Теоретико-методологические основы высшего профессионального образования», трудов проф. Т.Б.Перфиловой и пр.), но и острой необходимостью тщательного исторического исследования той проблематики, которая ранее получала сверхдиозные оценки или просто игнорировалась. В этом аспекте нельзя не упомянуть историю Русской православной церкви, ее взаимоотношений с отечественными государством и обществом. Не случайно на проходившей 10-11 декабря 2001 г. в Институте российской истории РАН международной конференции «Роль Русской православной церкви в создании и развитии Российского государства» Президент РАН отметил, что «в течение многих десятилетий XX века роль Церкви в основном оценивалась негативно и только в последнее время появилась возможность восстановить историческую правду» [1].

Обращение ученых к истории всех уровней духовного православного образования и, в первую очередь, к его

высшему звену [2] позволяет пролить свет на ранее плохо изученные фрагменты исторического прошлого, выделить в методологии исторического познания достойное преемственности положительное содержание.

Во второй половине XIX века высшее духовное образование, представленное четырьмя духовными академиями (Санкт-Петербург, Москва, Киев, Казань) дважды претерпевало серьезные, подчас реформаторские изменения - в связи с принятием академических уставов 1869 и 1884 гг. В это время сотрудничавшие с университетами академии являлись крупными научными центрами, в которых разрабатывались проблемы богословия, истории церкви, церковной археологии, права и пр. По этим направлениям готовились и печатались солидные научные труды, защищались и публиковались магистерские и докторские диссертации. Организационно-содержательные изменения, предписываемые указанными уставами, затрагивали все сферы жизнедеятельности высших богословских учебных заведений. Надо учитывать и то, что внешнее управление академиями осуществлялось по вертикали - имевшимся в составе Священного Синода Духовным учебным комитетом, а по горизонтали - местным архиереем.

«Оттепель» Александра II, предпринятые в его царствование реформы предопределили возможность решительных изменений в системе духовного образования. Уже в 1858 г. с целью изучения состояния учебных заведений Александр посетил Ярославскую, Вологодскую, Нижегородскую и Литовскую семинарии. Одновременно им были затребованы мнения ректоров духовных академий и семинарий о необходимых преобразованиях. Вдохновители академических новаций 60-х гг. XIX века (обер-прокурор Священного Синода граф Д.А.Толстой, председатель Духовного учебного комитета протоиерей И.В.Васильев, ректор Санкт-Петербургской духовной академии протоиерей

И.П.Янышев) учли поданные предложения и перестроили академическую организацию, взяв за образец университетский устав 1863 г.

30 мая 1869 г. император утвердил новый академический устав, в котором особое внимание обращалось на развитие высшего духовного образования «для просвещенного служения Церкви» [3]. Устав 1869 г. характеризовался следующим:

– вводилась специализация обучения по трем отделениям - богословскому, церковно-историческому и церковно-практическому (на двух последних «небогословские» науки преобладали над «богословскими»);

– существенно расширялась учебная программа, все дисциплины разделялись на общеобразовательные и специальные, разрешалось вводить дополнительные предметы. Так, общеобязательными являлись Священное Писание; введение в богословие; философия (логика, психология и метафизика); история философии; педагогика; один из древних языков и литература на нем; один из современных языков (французский, немецкий или английский). К числу специальных предметов, например, на церковно-историческом отделении относились библейская история Ветхого и Нового Заветов; всеобщая церковная история; история Русской Церкви; история и обличение русского раскола; всеобщая светская история; русская история [4];

– обучение в академии было рассчитано на 4 года, за первые три студенты проходили «полный курс наук» и представляли «квалификационную работу», после защиты которой получали степень кандидата богословия. На четвертый курс обучения допускались лишь отличники, которые готовились к преподаванию в семинариях: они сдавали магистерские экзамены и готовили диссертацию, успех в публичной защите которой давал им ученую степень магистра богословия. Степень доктора богословия (или церковной исто-

рии) присваивалась после защиты соответствующей диссертации и только магистрам. Добавим, что студенты духовных академий имели право на специализацию;

– в штат каждой академии входили 9 ординарных, 9 экстраординарных профессоров, 8 доцентов и 3 преподавателя современных иностранных языков. Академия могла иметь произвольное количество приват-доцентов на положении внештатных сотрудников. Для получения должности экстраординарного профессора достаточно было диплома магистра богословия, а ординарного - доктора. Богословские предметы преподавали только духовные лица, общеобразовательные дисциплины могли вести и светские профессора;

– у академий имелась значительная самостоятельность: право выбора тайным голосованием ректора, профессуры (но ректор, его помощники, называемые ассистентами, инспектор и профессора после избрания утверждались в должности Священным Синодом); возможность самостоятельно (на совете) решать вопросы управления, обучения и воспитания студентов; право устраивать публичные чтения, основывать ученые общества, издавать (при собственной цензуре) источники и научные труды, выписывать из-за границы любые издания без пошлины.

В результате всех вышеперечисленных изменений научная деятельность в академиях существенно оживилась и качественно выросла. Не случайно Н.Н.Кареев назвал академии «своего рода теологическими факультетами» университетского типа, которые «занимались изучением истории русской церкви, сыгравшей значительную роль в России до Петра I» [5]. Замечательный религиозный и общественный деятель России и Российского зарубежья протопросветитель В.В.Зеньковский полагал, что в основе успеха формирующейся научно-исторической школы Русской церкви лежало принципиальное методологическое правило – «органический синтез всего ценного, что выработано как светской, так

и религиозной историей» [6]. В результате уже в 80-90-е годы XIX в. отечественная историко-церковная наука настолько окрепла, что начала «выдвигать из своей среды ученых практически мирового уровня» [7].

Историки Московской духовной академии (МДА) представляли цельное, завершенное научное направление, составленное из нескольких подлинно научных школ. Детальный разговор об этом состоится в следующих проблемных публикациях; в данном случае, прежде всего, следует назвать несколько знаменитых имен.

Александр Васильевич Горский (1812-1875 гг.) - историк церкви, археограф, филолог, член-корреспондент Петербургской АН (1867 г.), преподаватель церковной и гражданской истории МДА, а с 1862 г. – ее ректор. Именно Горский «сумел создать ученое движение в академии. Личным примером своим он свидетельствовал, что наука есть подвиг и служение» [8].

Горский утверждал, что церковная история как наука подчиняется универсальным законам исторической истины и должна пользоваться лишь достоверными источниками; развивал метод сравнительного изучения истории Русской и Константинопольской церковей (чем особенно повлиял на исследования Е.Е.Голубинского); определил методологию изучения Н.Ф.Каптеревым эпохи патриарха Никона (Каптерев также использовал подобранные Горским материалы и источники).

Наконец, курс догматического богословия, прочитанный Горским в 1860-70-х гг., отличался таким отходом от схоластики, что был воспринят в академии как «ересь», но оказал влияние на философские взгляды современников, например, В.С.Соловьева [9].

Василий Осипович Ключевский (1841-1911 гг.) – историк, академик (1900 г.), почетный академик (1908 г.) Петербургской АН, в 1871-1906 гг. читал курс русской ис-

тории в МДА, а с 1897 г. являлся ее почетным членом и заслуженным ординарным профессором. Этот знаменитый ученый как-то с гордостью заметил: «Я имею честь преподавать с духовно-академической кафедры гражданскую историю России ... Историк гражданского порядка в России часто приходится обращаться к историку церковному за советами и указаниями. К этому вынуждает первого своеобразное положение Церкви в Русском государстве» [10].

Именно Ключевский своей «скрытой полемикой» с Н.Ф.Каптеревым по поводу реформаторства патриарха» [11] немало способствовал успеху исследований проблем раскола.

Алексей Петрович Лебедев (1845-1908 гг.) - историк церкви, заслуженный профессор МДА - признавал право на существование всех течений в христианстве; отстаивал принцип выборности архиереев духовенством и мирянами; утверждал, что история церкви, являясь основой всех богословских наук, не может и не должна служить никаким частным сепаратистским интересам. Этот весьма любимый студентами либеральный профессор был обвинен в «антиправославии», проповеди протестантизма и «усвоении гегелевского метода» в отношении истории. Докторская диссертация Лебедева, посвященная Вселенским соборам IV и V веков, до начала 1900 годов была изъята из духовно-педагогического обращения, а сам он в 1896 г. был вынужден уволиться из МДА и занять должность профессора Московского университета по кафедре церковной истории [12].

Евгений Евстигнеевич Голубинский (1834-1912 гг.) - историк церкви, академик Петербургской АН (1903 г.), профессор МДА (1861 г.) - ученый «в собственном смысле слова», блестяще применявший критический метод работы с источниками, что позволило ему поставить множество важнейших научных проблем и опровергнуть какие-то догмы историко-церковного знания; с величайшей заботливо-

стью относился к подготовке научной смены; отличался особой тщательностью в подборе и систематизации исторических фактов.

Методологические позиции Горского, Лебедева, Голубинского и Ключевского были усвоены их учеником - **Николаем Федоровичем Каптеревым** (1847-1917 гг.), историком церкви, членом-корреспондентом Петербургской АН (1910 г.), профессором кафедры гражданской истории (1896 г.), заслуженным профессором МДА (1896 г.), фундаментальные и объективные монографии которого входят в сокровищницу отечественной исторической науки.

Общественные потрясения 1880-х годов поставили на повестку дня вопрос свертывания либеральных реформ. Политический поворот незамедлительно сказался на состоянии образования в стране. Главным вдохновителем новой охранительной политики стал К.П.Победоносцев, с апреля 1880 г. по октябрь 1905 г. являвшийся обер-прокурором Священного Синода. В его ведомстве был составлен и 20 апреля 1884 г. высочайше утвержден новый устав духовных академий, «имевший целью не столько развитие богословской науки, сколько подготовку политически и конфессионально благонадежного церковно-административного персонала» [13]. Для этого:

– отменялась специализация студентов по отделениям (они уже не выбирали специальность, а все четыре года обучения готовились к преподаванию в семинариях);

– учебный процесс оказался крайне перегружен изучением общеобязательных предметов, к которым относились введение в богословие; Священное Писание и библейская история; догматика; нравственное богословие; гомилетика и история проповеди; пастырское богословие и педагогика; церковное право; история Вселенской Церкви до разделения церквей, история православной Восточной Церкви и Русской Церкви; патристика, церковная археология и литургия; фи-

лософия (логика, психология, метафизика, история философии). Дисциплины по выбору подразделялись на две группы: 1-я - богословская, 2-я - историко-церковная, включавшая такие предметы, как история и анализ западных исповеданий; история и критика русского раскола; всеобщая светская история; история России; один древний и один современный иностранный языки;

– выборы ректоров, инспекторов отменялись, отныне они вновь назначались Синодом; кандидаты на преподавательские должности не выбирались, а представлялись для синодального утверждения епархиальным архиереем;

– вводились три категории ученых степеней магистра и доктора (по специальностям богословие, церковная история, каноническое право); публичные диспуты при защите диссертаций отменялись, тексты диссертаций утверждались Священным Синодом.

В результате, как вспоминал крупнейший историк церкви и богослов, профессор Санкт-Петербургской духовной академии Н.Н.Глубоковский (1863-1937 гг.), «в академиях наступила эпоха академической поднадзорности и бесцветной безответственности при обилии всяких стеснений» [14]. В свою очередь, ужесточение внутриакадемического курса привело к снижению уровня научно-исторической работы и оттоку талантливых ученых, что означало утрату передовых методологических позиций, завоеванных в предыдущий период.

Таким образом, государственно-идеологическая «прививка», сделанная церковной науке победоносной контрреформаторской бюрократией, если и не погубила все то положительное, что возникло в научной академической среде во второй половине 60-х годов XIX в., то, по крайней мере, серьезно затруднила его реализацию.

Сущность происходивших изменений предопределили, во-первых, общественные потрясения 1880-х годов,

связанные с убийством императора Александра III, поставившим на повестку дня вопрос свертывания либеральных реформ во всех сферах жизни; во-вторых, нравственными и политико-идеологическими качествами, установками главного «ревнителя основ» - Победоносцева.

В 1889 г. по его инициативе были изданы особые «Правила для рассмотрения сочинений, представленных на соискание ученых богословских степеней». Этот исключительно интересный исторический документ был сориентирован на обеспечение благонадежности предпринимаемых богословских исследований. Предполагалось обращать внимание не только на «научные достоинства сочинений, но и на соответствие общего направления их с духом и достоинством Православной Церкви». Требовалось при этом, «чтобы сочинения заключали бы в себе такую полноту и определенность изложения по данному предмету, при которой не оставалось бы сомнения в истинности православного учения, а также точность выражений, которые устраняли бы всякий повод к ложным выводам».

По «Правилам ...» не могли быть «признаны соответствующими требованиям ученого богословского сочинения такие труды, в которых отрицается, хотя и бы с видимостью научных оснований, достоверность таких событий, к которым церковное предание и народное верование привыкли относиться как к достоверным событиям».

Безусловно, здесь имелись в виду, прежде всего, известное сказание о хождении апостола Андрея на Руси, совершенная недостоверность которого была показана Голубинским, и его же критика летописного рассказа о крещении князя Владимира [15].

Далее, запрещалось «неблагонамеренно выставлять в ложном свете какие-либо учреждения и установления отечественной Церкви». В данном случае речь шла об исследованиях происхождения старообрядческого раскола, о

старом обряде, о Петровской реформе. Запрещалось «объяснять церковно-исторические события игрою только естественных причин, человеческими побуждениями и стремлениями, часто темными, влиянием школ и направлений, находить черты благородства у еретиков и язычников и темные пятна у людей благочестивых» [16] и т.п.

Следствием применения директив такого рода явилась возможность для реакционной академической профессуры подавлять неудобные ей научно-методологические тенденции. В области исследований истории церкви в МДА это привело, например, к тому, что Голубинский был вынужден отказаться от печатания второго тома «Истории русской церкви» и даже выйти из академии; Каптереву было предписано остановить печатание своих статей о патриархе Никоне, в которых давались оценки, отличные от общепринятых [17]. Позже Каптереву удалось доказать свою правоту, в том числе и средствами публичного диспута, поэтому в некоторых дореволюционных изданиях его называют «победоносным противником Субботина, подвергшимся преследованиям со стороны Победоносцева» [18].

Таким образом, связь организационно-политических, идеологических условий и методологии научно-педагогической деятельности в высших духовных учебных заведениях в рассматриваемый период осуществлялась и на стимулирующем, и на тормозящем уровнях.

Библиографический список

1. Отечественная история. - 2002. - № 3. - С. 202.
2. См., напр.: Кузнецов, В.Д. Духовно-религиозная политика Русской Православной церкви по отношению к учащейся молодежи России. 1881-1917 гг. [Текст]: дис. ... д-ра.ист.наук: 07.00.02. - СПб, 2007. - 416 с.; Сухова, Н.Ю. Высшая духовная школа: Проблемы и реформы (вторая половина XIX в.) [Текст] - М.: ПСТГУ, 2005. - 658 с. и др.

3. Федоров, В.А. Духовное образование в русской православной Церкви в XIX в. [Текст] // Педагогика. - 2000. - № 5. - С. 81.

4. См.: Смолич, И.К. История Русской Церкви 1700-1917 гг. [Текст]: Кн.8. - Ч.1. - М.: Изд-во Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – С. 461.

5. Кареев, Н.Н. Отчет о русской исторической науке за пятьдесят лет (1876-1926) [Текст] // Отечественная история. - 1994. - № 2. - С. 144.

6. Зеньковский, В.В. Принципы православной педагогики [Текст] // Хрестоматия. Педагогика Российского Зарубежья. – М.: Институт практической психологии, 1996. - С. 168-169.

7. Журавский, А. Проблемы религиозного образования в России [Текст] // Континент. - 2002. - № 4. - С. 320.

8. Флоровский Г. Пути русского богословия [Текст]. – Вильнюс, 1991. – С. 371.

9. Отечественная история [Текст]: В 5 т. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. - Т.1. - С. 603.

10. Ключевский, В.О. Содействие церкви успехам русского гражданского права и порядка [Текст] // Ключевский, В.О. Православие в России. - М.: Мысль, 2000. - С. 322, 325.

11. Антощенко, А.В. Ключевский о церковном расколе в России XVII века. (Построение исторического нарратива) [Текст] // Отечественная история. - 1993. - № 3. - С. 114.

12. Отечественная история [Текст]: В 5 т. - М.: Большая Российская энциклопедия, 1994. - Т.3. - С. 291.

13. Тарасова, В. Л. Профессор Н.Н.Глубоковский и реформы высшей духовной школы в России в конце XIX - начале XX в. [Текст] //Вестн. Моск.ун-та. Сер. 8. История. - 2001. - № 4. - С. 26.

14. Глубоковский, Н.Н. За тридцать лет (1884-1914) [Текст]. - М., 1914. - С. 5.

15. Пинкевич, В.К. Церковь и государственная политика в отношении образования в конце XIX-XX вв. [Текст] // Рефер. журн. ИНИОН. Сер. 2. Философия. – 2002. - № 1. – С. 93.

16. Флоровский, Г. Указ. соч. [Текст]. – С. 419.

17. Субботин, Н.И. Материалы по истории раскола за первое время его существования, издаваемые редакцией «Братского слова» [Текст]. – М., 1874-1894. – Т. I-IX.

18. Новый энциклопедический словарь [Текст]. – СПб: Издательское дело бывшего Брокгауз-Ефрон, 1916. – Т. 20. – С. 859.

© Н.И. Лихоманов (ЯГПУ)

Репрессии священнослужителей Ярославской области в первые годы после Октябрьского переворота

История Русской Православной Церкви в начале XX в. – это ближайший к нам по времени период, который с полным основанием можно назвать уникальным. Это трагические годы, которые унесли тысячи жизней священнослужителей и мирян, это время небывалых по размаху репрессий, но эти годы явились временем невиданного доселе подвижничества и исповедничества. Это также время надежд и поисков нового пути возрождения Церкви.

Историю противостояния Церкви и советского государства до начала массовых репрессий 30-х годов можно условно разделить на несколько периодов. При этом, хотя ход репрессий определялся общей для всех регионов страны социально-политической обстановкой, везде он имел свою специфику. Это касается и Ярославской епархии.

Первый период - это репрессии, начавшиеся сразу после захвата власти большевиками. Большевики видели в

Церкви своего наиболее опасного противника, считая ее стержнем старого мира. Сразу после захвата власти, в 2 часа ночи 26 октября 1917 г., Декретом о земле большевики конфисковали все церковные земли. 23 января / 5 февраля 1918 г. публикуется декрет об отделении Церкви от государства, по которому Церковь лишалась прав юридического лица и всего имущества, созданного за предыдущее тысячелетие. С первых дней Октябрьской революции стал завязываться трагический конфликт новой власти с Церковью. Для этого периода характерными являются насилие, грабеж, расстрел на месте без суда и следствия. Эти действия «правоохранительных» органов мало способствовали сохранности документов, подтверждающих репрессии. Поэтому имена многих репрессированных до сих пор неизвестны, а о других мы знаем очень мало. Одной из первых жертв насилия в Ярославской епархии стал священник церкви Петра Митрополита Московского в г. Переславле-Залесском о. Константин Снятиновский. Он был убит красногвардейцами в марте 1918 г. По свидетельству очевидцев, скорее всего не было даже ордера на его арест. О. Константин, как потом передавали его жена и дочь, читал вечернее правило перед завтрашним богослужением. Красногвардейцы ворвались в дом и потребовали, чтобы он немедленно одевался и отправлялся с ними. Дочь хотела его проводить, но ей запретили под страхом расстрела. Больше о. Константина живым никто не видел. Имя о. Константина Снятиновского поминалось на заупокойной литургии и панихиде, которые Святейший Патриарх Тихон отслужил 31 марта 1918 г. в храме Московской духовной семинарии «о упокоении рабов Божиих, за Веру и Церковь Православную убиенных» [1].

Следующий период репрессий связан с событиями, происходившими во время и после разгрома Ярославского восстания летом 1918 г. В сентябре 1918 г. на Поместный

Собор Русской Православной Церкви, проходивший в Москве, был послан список ярославских священнослужителей и монахов, погибших от рук красногвардейцев и чекистов. В нем 13 человек: «1) священник Ярославской градской Пятницко-Туговской церкви Николай Брянцев расстрелян 8 июля; 2) священник Ярославской градской Владимирской церкви Геннадий Здоровцев расстрелян 5 июля; 3) диакон Ярославской Троицкой при Николаевском приюте церкви Михаил Давидюк расстрелян в начале июля; 4) диакон Ярославской домово́й церкви при доме Нелидовой Николай Соколов расстрелян 8 июля; 5) священник церкви села Резанина Ярославского уезда Александр Елоховский расстрелян в конце августа в Ярославской тюрьме; 6) священник церкви села Никольского-на-Эдоме Романо-Борисоглебского уезда Петр Зефи́ров расстрелян 10 июля во дворе Романо-Борисоглебской тюрьмы; 7) священник тюремной церкви г. Рыбинска Вячеслав Закедонский умерщвлен в ночь на 23 августа; 8) заведующий Рыбинским подворьем Ярославского Толгского монастыря иеромонах Иосиф, будучи уведен с подворья 20 августа ночью, на другой день был найден убитым на реке Черемхе; 9) иеромонах Толгского монастыря Никандр убит 30 июня; 10) послушник того же монастыря Павел, бывший на вокзале при святой иконе, расстрелян; 11) священник Троицкой церкви села Диевых Городищ, Ярославского уезда, Алексей Великосельский расстрелян 30 августа в Костроме; 12) диакон-псаломщик той же церкви Апполинарий Витальский расстрелян 30 августа в г. Костроме; 13) послушница Угличского Богоявленского женского монастыря Варвара во время нападения на названный монастырь красноармейцев 4 июня убита» [2].

В начале ноября 1918 г. в Пошехонском уезде была объявлена мобилизация лошадей в конский запас.

Крестьяне оказали сопротивление. Прибывший к месту событий отряд Пошехонской ЧК стал производить поголовные обыски и арестовал около 40 человек. 10 ноября трое из них были расстреляны без суда и следствия на болоте неподалеку от с. Семеновское. В их числе находился священник церкви с. Трофимовское о. Иоанн Виленский. Он был обвинен в укрывательстве контрреволюционеров, скрывшихся после белогвардейского мятежа в Ярославле, и хранении дорогих вещей. Вместе с ним его была расстреляна сестра Е. Дерунова.

Среди архивных документов есть копия письма священника с. Некоуз Мологского уезда Анатолия Востокова на имя Святейшего Патриарха Тихона с просьбой переслать управляющему делами Совнаркома Бонч-Бруевичу заявление об отнятии у него лошади. Заявление было рассмотрено и признано, что в данном случае поступили несправедливо [3].

В 1918 г. после заключения Брестского мира и окончания Первой мировой войны в деревни Ярославской области возвратились солдаты Русской армии. Вскоре советская власть объявила новый призыв – в Красную Армию. По территории области прокатилась волна стихийных восстаний и митингов протеста. Было разгромлено несколько десятков Советов, в Мышкинском и Пошехонском уездах восставшие захватили треть волостных центров, а в Даниловском волостные советы были разгромлены почти повсеместно. К маю 1919 г. в лесах центральной России находилось до миллиона дезертиров. Это проявление возмущения было названо «бело-зеленым восстанием» и подавлено силой карательных отрядов, войск ЧК, курсантских, железнодорожных подразделений, коммунистических бригад, а также частей регулярной армии. Духовенство, служившее в этих местностях, было обвинено в

содействии восставшим и репрессировано. Поводом для этого оказались молебны «О падении советской власти», служения которых восставшие требовали от местного духовенства. Отношение священнослужителей к происходящим событиям не играло роли. Одни из них, как, например, священник с. Косминское Пошехонского уезда, напутствовал восставших словами: «Господу помолимся за начатое доброе дело», другие, понимая стихийность и обреченность крестьянских волнений, пытались остановить разгул страстей. В связи с этими событиями расстреляны священники Николай Любомудров (с. Лацкое Мологского уезда), Димитрий Вознесенский (с. Николо-Замошье Мологского уезда), Димитрий Изюмов (Некоузская волость), Владимир Виноградов (с. Коза Любимского уезда).

С 1919 г. большевиками повсеместно производились «освидетельствования» мощей святых угодников Божиих. Эти действия были направлены на подрыв авторитета Церкви. Если в результате вскрытия обнаруживалось, что мощи сохранились не в целостности, то это обстоятельство выдавалось за сознательный обман и подделку. Фактически производилось кощунственное надругательство над дорогами всякому православному сердцу святынями. 17 февраля 1919 г. Св. Патриарх Тихон издал указ епархиальным архиереям об устранении поводов к глумлению и соблазну в отношении св. мощей. Верующим предлагалось разъяснять, что в православной церкви благоговейно почитаются и те останки св. угодников Божиих, которые сохранились в виде костей, не облеченных плотью [4]. Выполнение этого указа для архиереев оказалось не только трудным, но часто и рискованным делом. Попытка освидетельствовать мощи перед их публичным вскрытием подчас служила основанием для судебного разбирательства.

В г. Ростове Великом это готовящееся властями деяние вызвало сначала стихийный, а затем и организован-

ный протест верующих. Триста человек пришли крестным ходом от Спасо-Яковлевского монастыря к Успенскому собору. Люди бросались к архиепископу Иосифу, умоляя его не допустить вскрытия мощей. Понимая, что власти не остановятся перед применением вооруженной силы и, желая не допустить кровопролития, владыка, переговорив с членами комиссии, вернулся вместе с верующими крестным ходом в Спасо-Яковлевский монастырь. Вскрытие состоялось. Мощи оставались открытыми на 8 дней, но предполагаемое властями разоблачение превратилось в поклонение народа святыням. Архиепископ Иосиф был арестован, обвинен в агитации против вскрытия мощей и приговорен Президиумом ВЧК к заключению в концлагерь на один год условно [5]. По этому же обвинению был арестован Дмитрий Андреевич Иванов, заместитель председателя Совета объединенных приходов Ростова, заведующий Ростовским музеем древностей, археолог. Также был обвинен в противодействии вскрытию мощей священник г. Ростова Иван Константинович Смирнов, организовавший в приходах своего благочиния сбор подписей под протестом против этого святотатства.

В Ярославле в Успенском соборе были вскрыты мощи свв. благоверных князей Василия и Константина. В Спасском монастыре произошло вскрытие мощей св. благоверного князя Феодора и его сыновей Давида и Константина. Газета «Известия» Яргубисполкома освещала эти события на протяжении нескольких номеров. Статьи носили, конечно, тенденциозный характер, подлинный акт вскрытия, а также акт врачебного анализа так и не были напечатаны, несмотря на обещание. Из отзыва одного из медиков, участвовавших в освидетельствовании: «...к чести нашего духовенства нужно сказать, что здесь не было такого явного обмана, как в других городах» [6].

Следующий период репрессий связан с изъятием

церковных ценностей. Летом 1921 г. после гражданской войны русский народ постигло еще одно бедствие – голод. Сострадав народному горю, Святитель Тихон обратился к российской пастве, к Восточным Патриархам, к папе и архиепископу Кентерберийскому с просьбой провести сборы средств для голодающих. Под председательством Патриарха был организован «Всероссийский общественный комитет помощи голодающим». Однако вскоре он был распущен. Образованная вместо него правительственная комиссия в декабре 1921 г. обратилась к Патриарху с настоятельным призывом к пожертвованию. Патриарх Тихон 19 февраля 1922 г. издал воззвание, в котором призвал церковноприходские советы жертвовать драгоценные церковные украшения, если они не имеют богослужебного употребления. Однако в печати стали появляться статьи о том, что церковная власть глуха к бедствиям народа, а 23 февраля ВЦИК издал декрет об изъятии церковных ценностей на нужды голодающих. Патриарх отреагировал на декрет новым посланием к пастве, в котором заявил о недопустимости изъятия священных предметов, «употребление коих не для богослужебных целей воспрещается канонами Вселенской Церкви и карается ею как святотатство». Приходские советы на местах вынесли решения о недопустимости изъятия священных предметов. При проведении в жизнь декрета ВЦИК у храмов собирались толпы народа, происходили столкновения, в некоторых местах доходило до кровопролития, проводились аресты. В Ярославской епархии были арестованы епископ Рыбинский Борис (Соколов), протоиерей Николай Апеллесов, иеромонах Алексей (Задворнов (Задворов), протоиерей Димитрий Смирнов, священник Николай Филицин и другие.

Однако для деятелей советского государства становилось все яснее, что вряд ли Церковь вскоре отомрет

или утратит свои функции. Отношения государства и Церкви необходимо было ставить на новую долговременную основу. Основой для этого вывода послужил всплеск религиозной активности во время и после окончания гражданской войны. В 1921 г. служба ярославского политического надзора сообщает в информационной сводке: «Настроение рабочих падает, не верят они в победу революции, среди рабочих ходят разговоры, что трудящийся класс очутился в кабале, рабочие работают почти даром. За последнее время среди рабочих и крестьян усиливается религиозное настроение. Причина этого заключается в увеличении усталости масс» [7].

Изъятие церковных ценностей и массовые аресты духовенства стали сопровождаться целенаправленными усилиями ГПУ разрушить Церковь изнутри. Арестовав в мае 1922 г. Патриарха Тихона по ложному обвинению в сопротивлении изъятию церковных ценностей, большевики стремились привести к высшей церковной власти группу обновленцев, провоцируя тем самым церковный раскол. В Ярославле митрополит Агафангел, назначенный Патриаршим Местоблюстителем, отверг все попытки обновленцев о сотрудничестве. 18 июня 1922 г. он обратился ко всем чадам Русской Православной Церкви с посланием, в котором охарактеризовал действия обновленческого ВЦУ как незаконные и предложил епископам временно управлять своими епархиями самостоятельно. Митрополит Агафангел был немедленно арестован и заключен сначала в Спасский монастырь, а затем в Ярославскую тюрьму. Обновленческое ВЦУ организовало в Ярославле самозванное Епархиальное управление, поставив во главе его бывшего ярославского протоиерея Иоанна Миртова. За противостояние обновленцам был арестован викарный епископ митрополита Агафангела Вениамин (Воскресенский). По инициативе священника Троицкой церкви, известного церковного

композитора Василия Зиновьева 15 октября 1922 г. состоялось собрание духовенства и мирян, на которое пришло около 3 тысяч человек. Верные православию священнослужители и миряне просили епископа Вениамина Тутаевского быть их архипастырем. Хотя доказательств участия владыки Вениамина, находящегося в это время в Коровницком Яргубисправдоме, не было, он был осужден по ст. 119 УК и приговорен к 7-ми годам лишения свободы. Были также арестованы все активные участники этого собрания: священник Василий Зиновьев, священник Петр Токарев, Иван Константинович Воскресенский, брат владыки Вениамина, Семен Матвеевич Соколов, мирянин, и.д. псаломщика в г. Тутаеве.

Дополнительным поводом для ареста о. Василия Зиновьева послужила проповедь, произнесенная им 17 июня в Троицкой церкви: «...когда Николая прогнали – вы спали, Временное правительство свергли – вы спали, и Ленин сидит – спите. Сказал бы больше – «Коровники» недалеко. Меня посадят, и вы тоже будете спать» [8]. Другой организатор и активный участник собрания священник церкви Симеона Столпника Петр Токарев после ареста и допроса был отпущен с подпиской о «не отлучке с места жительства». Однако вскоре он был арестован вторично, после того, как явился в самозванное обновленческое Епархиальное Управление и заявил, что считает носителем законной церковной власти митрополита Агафангела, местного «епископа» Иоанна Миртова считает неканоничным и что вообще все обновленческое движение он мыслит неправославным и еретическим [9]. В протесте жены о. Петра на имя ярославского губернского прокурора указано, что она слышала, как представитель «живой церкви» священник Лукасун угрожал ее мужу арестом в случае, если он не вступит в «живую церковь». Со слов мужа ей известно, что аналогичные угрозы исходили и от самого Иоанна

Миртова [10].

В 1923 г. за выступление против обновленчества на съезде духовенства и мирян Переславского района был осужден мирянин Алексей Васильевич Никитин.

1922 г. – это начало массовых арестов среди епископата. Борьба с обновленчеством и сопротивление изъятию церковных ценностей были в глазах советской власти основанием к обвинению в контрреволюционной деятельности. Трагические события разыгрались в Петрограде, где в ночь с 12 на 13 августа 1922 г. по приговору ревтрибунала был расстрелян митрополит Петроградский Вениамин (Казанский). На территории Ярославской области в 1922 г. все архиереи подверглись аресту. Митрополит Агафангел находился под арестом с июня 1922 г. Епископ Тутаевский Вениамин (Воскресенский) – с лета 1922 г. Епископ Любимский и Даниловский Кирилл (Соколов), в 1922 г. объявивший об автокефальном управлении Любимского викариата, в том же году был арестован и выслан за пределы Ярославской епархии. Архиепископ Ростовский Иосиф (Петровых) был повторно арестован и 19 июня 1922 г. осужден Ярославским Ревтрибуналом по обвинению в сопротивлении изъятия церковных ценностей и приговорен к 4 годам лишения свободы. Епископ Переславский Дамиан (Воскресенский) также повторно был арестован Владимирским губотделом ГПУ по аналогичному обвинению и выслан в Туркестан на 2 года.

Все архиереи, арестованные в этот период, как правило, подвергались репрессиям в последующие годы. Так, священномученик Серафим (Самойлович), епископ Угличский, арестованный в первый раз в 1922 г. по обвинению в антисоветской деятельности, повторно арестовывался в 1924, 1928, 1929, 1933 гг. Во время последнего заключения условия содержания постоянно ужесточались. 4 ноября 1937 г. священномученик Серафим был расстрелян.

Мы дали лишь некоторые сведения по истории репрессий против духовенства и верующих в первые годы советской власти. Эта тема требует дальнейшего исследования. Подвиг всех, пострадавших за веру в XX в., - это часть истории нашей страны.

Библиографический список

1. Церковные ведомости [Текст]: журн. – СПб., 1918. - №15-16.
2. ГАРФ. - Ф. Р-3431.- Оп.1.- Д. 563 (8к). - Л.489.
3. Там же. Ф. А-353.- Оп.3.- Д. 761.- Л.194,195.
4. Следственное дело патриарха Тихона [Текст]: сборник документов по материалам Центрального архива ФСБ РФ. – М., 2000. – 450 с.
5. ГАЯО. –Ф. Р-3698. - Д. С-5590.
6. «Известия» Яргубисполкома.- 1919.- № 81.- С. 2-3.
7. ЦДНИ ЯО.- Ф. 1.- Оп. 27.- Д. 595. - Л. 18-21.
8. ГАЯО.- Ф. Р-3698. - Д. С-4773.
9. Ради мира церковного. Жизненный путь и архипастырское служение святителя Агафангела, митрополита Ярославского, исповедника [Текст] / сост. И.Г. Менькова. – М., 2006. – 630 с.
10. ГАЯО. - Ф. Р-214. - Оп. 3. - Д. 92. - Л. 5-6.

© Д.И. Чистюхин (ЯГПУ)

Миссионерская деятельность архиепископа Нила Исаковича

В XIX в. из среды русского духовенства выдвинулось немало талантливых миссионеров. Одни из них были причислены к лику святых и прославляются всей Православной церковью. Имена других полузабыты и известны лишь не-

многим исследователям истории Русской Православной Церкви. Среди них не последнее место занимает архиепископ Нил Исакович, немало потрудившийся не только на пользу Церкви, но и российской науки.

Будущий архипастырь появился на свет 9 декабря 1798г. в городе Могилеве в семье священника Никольской церкви Феодора Исаковича. При крещении ему дано было имя Николай. Лишившись отца, умершего еще до его рождения, юный Николай был принужден во всем полагаться на собственные силы и попечение горячо любимой им матери Марфы Ивановны.

В Орше, куда они с матерью переселились из Могилева, он был отдан в духовное училище, из которого перешел в Могилевскую духовную семинарию. По окончании семинарии в 1821 г. как лучший ученик он был отправлен для обучения за казенный счет в Петербургскую духовную академию. Окончив академию в 1825 г. двадцать седьмым кандидатом, был пострижен в монашество 22 августа того же года с именем Нил в честь прп. Нила Столобенского и по рукоположении в сан дьякона, а затем и иеромонаха, назначен в Черниговскую семинарию инспектором и учителем философских наук. И уже в ноябре утвержден смотрителем Черниговских городского и уездного училищ.

4 декабря 1825 г. иеромонах Нил конференцией Киевской духовной академии был возведен в степень кандидата богословия, в 1827 г. в степень магистра, получил звание профессора семинарии и стал ректором городского и уездного приходских училищ. В мае 1828 г. он был определен инспектором Киевской духовной академии, бакалавром богословских наук и членом цензурного комитета. В сентябре 1830г. назначен на должность ректора Ярославской духовной семинарии и профессором богословия, 12 октября произведен в сан архимандрита. Пробыв пять лет в должности ректора Ярославской духовной семинарии, архимандрит Нил

был вызван в Петербург «на чреду служения» и 8 декабря 1835 г. на хиротонии произведен в сан епископа Вятского.

И хотя Вятской епархией епископ Нил управлял всего два с небольшим года, но уже там он проявил себя как выдающийся миссионер. В 1836-1837 гг. в Вятской епархии им было открыто три единоверческих прихода, «возвращено в лоно православной церкви свыше 6 тысяч старообрядцев»[1]. Крещено было 5235 язычников удмуртов и марийцев. Увеличено число школ для крещеных удмуртов и марийцев.

23 апреля 1838 г. епископ Нил был переведен на Иркутскую кафедру, на которой пробыл до 24 декабря 1853г. Здесь в полной мере раскрылись его таланты не только архипастыря и миссионера, но и ученого.

«Паства Иркутская в 1838г. простиралась от Китая до Ледовитого моря, обнимала не только Камчатку, но и Северо-Американские острова. Посему для пастырской заботливости представляла собою обширное поприще»[2].

Обнаружив, что среди священства вверенной ему епархии, за исключением Иркутска, только десять имели семинарское образование, многие церкви за недостатком духовенства стояли годами без служб, а местная семинария не удовлетворяла местных потребностей, епископ Нил с разрешения св. Синода приглашает в Иркутскую епархию выпускников семинарий из других епархий. В 1840 г. по его приглашению в Иркутск прибыли 25 выпускников Рязанской, Тульской и Владимирской семинарий. Выпускники семинарий из других епархий приезжали в Иркутскую епархию и в последующие годы, пока не была поставлена должным образом подготовка кадров для епархии в местной семинарии.

Из числа приглашенных владыкой Нилом наиболее известен выпускник Рязанской семинарии священник Дмитрий Хитрово, приехавший в Иркутск в 1844 г. С походным храмом он объездил огромную территорию и пропове-

довал среди якутов и тунгусов. Впоследствии он принял постриг и стал первым Якутским епархиальным архиереем, им был осуществлен перевод на якутский язык необходимых богослужебных книг и Нового Завета.

Получив в свое распоряжение молодых образованных пастырей, Преосвященный Нил организует в разных местах своей необъятной епархии духовные миссии для обращения старообрядцев и язычников. Особенно успешно шла деятельность миссионеров среди тунгусов, исповадавших шаманизм, и бурят, в большинстве своем бывших буддистами. «За 15 лет им было сооружено более 70 церквей, в том числе в тундре Якутии и в северо-западной части Камчатки. В основных очагах старообрядчества он создавал православные приходы. На Китайской границе, близ Кяхты, трудами архиепископа Нила возник Чикайский скит, а в южном предгорье Саянского хребта (в центре бурятского поселения) в 1851 году была создана и приступила к миссионерской работе Нило-Столобенская пустынь»[1].

Главным итогом пастырских трудов архиепископа Нила на Иркутской кафедре стало обращение в православие из раскола и язычества за время управления им Иркутской епархией около 30 000 человек, из них около 50 лам (буддийских жрецов) и тайт (глав родов).

Из всего этого огромного «улова», попавшего «в сети» владыки Нила, самой драгоценной жемчужиной был буддийский лама Нагмат Дорджиев, в крещении Николай Нилон-Дорджиев. Происходил он из бурятского рода Дзалеяр-Удолие и с юных лет проявлял склонность к учебе и уединению. Отец его Гунга Дорджиев, видя его наклонности, готовил его в ламы. До восемнадцати лет Нагмат обучался в школе Гуджиртайского Дацана, затем продолжил образование под руководством Дандарана, управлявшего Щугольским дацаном. В 21 год Нагмат был удостоен сана гелуна с почетной должностью нансо, возложенной на него

самим хамбо-ламой, что было пределом мечтаний любого бурятского ламы. Но жажда аскетических подвигов побуждает его принять обет пустынножителя. Три года провел он в аскетических подвигах, пока однажды не удостоился чудесного «...видения во сне Креста, который осияваем был чудесным светом, между тем как глубокий мрак покрывал языческую Даурию»[3]. На другой день после этого видения, 17 июня 1847 г., произошла его встреча с архиепископом Нилом, совершавшим миссионерскую поездку по Даурским степям. Это был первый шаг, сделанный молодым ламой от язычества к христианству. В начале 1848 г. он прибывает в Иркутск, где после трехмесячного наставления в Законе Божиим под руководством владыки Нила и преподавателей семинарии удостоивается в апреле 1848 г. в Великий четверг крещения с именем Николай, получив при этом приставку к фамилии Нилов, став Ниловым-Дорджиевым. Вскоре Николай начинает преподавать в Иркутской семинарии разговорный монголо-бурятский язык, одновременно помогая совершенствоваться в нем преосвященному Нилу, тогда же начинаются их совместные труды по переводу на бурятский язык богослужебных книг. В 1850 г. Николай убедил своего восьмидесятилетнего отца с одиннадцатью членами его семьи принять крещение. В 1852 г. он строит церковь в бурятском селе Гужирском, к которой и был рукоположен в сан священника в 1853 г. Пастырские труды владыки Нила не были оставлены без внимания. Он был награжден несколькими орденами, а в 1840 г. возведен в сан архиепископа.

Результатом его трудов было не только обращение в христианство язычников, но и ряд научных изысканий. Публикация 1858 г. фундаментального труда «Буддизм, рассматриваемый в отношении к его последователям, обитающим в Сибири», произвела сенсацию в научном мире. А издание в 1874 г. «Путевых записок от Вятки до Иркутска в

1838 г.», ставших пособием по изучению быта сибирских народов, доставило ему славу ученого.

24 декабря 1853 г. архиепископ Нил был назначен управлять Ярославской и Ростовской епархией. В Ярославль преосвященный Нил прибыл 24 июля 1854 г. и находился на Ярославской кафедре до самой своей кончины в 1874 г. И хотя род его занятий был здесь несколько иной, нежели в Иркутской епархии, но владыка Нил не оставлял и здесь главного труда своей жизни, перевода Богослужебных книг на бурятский язык, в чем активным помощником его продолжал быть протоиерей Николай Нилов-Дорджиев, по указу Св. Синода приехавший в Ярославль вместе с архиепископом Нилом. И хотя перемена климата расшатала его здоровье, отец Николай не оставлял трудов по переводу, завершенных только лишь в 1860 г.

Совместными трудами архиепископа Нила и протоиерея Николая Нилова-Дорджиева были переведены на монголо-бурятский язык и изданы на этом языке Начатки христианского учения, Краткий молитвослов, Служебник, Требник, Ирмологий, Октоих, Часослов, Триоди Постная и Цветная, Последование на день Св. Пасхи, Минеи Общая и Праздничная, Евангельские и Апостольские чтения на весь год и разные другие службы.

5 сентября 1860 г. в день св. пророка Захарии и прав. Елизаветы в Преображенском соборе Ярославского Спасо-Преображенского монастыря было совершено первое православное богослужение на бурятском языке.

Причем, несмотря на то, что из всех участников богослужения только для совершителя его протоиерея Нилова-Дорджиева бурятский язык был понятен, присутствовавшие при богослужении свидетельствовали о том, что богослужение шло плавно, стройно, умирительно. Достигнуто это было благодаря тому, что переводы Богослужебных книг были «печатаны, с мудрой предусмотрительно-

стью, славянскими буквами и уяснены цитатами славянского текста. При условиях сих, малейшая подготовка делает и чтеца и певца способными к исполнению лежащей на них должности» и тем, что песнопения переложены были на ноты директором придворной певческой капеллы Алексеем Федоровичем Львовым [4]. «До йоты сближено оно с тоном Киевского напева и приукрашено всеми совершенствами, какие дарует Помазание свыше...»[4].

На другой день отец Николай покинул Ярославль, отправившись в Иркутск, для того чтобы содействовать распространению богослужения на бурятском языке в тех приходах Иркутской епархии, где преобладало бурятское население. В 1867 г. Св. Синодом было официально разрешено богослужение на бурятском языке. Правда, через несколько лет среди членов Св. Синода возобладало мнение о том, что переводы богослужебных текстов, совершенные архиепископом Нилом и протоиереем Николаем, непрактичны и мало понятны для бурят. И печатание богослужебных книг на бурятском языке было прекращено.

Последние годы жизни отец Николай преподавал в Петербургском университете монгольский язык. В 1878 г. он тяжело заболел, оказавшись совершенно без средств к существованию, и через нескольких месяцев тяжких страданий скончался.

Его духовный отец и покровитель архиепископ Нил скончался 21 июня 1874 г., надолго оставив о себе память в народе «...как о человеке большого ума, пылкого характера и своеобразных привычек...» Владыка Нил «...был более «русском вкусе», было в нем что-то геройское, какая-то смелость оригинальность, иногда чудаковатость, нравившаяся народу, выделявшая его из ряда обыкновенных людей. Твердо укоренилась в губернии легенда о том, что Нил предсказал день своей кончины, на могилу его ходили как будто в ожидании чудес» [5].

Погребен был преосвященный Нил в Ярославском Спасо-Преображенском монастыре под алтарем построенного им близ паперти Печерской церкви храма во имя прп. Нила Столобенского.

По духовному завещанию владыки Нила две панагии, украшенные драгоценными камнями, и бриллиантовый крест на клубук, которыми он был награжден за пастырские труды, были проданы в кабинет Его Величества, а вырученные за них 6 300 р. переданы в Ярославское Попечительство о бедных духовного звания. Богатейшую коллекцию минералов, собранную им во время поездок по Сибири, завещал он Петербургскому университету, почетным членом которого был при жизни.

«Немного было у нас архиереев с таким умом, деятельностью и опытностью, как преосвященный Нил», - так отзывался о нем св. Иннокентий Вениаминов, митрополит Московский, бывший сотрудник владыки Нила в деле просвещения сибирских инородцев [6].

Остается лишь сказать о том, что «благодарные» потомки «почтили» память архиепископа Нила разрушением церкви преп. Нила Столобенского, стоявшей над его могилой. В учебных пособиях «История Ярославского края» и «Ярославский край в XIX веке» имя преосвященного Нила не упоминается, хотя в «Истории Ярославля с древнейших времен до наших дней» ему уделено целое предложение!

Библиографический список

1. Митрополит Мануил (Лемешевский). Русские православные иерархи [Текст]: в 2 т. /Мануил (Лемешевский), митрополит. - М., 2003. - Т. 2. - 404 с.
2. Ярославские епархиальные ведомости [Текст]. - Ярославль, 1861.- 31 декабря (№52).
3. Там же. -1860.- 24 сентября (№24).
4. Там же. - 17 сентября (№23).

5. Князь Урусов, С.Д. «И вот, вдали показался красавец Ярославль...» [Текст] /С.Д.Урусов, князь//Ярославская старина. –Ярославль, 1875. –Вып.4. – 137 с.

6. Головщиков, К.Д. Ярославский Архиепископ Нил [Текст] / К.Д.Головщиков. - Могилев, 1894. – 252 с.

© В. А. Марченко (ЯГПУ)

Приоритеты раннего монашества в трудах свв. Иоанна Златоуста и Амвросия Медиоланского

История монашеского движения в его ранний период, когда это движение только зарождалось, продолжает оставаться интереснейшей темой для исследований. Западное монашество начало развиваться на тех основаниях, которые были разработаны восточной церковью, однако очень скоро эти движения расходятся. В связи с этим, сопоставление взглядов двух великих святителей будущей Восточной и Западной церквей – св. Иоанна Златоуста и св. Амвросия Медиоланского – представляет особый интерес для выяснения специфики развития монашеского движения в IV веке на Востоке и Западе и уже дает, на наш взгляд, возможность сказать, на кого из них станет ориентироваться Запад. Биографии свв. Амвросия и Иоанна во многом можно назвать типичными для своего времени. Оба они родились и выросли в христианских семьях: Амвросий – в семье преторианского префекта Галлии в г. Трире, Иоанн – в семье магистра войск Востока в столице Сирии – г. Антиохии.

Оба они уже в юности стали блестящими ораторами, готовясь к адвокатуре и получив образование в лучших языческих школах, и оба уже в юности были увлечены монашеским идеалом и начали практиковать аскезу: Иоанн – в аскетическом кружке Диодора и Картерия, который нахо-

дился в окрестностях Антиохии, Амвросий – по примеру своей старшей сестры Марцеллины, принявшей впоследствии монашеский постриг. Далее к Иоанну было привлечено внимание еп. Мелетия, который рукоположил его в клир антиохийской церкви в звании чтеца (369 г.). Во время гонений на православных священников Иоанн провел 6 лет в пустыне, 4 из них – в монастыре с другими монахами и 2 – анахоретом, скрываясь в уединенной пещере (373—379 гг.). Амвросий в это время был приближен к себе префектом Пробом, который сделал его своим советником и вскоре рекомендовал на освободившееся место наместника двух провинций Северной Италии с центром в г. Медиолане (373 г.). Здесь, спустя одиннадцать месяцев, в декабре 374 г. Амвросий был избран епископом на освободившуюся кафедру, которую и занимал в течение последующих 12 лет. Иоанн тем временем, вернувшись из пустыни и пройдя за несколько лет все ступени церковной иерархии, стал пресвитером антиохийской церкви (386 г.), а спустя 12 лет, благодаря своей огромной популярности и по протекции придворного евнуха Евтропия, был рукоположен архиепископом г. Константинополя. Взгляды свв. Иоанна Златоуста и Амвросия Медиоланского на задачи и цели монашеской жизни можно выяснить на примере сопоставления отдельных мест из их творений разных лет, которые, так или иначе, касаются темы монашества и аскезы.

Для этого нами будут рассмотрены ранние трактаты св. Иоанна Златоуста, почти целиком посвященные различным проблемам монашеской жизни «К враждующим против тех, которые привлекают к монашеской жизни» (~375 г.), его экзегетические творения разных лет («Восемь слов на книгу Бытия», «О Лазаре», «Толкование на Евангелие от св. Матфея Евангелиста», 390 г.) и, наконец, знаменитые «Беседы к Антиохийскому народу о статуях», произнесенные по поводу событий восстания 387 г., в переводе, вы-

полненном при Санкт-Петербургской Духовной Академии [1. Т. I. С. 43—122, 769—828; Т. II. С. 5—247; Т. IV. С. 726—775; Т. VII. С. 68—69]. Так как экзегетические творения св. Амвросия, в которых содержится большая часть интересующих нас представлений, остаются, к сожалению, неопубликованными на русском языке, их нам придется анализировать в изложении Г. Прохорова. В представлениях свв. Иоанна и Амвросия об аскезе немало следов стоического подхода, а образ монаха зачастую напоминает образ мудреца-философа. В одном из своих ранних трактатов, написанных еще в пустыне (ок. 375 г.), Иоанн, например, говорит: «Так, поистине царь есть тот, кто побеждает гнев и зависть и сладострастие, подчиняет все законам Божиим, сохраняет ум свой свободным и не позволяет возобладать душою страсти к удовольствиям. Такого мужа я желал бы видеть начальствующим над народами, и землею и морем, и городами и областями, и войсками; потому что кто подчинил душевные страсти разуму, тот легко управлял бы и людьми согласно с божественными законами, так что он был бы вместо отца для подчиненных, обращаясь с городами со всякою кротостью. А кто по-видимому начальствует над людьми, но раболепствует гневу и честолюбию и удовольствиям, тот, во-первых, может быть смешным для подчиненных, потому что хотя носит венец, украшенный драгоценными камнями и золотой, но сам не увенчан смиренномудрием, и хотя все тело его блестит багрянницею, но душа его остается неукрашенной. Потом он не будет знать, как распорядиться с властью, потому что неспособный управлять самим собою как может подчинять законам других?» [1. Т. I. С. 72].

Св. Амвросий, в свою очередь, определяя аскезу как практическую и отрицательную добродетель (которая подразумевает отрицание плоти и мира), а также как добродетель по отношению к самому себе, подчас сближает ее со

стоическими воздержанием или умеренностью [2. Т. XV. С. 249]. Наряду с этим, значительное место как в проповедях св. Амвросия, так и св. Иоанна в связи с их представлениями о необходимости аскезы отводится учению о первородном грехе, связанном с их историческим подходом к истолкованию св. Писания [2 Т. V. С. 65—73, 208]. Согласно ему, все люди подвержены действию греха не только вследствие собственных прегрешений, но и вследствие прегрешения Адама, Евы и других прародителей. «В настойчивости, с какой он [Амвросий – И. С.] указывает на связь греховности с грехом Адама, он идет дальше и греков, и Тертуллиана», – отмечает Л.П. Карсавин [3. Т. III. С. 67]. Исходя из мысли о всеобщей греховности человеческого рода, св. Амвросий, предвосхищая Блаж. Августина, приходит к идее о невозможности искупления греха без божественной помощи. Спасение души, таким образом, по св. Амвросию, достигается посредством веры при содействии божественной благодати, а конечной целью аскезы, в сочетании с другими тремя практическими добродетелями, становится посредством подавления греховных страстей и действия благодати очищение от греха и возвышение до уровня теоретической (sofia qewrhtikh) добродетели – созерцания Бога [3. Т. I. С.101].

Позиции св. Иоанна Златоуста в его отношении к монашеству во многом были связаны со сложностью социально-политической обстановки и обусловлены ею. В отличие от Запада, монашество на Востоке к этому времени было уже значительной общественной силой, с мнением которой приходилось считаться как светским властям, так и церковным иерархам и отличалось сложнейшим социальным и возрастным составом. Со второй половины IV столетия массовый уход в монастыри стал во многом побочным результатом несовершенства и болезни общества [4. С.101–104]. Неудивительно поэтому, что особое значение в

учении св. Иоанна Златоуста приобретает мотив подчинения практически неуправляемого монашества власти церковных иерархов. Это отразилось в разработке им теории о происхождении властей, также связанной с учением о первородном грехе. Согласно св. Иоанну Златоусту, различные виды греха порождают разные виды господства и подчинения, направленные на исправление греховной человеческой природы.

Так, прегрешением Адама и Евы было введено господство мужа над женой; прегрешением Хама – рабствование Хама и его потомков братьям его; следствием того, что мы «не вразумились первыми двумя» и действия злых людей» – подчинение начальникам и правителям [1. Т. IV. С. 747—748]. Что касается проявления отношений начальствования и подчинения у пустынников, то хотя у них нет приказаний, но начальствование у них есть, поскольку там господствует порядок [1. Т. VII. С. 732]. Однако как люди, обращенные лицом к добродетели, они не нуждаются в начальствовании. Кроме того, даже если признавать существование в монастырях обычного начальствования, то оно противоречит происхождению начальствования от греха – тогда вероятно, что в монастыре есть и не – добродетельные люди. Можно было бы предположить, что речь идет о «настоящем начальствовании», т. е. о власти над самим собой, однако тут же говорится: «есть у них и низшие, но высший не смотрит на это, а почитает себя ниже их, и чрез то делается большим...» [1. Т. I. С. 127-128]. С одной стороны, монахи, как люди, обращенные лицом к добродетели, не нуждаются в мерах исправления со стороны правителей. Это можно объяснить тем, что власть в монастырях (как и власть в церкви) относится к еще одному виду господства, «родительскому», основанному не на грехе и пороке, но на награде родителям за муки рождения, и монахи подчиняются «старшим» по «естественному порядку» [1. Т. II. С.

85, 759]. Власть монастырских авв – родительская и не сопровождается, по представлению Златоуста, обычными пороками светской власти – гордостью, высокомерием и оскорблениями, ибо в монастырях нет того, что их вызывает, – бедности и богатства, славы и бесчестья, но, напротив, равенство жизни и простой труд располагают монахов к смирению [1. Т. VII. С. 732—734]. Еще один способ объяснения существования монастырских властей состоит в том, что монахи сохраняют идею об обычном начальствовании, так как все мы искупаем библейских прародителей.

Возвращаясь к рассуждению о господстве и рабстве, о котором было сказано вначале, необходимо дополнить следующее. Хотя одна Ева своим грехом ввела рабство, но осуждены за это все женщины, вся женская природа [1.Т. IV. С. 750]. Точно так же, хотя один Ханаан оскорбил отца, в рабство было ввергнуто все потомство. В «Восьми Словах на кн. Бытия» Иоанн говорит: «Итак, первое господство ввело преслушание. Не на то здесь обращай внимание, что Бог привел его в надлежащий порядок, а на то, что самое существо (fusiV) рабства произвел грех» [5. С. 54, 595]. Таким образом, хотя другие люди живут порочно, но все находятся под властью начальников. Иоанн отмечает, что как все неизлечимые болезни ведут к смерти, так и все грехи разными путями ведут к рабству. Природа греха порождает рабство. Поэтому, хотя рабство было введено и не нашим преслушанием, но укреплено оно нашими грехами [1. Т. IV. С. 745].

Таким образом, в учении св. Иоанна Златоуста наблюдается двойственное представление о власти в монастырях. Монахи как люди, обращенные лицом к добродетели, освобождаются от рабства на индивидуальном уровне, но, с другой стороны, природы греха они изжить не могут, поскольку грех понимается Иоанном не как личное качество, но присущее вообще всей человеческой природе. Мо-

нах, таким образом, изживает природу рабства на индивидуальном уровне, но для человеческого рода он тем самым рабства не уничтожил. Поэтому, исходя из этой точки зрения, спасение монахов возможно только после спасения всего человечества, но до тех пор, пока они не изжили самой природы рабства, даже индивидуальное обращение к благу по природе подлжит отношениям рабства и господства. Для достижения Спасения, таким образом, каждый из монахов должен, не выходя за границы своей природы, получить внешнее освобождение через повиновение Воле Божьей. Согласно учению Иоанна Златоуста, если человек потребуе внешнего освобождения от рабства, тем самым он преступит границы своей природы, а это недопустимо, так как природу добродетельной он сделать не может. Таким образом, в том числе и в монастырях сохраняется и идея гражданского начальствования, и по отношению ко всем, даже к братьям, не следует требовать уничтожения отношений господства и подчинения, которые лишь приобретают здесь максимально мягкую форму. Кроме того, эти отношения смягчаются и по самому закону природы, который как в случае власти мужа над женой, так и в случае власти родителей над детьми не только обязывает детей уважать родителей, но и родителей заставляет любить их [1. Т. II. С. 191 – 200; Т. IV. С. 748 – 749]. В «Беседах к Антиохийскому народу о статуях», произнесенных вслед за свержением императорских статуй в г. Антиохии, Иоанн рассказывает о том, что мать одного из заключенных молила судей о прощении сына. «Нисколько не удивительно, – говорит он, – если бы та мать и умерла за сына, потому что велика власть природы и непобедима сила болезней рождения» [1. Т. II. С. 201]. На четвертом виде господства, родительском, основана не только власть родителей над детьми, но и отношение церкви к гражданам, как матери к детям. Это является одним из объяснений того, почему бедствия

не могли устрашить иноков, когда городу угрожало полное истребление [1. Т. II. С. 209—210]. Но можно понять это и так: поскольку господство рождается грехом, постольку добродетельный инок не имеет над собой господина, но, напротив, добродетелью восстанавливает свое господство и сам становится начальником. Тогда становится понятным следующее. Начальствующие бежали из города, а иноки выполнили функцию усмирения, чередуя великую, но не дерзновенную смелость с нераболепным уважением и скромностью, выказывая, таким образом, две добродетели – скромность и свободу. Можно предположить, что свободу они выказывали на основании внутренней, подлинной свободы, а скромность – на том основании, что не нуждаются в противопоставлении себя начальникам, но, напротив, подчеркивают им свою подчиненность, ибо в рабстве свобода ярче сияет [1. Т. II. С. 194].

Итак, свв. Амвросий и Иоанн сходятся на том, что грех заложен в самой человеческой природе. Однако вопрос о возможности искупления греха и Спасении человека Иоанн и Амвросий понимают по-разному. Согласно св. Амвросию, греховное начало кроется в человеческой природе, человеческая природа развращена и все люди легко подвержены греху. При этом он считает, что можно исправить отдельные личности, но нельзя переменить всеобщую природу, а тот, кто пытается уничтожить в сердцах людей зло, «черпает воду тонкой сетью» [2. Т. II. С. 217—218]. По Златоусту человек также, даже искупив грех на индивидуальном уровне (примером чего являются монахи), в силу причастности общей человеческой природе вновь оказывается подвержен греху. Спасение монахов, согласно Иоанну, становится возможным только после Спасения остальных людей, т. е. изживания греховной всеобщей природы, поэтому монахи и «молятся о Спасении всей Вселенной» [2. Т. XV. С. 192].

Таким образом, учение Иоанна предполагает большую, по сравнению с учением св. Амвросия, ответственность монахов в деле спасения остального человечества. С этим связано и различное понимание святыми отцами проблемы взаимоотношений монашества и церкви. Если Амвросий признает монашество исключительно как институт, освященный церковным авторитетом и находящийся «внутри» церкви (чему способствовали и внешние условия, в которых приходилось развиваться западному монашеству), то Иоанн (по крайней мере, до своего епископства в Константинополе) допускает его известную независимость и свободу в принятии решений. Примером этому могут служить «Беседы к Антиохийскому народу о статуях», в одной из которых Иоанн восхищается заступничеством монахов за город перед властями в восстании 387 г. и где он, в частности, говорит: «Прожив безвыходно столько лет в своих пещерах, они (οἱ μοναχοί), никем не призванные, никем не наученные, как только увидели, что город облегло такое облако, оставили свои кущи и пещеры и стеклись со всех сторон, как Сошедшие с неба ангелы...» [1. т. II. С. 190]. Характеризуя представления свв. Иоанна и Амвросия в целом, можно отметить, что если учение св. Иоанна выигрывает с точки зрения более систематичного подхода, то у св. Амвросия можно найти лишь зачатки представлений о монашестве. Однако основное достоинство проповедей св. Амвросия кроется, на наш взгляд, не в создании им более или менее целостной системы представлений, но в его проповеднической манере. Рассмотрим ее на примере сопоставления их бесед «О покаянии» [1. Т. II. С. 305—387]. Св. Иоанн Златоуст, начиная с разговора об отчаянии и небрежении слушателей, строго классифицируя пути покаяния — исповедь, оплакивание грехов, смирение, а также описывая пути, с помощью которых можно избежать греха, обращается скорее к разуму своих слушателей, что разовьется

позднее в прием диатрибы – диалога с воображаемым оппонентом, когда говорящий передразнивает своего собеседника, а затем отвечает на его вопросы и возражения [1. Т. II. С. 286—287]. Св. Амвросий, напротив, говоря о покаянии и хорошо представляя себе эмоциональное состояние собеседника, обращается прежде всего не к разуму, а к чувству, говоря о милосердии к покаявшемуся грешнику. В этом – сила проповедей св. Амвросия и его заслуга перед своими современниками и нами – читателями его творений.

Таким образом, сопоставление взглядов свв. Амвросия Медиоланского и Иоанна Златоуста, – прежде всего, не «кабинетных ученых», но выдающихся церковных деятелей и проповедников норм христианской морали и нравственности, – позволяет в общих чертах говорить о специфике восточного и западного подхода в понимании приоритетов монашества [2. Т. III. С. 27, 99—100]. О логическом развитии взглядов св. Амвросия можно говорить у его великого ученика – Блаж. Августина, в связи с которым Л. П. Карсавин однажды отметил, что западная церковь не может выйти за рамки своего индивидуализма, «целостно вылиться за пределы своего я, ощутить единство во Христе всего человечества. Августин сознает необходимость церкви, как единства во Христе всех принявших крещение, потому, что чувствует бессилие своего одинокого разума познать Истину без помощи авторитета и бессилие своей одинокой воли спасти себя без благодатного содействия» [3. Т. I. С. 21—22]. В представлениях св. Иоанна Златоуста о монашестве отразилась восточная практика активного участия монашества в социальной и политической жизни, обоснование которой было найдено им в учении об искуплении первородного греха, а в своем отрицательном аспекте повлиявшая на разработку учения о необходимости повиновения монахов светским и монастырским властям.

Библиографический список

1. Свт. Иоанн Златоуст. Собрание сочинений [Текст]: в 24 т. / Свт. Иоанн Златоуст. - М., 1905.
2. Свт. Амвросий Медиоланский. Собрание сочинений [Текст]: в 15 т./ Свт. Амвросий Медиоланский. - Киев, 1903.
3. Карсавин, Л.П. Сочинения [Текст]: в 3 т. / Л.П. Карсавин. - М., 1995.
4. Каптерев, Н.Ф. Сношения Иерусалимских Патриархов с русским правительством с половины XVI до конца XVIII столетий [Текст] / Н.Ф.Каптерев. - СПб., 1895.
5. Богословский, И.Н. Бог Отец – первое Лицо Святыя Троицы в памятниках древнехристианского искусства [Текст] / И.Н.Богословский // Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. - М., 1893. – 550 с.

© М.А. Буздыгар (ПСТГУ)

Религиозные искания С.Н. Дурылина в 1900-е–1922 гг.

В настоящее время внимание исследователей все чаще привлекают разнообразные, нередко противоречивые, но почти всегда тесно взаимосвязанные религиозные, идейные и художественные искания Серебряного века (их соединение было характерно как для эстетики символизма и возникшего на его основе «нового религиозного сознания», идеологами которого выступали Д.С. Мережковский, Н.А. Бердяев, В.В. Розанов, так и для православных религиозных мыслителей первой половины XX в. – о. С.Н. Булгакова, о. П.А. Флоренского, И.А. Ильина, А.Ф. Лосева и др.). Очевидно, что осмыслить эти искания практически невозможно без детального изучения жизненного пути и взглядов представителей русской интеллигенции. Особый интерес при этом вызывают взгляды тех, кому по разным обстоятельствам удалось избежать эмиграции и гибели в

1920-1930-е гг. и кто стал впоследствии связующим звеном между традициями дореволюционного времени и новой советской интеллигенцией, складывавшейся в середине XX в. К числу таких людей принадлежал выдающийся искусствовед и литературовед, исследователь русской общественной мысли профессор Сергей Николаевич Дурылин (1886-1954). Его судьба по-своему уникальна и вместе с тем показательна для пути, пройденного русской интеллигенцией в первой половине XX в.

Мировоззрение ученого удивительным образом соединило многочисленные, разнообразные и противоречивые идейные, религиозные и художественные искания русской интеллигенции начала XX в. В его судьбе (в период с 1902 по 1922 гг.) переплелись марксизм и толстовство, мистицизм и символизм, сектантство и богоискательство, служение Церкви и репрессии. Большое влияние на Дурылина оказало общение с о. Анатолием (Потаповым), о. Иосифом Фуделем, о. Алексием Мечевым, о. Павлом Флоренским, С.Н. Булгаковым, М.В. Нестеровым, М.А. Новоселовым, В.В. Розановым и многими другими выдающимися людьми начала XX в.

Формирование мировоззрения С.Н. Дурылина проходило в несколько этапов. В годы обучения его детская вера сменяется атеизмом. Про свой «воинствующий юношеский атеизм, очень простой, очень глупый, очень скучный» Дурылин вспоминал затем «с отвращением и горестью». В 16 лет он доходил до прямого кощунства [1]. Такие настроения, в частности, привели Дурылина к уходу из гимназии и протесту против сложившегося порядка гимназического образования [2]. Затем педагогическая проблематика, оказавшаяся в 1907-1913 гг. в центре творчества Дурылина, сыграла большую роль в становлении его мировоззрения [3]. Аспекты свободного воспитания заставляли его все больше и больше углубляться в тонкости детской психологии, в вопросы человеческой свободы. В его статьях начи-

нают доминировать нравственные аспекты педагогического процесса, вопросы собственно, педагогики как процесса воспитания личности. В своей публицистике 1906-1910 гг. Дурылин плавно переходит от резких юношеских протестов к размышлениям над религиозно-философскими вопросами, а вопросы воспитания все чаще казались ему частной формой вопросов религиозных, требующих пересмотра собственной жизни и взглядов.

Уже в эти годы постепенно происходит обращение Дурылина к мистицизму и символизму, где все необходимо было испытать, не боясь последствий, попробовать на собственном опыте – прикоснуться, по его словам, к «мирам иным». Это отчетливо прослеживается в его стихах, выражающих переживание человека, утратившего и вместе с тем ищущего цель и оправдание своего существования [4]. Испытывая острую потребность в вере, Дурылин ищет ее в религиозно-философских размышлениях об идеальной «невидимой» Церкви, о граде-Китеже [5]. В годы I Мировой войны, пережив духовный кризис, Дурылин вновь возвращается к православию, причем исповедует его истово и аскетически, сближаясь со старцами Оптиной пустыни [6]. Но этот возврат при всей своей страстности, искренности и глубине индивидуальных чувств оказался неполным. Искусство, литература, страсть к творчеству как к таковому оказались для Дурылина не менее важными и значительными элементами, чем Церковь и духовная жизнь. Сергей Николаевич пришел в Церковь, в 1920-м г. принял священный сан, но трудности, с которыми выпало ему столкнуться, оказались непосильными для него. В итоге он сформировался как человек, в основе мировоззрения которого лежали одновременно преданность Церкви и искусству. Стремление соединить церковное учение и эстетическое восприятие действительности отчетливо прослеживается в размышлениях Дурылина о творчестве К.Н. Леонтьева, в

котором он видел успешную попытку соединения вечных религиозных и культурных ценностей [7].

Творческий путь Дурылина – яркий пример исканий русского интеллигента начала XX в.: синтез лермонтовского романтизма, атеизма, толстовства, мистицизма, богоискательства, Православия. Все эти идеи то эклектически сочетаются, то, напротив, сменяют друг друга, но все вместе они органически вписываются в судьбу Дурылина и образуют уникальный, хотя во многом и болезненный духовный опыт. Идеи свободного творчества, неразрывно связанные с искусством и верой, в дальнейшем воплотились в наиболее известных работах Дурылина о М.Ю. Лермонтове, К.Н. Леонтьеве, Ф.И. Тютчеве, М.В. Нестерове и др. [8]

Характерной чертой творчества Дурылина является личное, непосредственное отношение к исследовательской работе: автор не просто описывал или оспаривал «предмет» текущего исследования, но и сам раскрывался и изменялся в ходе своего диалога с ним. Тем самым культура и искусство не просто являлись предметом профессионального интереса Дурылина, но превращались в поле, на котором решались самые крупные и крайние мировоззренческие вопросы: о судьбах России и мира, о цели и смысле жизни, о поиске истины и религиозном опыте.

Жизненный, мировоззренческий потенциал, накопленный Дурылиным в период 1900-1920-х гг., оказал решающее влияние на всю его жизнь. В 1930-1950-е гг. он становится видным советским ученым и критиком, кавалером ордена Трудового Красного Знамени, яркой и полузагадочной фигурой столичной интеллектуальной жизни. Естественно, что эволюция его взглядов продолжалась и в этот период. Однако, начиная с середины 1920-х гг., развитие его мировоззрения отчетливо

приобретает черты диалога с прошлым: переживания и осмысления идей, событий и впечатлений начала XX в. Именно этот диалог, не прекращавшийся до самой его смерти в 1954 г., и привлекал к нему читателей и слушателей. Для них в 1930-1950-е гг. он стал воплощением преемственности поколений, разобщенных революциями, войнами и социальными экспериментами.

Примечания

1. РГАЛИ. – Ф. 2980. – Оп. 1. – Д. 401. – Л. 4.
2. Дурылин, С.Н. В школьной тюрьме: Исповедь ученика [Текст]. – М., 1907.
3. См. многочисленные статьи С.Н. Дурылина в журнале «Свободное воспитание» за 1907-1913 гг.
4. РГАЛИ. – Ф. 2980. – Оп. 1. – Д. 197, 198, 199, 200, 201, 202, 203.
5. См.: Дурылин, С.Н. Церковь невидимого града [Текст] //Дурылин, С.Н. Русь прикровенная. – М., 2000. – С. 81-82; Его же. Сказание о невидимом граде-Китеже [Текст] //Дурылин, С.Н. Русь прикровенная. – М., 2000. – С. 94. Подобные взгляды прослеживаются в неопубликованном докладе о Н.С. Лескове и вступительной статье к изданию «Цветочков» св. Франциска Ассизского (РГАЛИ. – Ф. 2980. – Оп. 1. – Д. 10; Дурылин, С.Н. Св. Франциск Ассизский и «Цветочки» [Текст] //Цветочки святого Франциска Ассизского. - Репринт. М., 1990. – М., 1913. – С. 3-32.
6. В это время С.Н. Дурылин пишет следующие работы: Приход, его задачи и организация [Текст]. – М., 1917; Епископ, его служение и власть по учению Св. Отцов и учителей Церкви [Текст]. РГАЛИ. – Ф. 2980. – Оп. 1. – Д. 12; Апокалипсис и Россия. (Памяти отца Иосифа Фуделя) [Текст]. – Ф. 2980. – Оп. 1. – Д. 13; Иконопочитание в древней Руси [Текст]. – Ф. 2980. – Оп. 1. – Д. 15; Алексей

(Лавров), архиепископ Литовский и Виленский (1829-1890) [Текст]. – Ф. 2980. – Оп. 1. – Д. 17; Об ангелах [Текст]. – Ф. 2980. – Оп. 1. – Д.19; Отец Иосиф Фудель. (Мои памятки и думы о нем и о том, что было ему близко) [Текст]. – Ф. 2980. – Оп. 1. – Д. 215.

7. РГАЛИ. – Ф. 2980. – Оп. 1. – Д. 161.

8. См.: Тютчев в музыке [Текст] //Уrania. Тютчевский альманах, 1803-1928. – Л., 1928; Моя литературная судьба. Автобиография Константина Леонтьева. Публикация и комментарии С.Н. Дурдылина [Текст] //Литературное наследство. – М., 1935. – Т. 22-24. – С. 470-496; Врубель и Лермонтов [Текст] //Литературное наследство. М., 1948. Т. 45-46. С. 541-622; Нестеров-портретист. – М.-Л., 1949; Нестеров в жизни и творчестве [Текст]. – М., 2004.

© В.Т. Юсупов (ЯГПУ)

Новые религиозные движения: деструктивные психотехники

Современная совокупность религиозных явлений может быть охарактеризована как настоящий *“религиозный хаос”*: наблюдается всё больший религиозный полиморфизм, плюрализм и волюнтаризм, быстро возрастает количественный состав так называемых *“религий современности”*, которые отличаются нововведениями, существенно разнящимися с традиционными вероучительными и нравоучительными установками, с общепринятым образом жизни. Отсюда возникает настоятельная необходимость в выявлении общих тенденций и установлении ориентиров и критериев для оценки того или иного феномена и формирования адекватного к нему отношения. Особую актуальность изучению *“религий современности”*, *“возникающих религий”*, *“альтернативных религий”* и др. явлений, условно обозначаемых термином *“новые религии”*

озные движения”, придаёт нередкое использование методов неосознаваемого человеком психологического воздействия и технологий реформирования и контроля его сознания. При этом возможен, а жизнь показывает, что и вполне реален, переход от *“рефлексивного”* (когда человек является подлинным субъектом развития своей жизнедеятельности) к *“реактивно-му”* (не выходящему за пределы непосредственных связей) способу жизнедеятельности [2.С.5-6]. В результате возникает целый ряд негативных и опасных последствий, имеющих несомненную социальную значимость.

“Новые религиозные движения” – религиозоведческий рабочий термин, не имеющий общепризнанного статуса и обозначающий разные религиозные и псевдо-религиозные феномены. Здесь следует указать на трудность выделения самого объекта и его отграничения от всего того, что собственно религией не является. Причина заключается в неопределённости понятия *“религия”*, под которую в рамках её многочисленных дефиниций (а их к настоящему времени уже насчитывается более 200) можно подвести любое явление человеческого бытия и бытия в целом [12.С.488]. В качестве иллюстрации можно привести позицию известного психолога и философа Э.Фромма, который определял религию как *“... любую систему взглядов и действий, которой придерживается какая-то группа людей и которая даёт индивиду систему ориентации и объект поклонения”*, таким образом, подводя под понятие религии практически любое социальное явление [5.С.355]. Это неудивительно, поскольку из религии как некоей целостности произошли все сферы человеческой культуры. Очень кратко и образно культуuroобразующее значение религии выразил знаменитый исследователь древних культов Дж.Фрэзер – *“Вся культура из храма”*, а не менее известный английский историк А.Дж.Тойнби считал религию одним из основных фундаментов возникновения и становления цивилизации. В то же время он рассматривал высшие религии как общества особого вида,

стоящие над цивилизациями, и по сути сводил весь исторический процесс к религиозному - *“Так история переходит в теологию”* [11.С.265]. Принимая во внимание в высшей степени разнообразный, гетерогенный материал, подлежащий дефиниции, нахождение общепринятых строгих научных формулировок понятия “религия” представляется маловероятным. Это обстоятельство создаёт известные препятствия на пути совершенствования этических и правовых норм регулирования деятельности организаций, декларирующих себя как религиозные.

В составном понятии *“новые религиозные движения”* определение *“новое”* может относиться к инновациям в веровании, нравовании, образе жизни приверженцев и т.д. - или к указанию недавнего времени их появления. Последний подход, учитывающий не только религиозные нововведения, но и исторические условия возникновения, получил наибольшее признание. И для этого имеются серьёзные предпосылки и основания даже не столько в собственно религиозной сфере, сколько в тех тенденциях изменения человеческого сообщества, которые зародились и продолжают развиваться, начиная с Нового времени, и находят соответствующее отражение в религии. На этом фоне весьма неубедительными выглядят формальный историко-географический принцип выделения существующих религий, принцип упорядочения по числу сторонников и последователей, по длительности существования и пр.

Между тем и в историческом подходе существуют разногласия. Так, в большинстве публикаций по данной тематике появление “новых религий” ориентировочно датируют серединой XIX в., в котором фиксируют около пятидесяти новых религий, а XX в. вообще характеризуют как век, продуцирующий новые религии [3.С.254]. Одновременно имеет место не менее авторитетное мнение, в котором понятие *“новые религиозные движения”* применяют к обозначению религиозных движений и групп, получивших широкое распространение в 1960-1970 гг. в США, странах Западной Европы, некоторых государствах

Азии, а в середине 1980-х гг. и в России [8.С.706-707]. В качестве их характерных особенностей указывают на отсутствие укоренённости вероучения в традиции народности страны, нации, региона; внезапность приобщения к той или иной вере; несомненный харизматический статус лидеров и ряд других, менее существенных, например, то, что их приверженцы являются верующими в первом поколении. В отечественном религиоведении для обозначения таких *“новых религиозных движений”* наиболее часто используют термин *“тоталитарные секты”* [6.С.44].

В рамках отмеченных вариантов исторического подхода к выделению и группировке *“новых религиозных движений”*, естественно, по-разному трактуются предпосылки, причины и истоки их возникновения. Не рассматривая и не противопоставляя те или иные воззрения, несомненно верные в частностях, в отношении выделенных по разным принципам и признакам *“религиозных движений”*, стоит всё же согласиться с мнением, что в качестве наиболее общих предпосылок появления *“новых религий”* выступают, с одной стороны, разочарование в результатах просвещения и секуляризации, а с другой – *“возвращение религии”*, восстановление и осознание её значения как фактора, существенным образом влияющего на личную и общественную жизнь [3.С.3-4]. С просвещением связывают признание *“примата разума”* и его *“легитимности”* в критическом подходе к догмам и основам веры. Секуляризация же предполагает вытеснение религии из общественной жизни и ограничение религиозных проявлений сферой частной жизни индивидуума. Настоящее состояние человека и человеческого сообщества свидетельствует о несостоятельности такого отношения. Отсюда понятен всё возрастающий общечеловеческий интерес и обращение к религии наук, занимающихся изучением не только религии, но и человека и общества.

В итоге продолжающегося изучения религиозного феномена с позиций самых разных научных дисциплин было

предложено множество гипотез и теорий в отношении религии, её происхождения и содержания. Несмотря на это, природа религии по-прежнему остаётся загадкой, поскольку для понимания сущности религии мало что даёт исследование её внешних проявлений, бытования и функционирования тех или иных институтов, социальных, психологических и иных смыслов, тех или иных догм и культов. Так, социологическая и религиоведческая концепции религии характеризуют религиозный феномен исключительно внешним образом, описывая и объясняя функционирование религии, но не её суть. Философия религии обращается непосредственно к религиозному сознанию, базируясь на отождествлении человеческого сознания с человеческой психикой, личностью, а рационального мышления - с человеческим мышлением как таковым. Однако развитие наук о человеке в XX столетии показало, что это совсем не так: сложнейшей и весьма автономной сознательной частью феномен человеческой личности далеко не исчерпывается [1.С.28]. Наконец, психология религии затронула глубинные подсознательные слои человеческой психики и выявила их связь с религиозными проявлениями, но её методы, в особенности методы трансперсональной психологии, вызывают серьёзные сомнения, поскольку изначально предполагают определённое внешнее воздействие и имеют, если так можно выразиться, “*технологическую*” природу (совсем не случайно их определяют как психотехники); более или менее законченное научное представление о психике человека остаётся нереализованным, а тысячелетний эмпирический опыт разных религиозных традиций - в научном аспекте невостребованным и неуяснённым. Одновременно существует опасность использования обнаруженных психических явлений и закономерностей для разработки методов неосознаваемого человеком психологического воздействия на его психику с целями, отнюдь не религиозными. На этом фоне изучение новых религий и религиозных движений по их основной направленности и соотнесённости с живыми истори-

ческими религиозными традициями, осмысление объективных результатов современных научных исследований в свете Божественного Откровения и святоотеческого учения выглядят сейчас особенно актуальными, оправданными и продуктивным как в плане ориентации в настоящем “религиозном хаосе”, так и в отношении выявления в основных чертах сущностной характеристики “*новых религиозных движений*”. Данное обстоятельство определяется тем, что в ракурсе конфессионального подхода проблемы происхождения, сущности и природы религии оказываются “снятыми”.

Фундирующим является положение, сформулированное в речи Апостола Павла в Ареопаге (Деян.17: 26-28) и красной нитью проходящее в творениях Св. Отцов и богословов вплоть до настоящего времени о том, что “*все человеческие существа имеют общее происхождение, общую человеческую природу и общее предназначение*” [7.С.41]. Современные научные данные подтверждают данное воззрение на происхождение и природу человека, а общий смысл творения человека и его земного существования становится всё более очевидным на фоне глобализации проблем, поставленных в наше время перед каждой человеческой личностью и человечеством в целом. Таким образом, становится всё более явственным, что общечеловеческие проблемы, по сути, представляют собой проблемы религиозного содержания и поэтому могут получить своё разрешение исключительно в религиозной сфере, ибо только в ней можно найти ответы на “*последние и вечные*” вопросы о тайнах бытия. Несмотря на различия в ответах на эти вопрошания, все религии выходят к одному горизонту: к некоей трансцендентной Реальности, сущей за пределами чувственных явлений, - и в конечном счёте сущностью религиозной проблематики всегда был и остаётся поиск этой высшей Реальности, высшей Истины [7.С. 44,48].

Различные вероучения при всей универсальности базисного положения о Первопричине, единосущности челове-

ского рода и его общем предназначении трактуют и интерпретируют их своим особенным образом. Именно в русле этих представлений складывается исторически изменчивая соотносённость и взаимосвязь человека с иной Реальностью. При этом свободно избранные направления этого поиска и встречное движение со стороны иной Реальности предопределяют сущностную природу того или иного религиозного феномена, а вопрос об истоках религии оказывается тесно увязанным с воззрениями на происхождение человека. В этом контексте понимание истории религии, а следовательно, и новых религиозных движений в рамках современных научных парадигм при всей их объективности неадекватно сути происходящего религиозного процесса. Так, вряд ли можно говорить об эволюции или инволюции религии, поскольку, раз возникнув, религиозные верования в том или ином виде существуют вплоть до настоящего времени, включая и архаические формы религии: анимистические и аниматические представления присутствуют во многих развитых религиях, а национальная религия японцев – синтоизм (“путь богов”) в значительной мере базируется на них. Это свидетельствует о том, что сущность религии всегда оставалась и остаётся самотождественной самой себе; менялись и продолжают изменяться лишь разные исторически сложившиеся формы выражения этой сущности [10.С.116]. Отсюда далеко не случайно известный религиовед и мыслитель М.Элиаде назвал фундаментальный труд, подведший итог всей его научной жизни, “Историей веры и религиозных идей”, а о. Александр Мень озаглавил свою широко известную попытку православного освещения религиозного феномена “Историей религии”, но не религий, рассматривая её как общечеловеческий процесс в его исторической ретроспективе.

С точки зрения результатов этого процесса следует в полной мере уяснить тот факт, что современное состояние и развитие человека и человеческого сообщества целиком и полностью обусловлено и проходит под эгидой Христианства и

знаком активного противостояния и противодействия ему. Все настоящие достижения человеческой цивилизации (рассматривая их отвлечённо, вне моральных и этических аспектов) явились не просто плодом западной христианской культуры, но позднего этапа её развития, начиная с эпохи Возрождения и Реформации: никакая другая культура, возникшая вне Христианства, не могла их породить и реально не породила, поскольку в сущности только Христианство (конечно, в разных конфессиях по-разному) провозгласило и ориентирует человека на активную богоугодную деятельность во внешнем мире и в обществе себе подобных. Именно поэтому история народов христианской культуры – феноменально динамичная и творческая на фоне истории традиционных обществ Востока [1.С.17,67]. С утверждением Христианства в качестве мировой религии началось невиданное ранее ускорение хода мировой истории, приобретшей в “*религиях Откровения*” линейное измерение и эсхатологическую направленность.

Эти эсхатологические ожидания оправдываются известными тенденциями в создании “*новой мировой религии*”, “*научно-технической экуменизации*” духовной жизни, установлении “*нового мирового порядка*”, добровольном принятии или принудительном навязывании человеческому сообществу “*нового образа жизни*”, то есть фактически формированием единой мировой цивилизации. Отмеченные тенденции имеют прямое отношение к религиозной “*проблематике*”: религиозным доктринам; понимаемым в широком смысле этическим установкам; способам жизнедеятельности как в “*духовной*”, так и в других сферах человеческого бытия. В плане рассмотрения “*новых религиозных движений*” это позволяет избрать иную, “*конечную*” точку отсчёта, а именно – средоточие и абсолютизацию и духовной и светской власти в одних руках, в одном лице - ситуацию, имевшую близкую, но далёко не полную аналогию и реализацию в истории самых разных народов, культур и цивилизаций и заканчивавшуюся обязательным кри-

зисом и драматической исторической развязкой. В этом контексте могут пониматься и “*новые религиозные движения*”, и их реальное воплощение и трансформация в так называемые “*тоталитарные секты*”, и многое другое, наличествующее в современном человеческом бытии.

Если ранее тоталитаризм выражался, в основном, в полном контроле над внешними проявлениями человеческой жизнедеятельности, то в тоталитарных сектах под полный контроль и психологическую зависимость подпадают не только явления социального порядка, но и духовное, душевное (психическое) и физическое состояние человека, всеобъемлюще охватывая все стороны человеческого бытия. Тоталитарные секты определяют как особые авторитарные организации, лидеры которых, стремясь к власти над своими последователями и к их эксплуатации, скрывают свои намерения под религиозными, политико-религиозными, психотерапевтическими, оздоровительными, образовательными, научно-познавательными, культурологическими и другими прикрытиями [6.С.784]. В организациях указанного типа активно применяются психотехники модификации поведения с внушением фобий и зависимостей. Реформирование сознания происходит незаметно на основе провоцирования когнитивного диссонанса, гипнотического транса, внушения, нейролингвистического рефрейминга, информационной перегрузки, сенсорной депривации, неврологического переимпринтирования, тотального контроля эмоций, поведения, мыслей и информации [9.С.15]. В тоталитрных сектах, обладающих высокой степенью сплочённости, происходит жесткое регулирование поведения членов при помощи коллективной системы убеждений и предписывания трансцендентного начала лидеру группы и групповой миссии, осуществляется психологическое воздействие на образ мыслей членов группы, кардинально меняются система ценностей, мировоззрение и поведение. В 2000г. Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. Сербского сделал аналитиче-

ский обзор “Проблема религиозных культовых новообразований (сект) в психолого-психиатрическом аспекте”. В работе было исследовано психическое здоровье у людей, вовлечённых в различные инновационные религиозные организации, и сделан вывод о развитии у них таких психических изменений, которые по своим проявлениям соответствуют признакам, перечисленным в Международной классификации болезней 10-го пересмотра (МКБ-10) под рубрикой F60.7 “Зависимое расстройство личности” [4.С.4-5].

Быстро растущие масштабы деятельности тоталитарных сект (по данным на 1996 г. от них пострадали только в России и Украине более полумиллиона человек; в США к началу восьмидесятых годов насчитывалось около трёх тысяч деструктивных культов, в ряды которых входило не менее трёх миллионов человек) вызывают серьёзную озабоченность во всём мире [9.С.13]. Для этого имеются серьёзные причины, поскольку фиксируется всё больше случаев проникновения сектантов в государственные структуры управления, обороны, образования; часто наблюдается криминализация тоталитарных сект, их деятельность может обретать террористическую направленность и представлять для человеческого сообщества прямую угрозу. Основанием для таких деструктивных для личности и общества процессов служат деформирование целей жизни, вседозволенность выбора средств их достижения, а также слепая подчинённость адептов лидеру или руководству секты. В этом отношении выявлена общность преступных и тоталитарных сектантских организаций по их внутренней структуре, применяемым средствам и методам [13. С.5].

“Новые религиозные движения” так или иначе составляют часть общего мирового религиозного процесса и должны рассматриваться именно в этом контексте. Для их изучения начинают активно привлекаться научные методы таких дисциплин, как социология и психология. Очевидно, что решение вопросов, относящихся к указанной проблематике, возможно

только в рамках комплексного междисциплинарного подхода. Однако до настоящего времени не проведён всесторонний научный анализ указанных тенденций мирового религиозного процесса с конфессиональной, но отнюдь не “новой” точки зрения, хотя и святоотеческие воззрения, богословские изыскания и обращение к религиозной тематике со стороны фактически всех отраслей человеческого знания объективно сходятся в этом вопросе и в оценке значимости наблюдаемых современных религиозных явлений для человеческого бытия как такового. Понятно, что исходная позиция при этом является определяющей и не может не быть конфессиональной по существу. Только она способна придать изучению религиозных явлений единый смысловой концептуальный стержень и наполнить их научное исследование и осмысление действительным предметным содержанием. Нетрудно заметить, что история обязательно соучаствует во всех этих предметных исследованиях как дисциплина, имплицитно или нет задающая методологическую направленность научного поиска. Таким образом, если мировую историю рассматривать как имеющий религиозное содержание процесс, в ходе которого *“история переходит в теологию”*, безусловно и то, что *“теология”* в этом процессе разворачивается и осуществляется в истории.

Библиографический список

1. Абачиев, С.К. Православное введение в религиоведение [Текст]: курс лекций / С.К. Абачиев. – М., 2002. – 472 с.
2. Анисимова, С.А. Психотехники в культовых организациях и теория рефлексии [Текст] / С.А.Анисимова. – М., 2004. – 18 с.
3. Антес, П. Религии современности. История и вера [Текст] /П.Антес.– М., 2001.-304 с.
4. Берсенева, Т.А., Рычкова, В.А. Духовно-психическая безопасность личности [Текст]: учебно-методическое

пособие / Т.А. Берсенева, В.А. Рычкова. – СПб., 2004. – 92 с.

5. Введение в общее религиоведение [Текст]: учебник / под ред. проф. И.Н.Яблокова. – М., 2001. – 576 с.

6. Дворкин, А.Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. [Текст]: опыт систематического исследования / А.Л. Дворкин.- Н. Новгород, 2002. – 813 с.

7. Православие в современном мире [Текст]. – СПб., 2005. – 204 с.

8. Религиоведение [Текст]: энциклопедический словарь. - М., 2006.-1256 с.

9. Технологии изменения сознания в деструктивных культурах [Текст] /под ред. И.Митрофановой. – СПб., 2004. – 224 с.

10. Торчинов, Е.А. Религии мира. Опыт запредельного: психотехника и трансперсональные состояния [Текст] / Е.А.Торчинов.- СПб., 2005.-544 с.

11. Тойнби, А.Дж. Цивилизация перед судом истории: сборник [Текст] /А.Дж.Тойнби.- М., 2002. – 592 с.

12. Философский словарь [Текст] / под ред. И.Т.Фролова.- М., 2001.-719 с.

13. Хвыля-Олинтер, А.И., Лукьянов, С.А. Опасные тоталитарные формы религиозных сект [Текст] / А.И. Хвыля-Олинтер, С.А. Лукьянов. – М., 1996. – 83 с.

© А.В. Еремин (ЯГПУ)

**К вопросу о периодизации истории
государственно-церковных отношений
в постсоветский период**

Государственно-церковные отношения в современной России - это система плодотворного сотрудничества,

обеспеченного целым комплексом вероисповедного законодательства. Формирование вероисповедной политики российского государства прошло длительный и сложный путь, через практически полное отстранение власти от важнейшей для общества конфессиональной проблемы до установления кооперационной модели, определяющей приоритет традиционных религий и их особую роль в обществе. В начале XXI века в отношениях государства и Церкви все еще остаётся ряд проблем, которые возникают в основном из-за отсутствия законодательно проработанного статуса “традиционная религия”, а также законодательного признания роли православия в качестве культурно-образующей религии. Но сейчас можно с уверенностью сказать о том, что в истории государственно-церковных отношений пройден целый этап, который необходимо серьезно изучать историкам как сформировавшийся период в новейшей церковной истории. Выделение совершенно нового периода в истории Церкви, имеющего свои закономерности и особенности, требует определения его периодизации. Однако в настоящий момент обоснованная периодизация государственно-церковных отношений до сих пор не разработана. Причиной этого являлось отсутствие документов и всестороннего анализа событий в области государственно-церковных взаимоотношений, а также отсутствие концепций изучения этого периода как целостного явления в церковной истории. В силу стереотипа “неисторичности” этого времени историки чаще всего изучали его вне исторического контекста, что мешало выявить закономерности развития событий в постсоветский период.

Отдельные вопросы взаимодействия государства и Церкви, положения Русской Православной Церкви рассматривались исследователями. Однако государственно-церковные отношения в современной России были недостаточно исследованной темой. До сих пор практически не изучено социальное учение РПЦ и государственно-церковные отношения на

современном этапе в контексте анализа культурно-исторического развития России и влияние на него Церкви, - этот аспект является необходимой теоретической базой для понимания проблемы. Слабо исследован церковный взгляд на исторический процесс, государство и общество. Недостаточно изучено внутрицерковное положение и его влияние на государственно-церковные отношения а также, за исключением нескольких работ, участие Церкви в политической и общественной деятельности. В существующих исследованиях преобладал философский и политологический аспект. Однако в исторической ретроспективе проблема практически не исследована. Фундаментальные работы, посвященные государственно-церковным отношениям в России, были написаны преимущественно в середине 90-х гг. и не охватывают весь изучаемый период. Отсутствовали комплексные исследования проблемы. Однако, чтобы выделить периодизацию этого периода, необходимо именно комплексное осознание развития государственно-церковных отношений в историческом контексте.

Итак, к началу XXI века определились ориентиры дальнейшего развития государственно-церковных отношений. В их истории на современном этапе строительства новой российской государственности можно выделить три этапа. Наиболее обоснованную хронологию событий данного периода предложил исследователь М.И. Одинцов. По его мнению, десятилетний период с 1986 года до середины 90-х годов содержал в себе следующие периоды. Первый (1986-1990 гг.) – период обновления государственно-церковных отношений, создания в системе федеральной исполнительной власти органа, ведающего религиозными проблемами. Второй (октябрь 1990 г. – декабрь 1993 г.) – реализация норм Закона “О свободе вероисповеданий” на федеральном и региональном уровнях. Третий (декабрь 1993 г. до 1995 г.) – конституционное подтверждение религиозной политики государства. К этому

периоду можно отнести законодательные акты и распоряжения Президента, Правительства и министерств, относящихся к социальной, культурной, образовательной и военной сферам[1].

Такая периодизация мало учитывает положение Церкви, и, более того, она заканчивается 1995 годом. Однако анализ дальнейшего развития государственно-церковных отношений обнаруживает несколько иные тенденции изучаемого явления. На наш взгляд, можно выделить три этапа.

Первый (1988 - декабрь 1991 гг.) – время смены ориентиров в религиозной сфере. период демократизации, предоставления Церкви необходимых для ее социальной деятельности прав. В стране уже существовал государственный орган по религиозным делам (Совет по делам религий), однако с процессом распада СССР его полномочия уменьшаются. В стране происходит строительство необходимого базиса для дальнейшего развития государственно-церковных отношений. Исчезает ярко выраженный воинствующий атеизм. Происходит постепенная реализация принципа свободы совести, который нашел свое выражение в Законе “О свободе вероисповеданий”, принятом в 1990 году. В условиях этих изменений Церковь в решениях Поместных и Архиерейских Соборов определяет основные принципы своего существования в современном мире, а также принципы взаимоотношения с государством, которые станут базисом для будущей социальной концепции.

Второй (1991-1997 гг.) – время становления вероисповедной политики. Оно выразилось в постепенном включении государства в религиозную сферу. В этот период был принят ряд федеральных и региональных законодательных актов, постановлений правительства, указов Президента. Складывается тенденция создания федерального координирующего органа, без которого невозможно проведение грамотной вероисповедной политики. Принцип свободы совести утверждается в конституции Российской Федерации. Церковь

согласно этому принципу провозглашает свою независимость от государства, что выразилось в обращениях Патриарха, а также в решениях Архиерейских Соборов. В трудные периоды становления российской государственности РПЦ выступает в качестве консолидирующей силы и поддерживает новую российскую власть, так как она является законным изъявлением народа. Тем самым Церковь выступает в качестве духовной власти и опоры власти светской. Несформированная вероисповедная политика, устранение государства из религиозной сферы приводят к бес-контрольному появлению “тоталитарных сект”, а также к нарушению федерального законодательства. Церковь ратует за новый вероисповедный Закон, и он принимается в 1997 году. В этот период РПЦ берет курс на оформление концептуальных основ видения ею современной действительности в доступной для всех социальной концепции. В стране постепенно оформляется кооперационная модель государственно-церковных отношений.

Третий (1997 - начало XXI в.) – время дальнейшего укрепления кооперационной модели государственно-церковных отношений.

К середине 90-х годов так называемая американская модель (сепарационная) государственно-церковных отношений показала свою несостоятельность, ибо не учитывала российскую действительность. Во второй половине 90-х годов сформировалась германская (кооперационная) модель. Суть этой модели состоит в регулировании государством религиозной сферы без нарушения принципа свободы совести. Признается особая роль традиционных конфессий, с которыми государство заключает обоюдные соглашения о сотрудничестве в культурной и духовно-нравственной сферах. К концу 90-х годов росло количество законодательных актов, относящихся к религиозной сфере (более 80-ти к 2000 г.). Более того, собственные Законы и иные правовые акты по религиозным вопросам приняты в 33 субъектах РФ. Среди этих актов

большинство повторяло содержание федерального Закона, однако во многих регионах они ограничивают деятельность иностранных миссионеров, деятельность сект, что часто противоречило Федеральному законодательству.

В конце 90-х годов одним из решений этой проблемы было укрепление властной вертикали через создание единого органа, обеспечивающего координацию и управление отношениями государства с религиозными объединениями. По мнению специалистов, территориальные структуры были бы менее зависимы от региональных, местных властей, чем ныне действующие органы, и смогли бы координировать их деятельность с федеральной вероисповедной политикой.

Однако к концу 90-х годов взаимоотношения РПЦ и государства обрели вид тесного и плодотворного сотрудничества. Кооперационная модель развивалась быстрыми темпами. Между РПЦ и государственными подразделениями как на федеральном, так и на региональном уровне было подписано множество соглашений о сотрудничестве в различных сферах общественной и культурной жизни, в системе управления РПЦ появлялись новые отделы по различным общественным сферам, что свидетельствовало о росте масштабов социальной деятельности. Церковь активно работала над формулировкой своей социальной концепции. Все это позволит в начале XXI века сказать Патриарху Алексию II о том, что “государственно-церковные отношения близки к идеальным”. Поэтому создание единого органа воспринималось Церковью как вероятность нарушения развивающихся тенденций, когда решение всех вопросов будет зависеть от конкретных чиновников. Ситуация, когда все соглашения заключаются напрямую между Церковью и государственными структурами (министерства, управления и т.д.), более устраивала РПЦ, так как де-факто признавался непрописанный в законодательстве приоритет Православной Церкви, которая по праву являлась конфессией № 1.

Однако с ростом значения традиционных религий становилось очевидным, что требуются новые Законы, детально прописывающие нормы отношений государства и традиционных конфессий. В конце 90-х годов назрела необходимость формулировки новой концепции государственно-церковных взаимоотношений. Становилось очевидным, что в отношениях государства с ведущими конфессиями на территории РФ требуются совершенно иные подходы. Та религиозная организация, члены которой составляют наибольшее количество прихожан, по праву могла претендовать на юридически оформленный статус традиционной религии с вытекающими отсюда преимуществами в сфере взаимоотношений с государством. Опыт западных стран показывал, что практически во всех государствах определяется та религия, которая является ведущей и имеет огромный вклад в историко-культурное развитие страны. Права таких конфессий были юридически закреплены.

Тенденция к выработке концепции воплотилась в появлении в 2001 году новых концепций государственно-церковных взаимоотношений: например, проекта, разработанного кафедрой религиоведения РАГС, или концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями РФ, представленной Институтом государственно-конфессиональных отношений и права в сотрудничестве с Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве. В обоих проектах закреплялись те базовые подходы к проблеме свободы совести, которые провозглашены Конституцией РФ, Законом 1997 г. и отражали точку зрения международного права. Это принципы отделения религиозных организаций от государства и принцип светского характера государства. В проектах впервые подробно говорилось о необходимости сохранения культурного наследия и традиций. В связи с этим отмечалось, что огромную негативную роль

сыграло религиозное влияние из-за рубежа. Россия рассматривалась иностранными проповедниками “как миссионерская целина, и, пользуясь ослабленностью за годы тоталитарного режима традиционных конфессий, в нашу страну устремились многочисленные миссионеры и проповедники десятков зарубежных церквей, миссий и других религиозных организаций”. В проектах высказывалась необходимость противодействия деструктивным религиозным организациям. Главное, что вызвало большой диссонанс в обществе, - предложение ввести в число правовых терминов понятие “традиционные религиозные организации РФ”. Наиболее четко о традиционных религиозных организациях говорилось в концепции Института государственно-конфессиональных отношений, где давались критерии их определения. Более того, предполагалось, что государство с традиционными религиозными объединениями будет иметь “приоритетное сотрудничество”. В концепции РАГСa содержалось также предложение о том, чтобы образовать государственный федеральный орган по делам религиозных объединений.

Таким образом, указанные проекты как бы подводили итог развитию государственно-церковных отношений в 90-х годах. В них оформлялась так называемая кооперационная модель. Признавался приоритет традиционных религий, необходимость противодействия влиянию “тоталитарных сект”, и чрезмерному давлению западного религиозного миссионерства. Разработанные проекты соответствовали интересам и пожеланиям РПЦ.

В этот период Церковь активно разрабатывает свою социальную концепцию. В 2000 году Юбилейный архиерейский Собор принимает “Основы социальной концепции Русской Православной Церкви”, а также ряд других важных документов. Тенденция к образованию специального органа, ведающего религиозной сферой, не исчезает, но, встречая нежелание религиозных организаций, она не находит своего

практического воплощения. Да и сама кооперационная модель вероисповедной политики мало соответствует этой идее. РПЦ занимает важнейшее место в социуме как духовный гарант общественной стабильности.

В начале XXI века существует тенденция к выработке новой концепции государственно-церковных отношений, которая четко должна определить статус и права традиционных религий, а также устранить все противоречия, возникающие в процессе взаимодействия государства и Русской Православной Церкви. Создание такой концепции в качестве нового законодательства будет означать завершение вероисповедной политики в России.

Библиографический список

1.Одинцов, М.И. Вероисповедная политика Российской Федерации: конституционно-правовые основы, содержание и приоритеты (1985 - 1995 гг.) [Текст] // Государственно-церковные отношения в России / отв. ред. Ф.Г. Овсиенко, Н..А. Трофимчук. - М., 1995. - С. 79-90.

МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОВЕДЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

© Н.А. Валеева (ЯГПУ)

Технологическая карта на уроках истории и обществознания в старших классах

В настоящее время все большая часть учителей обращается к использованию технологических карт на учебных занятиях, внедрение которых связывается с идеей технологизации учебного процесса. Технологическая карта урока (ТКУ) представляет собой системную рекомендацию для учителя и для ученика. В ней спланирована не только деятельность учителя, но и работа ученика, направленная на формирование теоретического мышления.

Принципы проведения уроков с использованием ТКУ.

1. *Принцип целенаправленности учебного процесса* реализуется через создание условий для каждого школьника по формированию индивидуального стиля учебной деятельности через самостоятельную работу с разным уровнем заданий.

2. *Принцип алгоритмизации учебного процесса* позволяет упорядочить работу учащихся по усвоению учебного содержания предмета, создает ориентировочную основу действий.

3. *Принцип самостоятельного конструирования знаний* способствует формированию инструментальной компетентности учащихся, включающей в себя переработку информации, создание на ее основе понятийной базы, овладение способами умственных действий.

4. *Принцип выстраивания собственной образовательной траектории* предполагает индивидуализацию обу-

чения (реализуется через продвижение вперед своим темпом), а также выбор уровня овладения учебным материалом.

5. *Принцип моделирования* - изучение процессов и явлений с помощью схем, кратких словесных характеристик, описаний, символов вследствие недоступности исторической реальности прошлого непосредственному наблюдению.

6. *Принцип открытости образовательного пространства урока* предусматривает возможность для учащихся заранее ознакомиться со структурой учебного занятия, с некоторыми содержательными линиями, чтобы осуществить выбор уровня сложности изучения материала, актуализировать прошлый опыт.

7. *Принцип субъектности* подразумевает личную ответственность за получение конечного результата деятельности, рефлексию собственной позиции в приобретении знаний и навыков учебной работы для осознания своего продвижения в изучении предмета и овладения способами действий от области незнания к области знания.

В структуре технологической карты урока можно выделить блоки, соответствующие идее технологизации учебного процесса.

Первый - *блок целеполагания* – представляет собой планируемый результат деятельности, что подразумевает ответ для учителя на вопросы «Чему учить?» и «Зачем учить?». Данный блок включает *тему урока*, сформулированную в соответствии с проблемно-диалогическим характером обучения истории и обществознанию на втором концентре, например, «Политическая элита, ее роль в современном обществе».

С учетом темы урока формулируется *общая дидактическая цель урока* на основе знаниевого и процессуального компонента. В качестве примера подобного рода общей цели урока можно указать следующее: цель урока -

сформировать сумму знаний по теме «Политическая элита, ее роль в современном обществе» на основе самостоятельного конструирования знаний с учетом выбора индивидуальной образовательной траектории каждым учащимся.

Общая дидактическая цель конкретизируется через *планируемые результаты урока*, которые подразделяются на блоки: знания, умения и навыки. Пример планируемых результатов урока по вышеуказанной теме по формированию знаний: подготовка учащихся к сдаче устного экзамена по обществознанию (содержательный компонент) на основе формирования понятия «политическая элита» через выявление ее сущностных характеристик. Результаты урока в области развития умений и навыков могут быть представлены следующим образом: содействовать дальнейшему развитию навыков критического мышления на основе использования приемов технологии развития критического мышления, навыков самостоятельной работы а также навыков письменной и устной речи через представление информации в различных знаковых системах (в форме таблицы, логической цепочки, ментальной карты).

Далее учитель формулирует конкретные *задачи урока*. При этом необходимо учесть, что они должны быть сформулированы таким образом, чтобы побуждать учащихся к самостоятельному выявлению причинно-следственных связей между различными историческими фактами, событиями, явлениями а также к анализу качественных и количественных характеристик исторического прошлого. В качестве примера одной из возможных задач урока можно назвать анализ таких качественных характеристик понятия «политическая элита», как виды элит в обществе, роль и функции политической элиты, факторы формирования политической элиты, основные теории политической элиты, особенности и тенденции развития политической элиты в современной России.

Однако сами по себе знания, умения и навыки в отрыве от воспитательной направленности урока не способствуют формированию личности ребенка. Кроме того, не следует забывать, что историко-обществоведческие дисциплины обладают высоким потенциалом для развития мировоззренческих качеств и ценностных ориентаций школьника. Этот фактор учитывается при формулировании *личностно-формирующей направленности урока*. Пример реализации личностно-формирующей направленности урока по теме «Роль СМИ в современном обществе»: расширить границы мировоззрения учащихся пониманием роли общественных наук в создании условий для формирования правовой культуры и гражданского самосознания; способствовать пониманию ценностей, присущих демократическим режимам и обеспечивающих складывание гражданского общества в России.

Второй блок носит название *инструментальный блок* и включает различные средства достижения общей дидактической цели, предполагающие ответ на вопрос «Как учить?».

В соответствии с содержанием первого блока целеполагания определяется *тип урока*. В старших классах на уроках истории и обществознания наиболее подходящими для проведения по принципу технологической карты будут практическая и лабораторная работа.

Учитель также отбирает наиболее адекватные достижению общей поурочной цели *методы и технологии обучения*. При этом стоит отметить тенденцию, характерную для современного состояния педагогической науки, - приоритет частично – поисковых, проблемных методов обучения, позволяющих подготовить учащихся к ведению исследовательской деятельности.

В составе инструментального блока должны быть представлены *материалы для организации познавательной*

деятельности школьников. К ним относится план учебного занятия, выдаваемый школьникам для ознакомления заранее, с указанием этапов урока и количества времени, отводимом на каждый из них (организационный момент; проверка домашнего задания; выполнение заданий; внутригрупповое обсуждение; межгрупповая дискуссия; подведение итогов урока; самоанализ урока).

Содержание каждого этапа отражается через перечень учебных элементов (УЭ), представляющих собой логически законченный блок учебного материала в виде конкретной проблемы или вопроса для обсуждения. Для каждого этапа следует указать виды деятельности учащихся, например, составление в тетрадях конспекта по УЭ, заполнение памятки-алгоритма для характеристики исторической личности, обсуждение вопроса на основе «мозгового штурма», выполнение заданий из Контрольного листа, занесение данных в Лист самоанализа деятельности.

Учитель для каждого УЭ готовит пакет документов для учащихся с заданиями разноуровневого характера, а также Лист инструкции для учащихся.

Например: *Тематика УЭ 1.* Термин «политическая элита» (12 мин).

Содержание УЭ. На основании анализа документов Вы узнаете, что такое элита, каковы ее основные признаки. *Задание:* составьте кластер, отразив основные признаки, присущие политической элите. *Инструкция для выполнения задания:* выделите признаки, характеризующие элиту в узком и широком смысле. Для этого нужно найти сходные и различные черты в подходах перечисленных авторов.

Третий блок - *организационно-деятельностный*, в котором прописываются действия и операции по достижению цели, конкретизирующие ответ на вопросы «Чему учить?» и «Как учить?». Данный блок определяет этапы урока и может быть представлен в виде следующей таблицы.

Таблица 1. План урока для учителя

№	Этапы	Вре мя	УЭ	Содержание этапа		Обратная связь	Основ ная форма работы
				Деятель ность учителя	Деятель ность учащихся		
Урок 1 (45 минут)							
Этап вызова							
1	Организа ционный момент	3 мин		разъяс нение целей и задач урока	погру жение в учебную ситуа цию		
2	Вовлече ние в дея тельность, инвента ризация знаний учащихся	5 мин		предла гает уча щимся озвучить свой вариант син квейна по теме «Поли тическая элита»	2-3 уча щихся пред ставля ют син квейны	вопросы учащихся к выступив шим, уточ нение полу ченной ин формации. На основе синквейна ученики формулиру ют цель уро ка	индиви дуаль ные ответы

Особое место занимает раздел “*Обратная связь*”, поскольку учителю необходимо на каждом этапе осуществлять контроль за пониманием изучаемого материала.

Четвертый *блок диагностики результатов* включает различные материалы для диагностики степени усвоения учебного материала учащимися. Диагностика результатов осуществляется учителем с учетом данных *Листа самооценки деятельности*.

Таблица 2.

Лист самооценки деятельности учащегося
ФИО учащегося

Индивидуальная работа				Групповая работа			
Участие в проверке домашнего задания	Постановка вопросов учителю и одноклассникам	Индивидуальные ответы на вопросы	Степень удовлетворенности собственной работой	Роль в группе	Степень активности в групповом обсуждении	Участие в постановке вопросов другим группам	Степень удовлетворенности работой

Степень удовлетворенности ученика оценивается по 5-балльной шкале. Критерии вырабатываются совместно с учащимися, например, 5 баллов - полностью доволен своей работой, 1 балл – не могу оценить свою работу.

Контроль степени усвоения учебного материала выражается в подсчете заработанных учениками баллов за выполнение заданий по каждому УЭ согласно рекомендуемым нормам. Количество баллов варьируется в зависимости от сложности и объема материала и на каждом уроке может быть разным. Общие рекомендации для перевода количества набранных баллов в отметку могут быть определены следующим образом:

100 – 85% правильно выполненных заданий - «отлично»

84 -70 %правильно выполненных заданий - «хорошо»

69 - 50 %правильно выполненных заданий - «удовлетв.»

49 % и ниже правильно выполненных заданий - «неудовлетв.»»

В конце занятия на этапе закрепления ученикам выдается *Контрольный лист*, состоящий из разноуровневых заданий, представляющих разные типы тестовых заданий. Пример Контрольного листа по теме «Политическая элита, ее роль в современном обществе».

1. Продолжите предложение:

“Закрытые” системы рекрутирования элит характерны для недемократических режимов, в которых они предстают в виде _____ и воспроизводятся в основном за счет _____.

2. Соотнесите название функции политической элиты и ее разьяснение:

1. стратегическая

2. организаторская

3. интегративная

4. коммуникативная

А) призвана формировать политические цели своей группы, класса

Б) посредничество во взаимоотношениях между различными социальными слоями и группами

В) руководство страной на стратегическом уровне управления обществом

Г) является основным резервом руководящих кадров.

По итогам урока ученики получают несколько отметок: за составление конспекта на основе подсчета баллов за каждое выполненное задание (отметка 1); за контрольный лист (отметка 2); за выполнение индивидуальных заданий учащимися (отметка 3); за работу на уроке, в том числе за групповое сотрудничество (отметка 4). Данные заносятся учителем в сводную таблицу оценки деятельности учащихся.

Таблица 3. Сводная таблица оценки деятельности учащихся

Показатель	Индивидуальная работа					Групповая работа		
	Составление конспекта		Выполнение Контрольного листа		Индивидуальные задания Отметка 3	Степень удовлетворенности ученика своей работой (по данным Листа для оценки деятельности учащихся)	Степень сотрудничества (Отметка 4)	Степень удовлетворенности работой (по данным Листа для оценки деятельности учащихся)
ФИО	Кол-во баллов	Отметка 1	Кол-во баллов	Отметка 2				
1.								
2.								
...								

Пятый блок - *методический*. Он включает текст вступительного слова учителя, комментарии для проведения урока, домашнее задание, поэтапное планирование доски.

Уроки с использованием ТКУ проводятся несколько раз в четверть, поскольку данный вариант применения ТКУ затратен по времени и требует значительной подготовки со стороны учителя по подбору дидактических материалов, формулирования заданий. Кроме того, некоторые УЭ предлагаются как опережающие домашнее задание для экономии времени на уроке так же, как индивидуальные задания, что предполагает значительную домашнюю подготовку учащихся.

Использование на уроке ТКУ обеспечивает обучение всех школьников на уровне Госстандарта, поскольку задания построены по принципу «минимакса», т.е. содержат избыточную информацию, обеспечивающую повышенный уровень. На подобных занятиях учитель имеет возможность продумать рациональное сочетание разных форм организа-

ции познавательной деятельности учащихся. Кроме того, диагностика успешности учащихся осуществляется на формальном уровне (выполнение тестовых работ по теме) и неформальном (учет степени удовлетворенности учащихся собственной деятельностью), что позволяет также решить проблемы накопляемости оценок. Однако главное достоинство использования ТКУ - это реализация идеи по созданию «творческой лаборатории» на уроках, предполагающей «открытие» знаний учениками, что соответствует современным тенденциям школьного историко-обществоведческого образования по реализации личностно-деятельностного подхода в преподавании данных дисциплин.

© И.Н. Баранова (ЯГПУ)

Феномен диалога в истории педагогической деятельности

История возникновения и становления педагогической деятельности показывает закономерность ее диалогичности, природу диалога и его обусловленность социально-экономическими условиями жизни общества.

С появлением воспитания (40 – 35 тыс. лет назад) в первобытном обществе педагогическая деятельность зарождалась как один из видов внутриобщинных, а затем семейных отношений (9 – 8 тысячелетие до н.э.). Передаваемый молодому поколению опыт в виде присваивающих форм хозяйства являлся социальной и биологической необходимостью, обеспечивающей выживание рода, семьи. Роль младшего поколения была жестко регламентирована. Нормой для человека было выступать орудием выживания своей общины, а затем – сословно-семейной страты.

Передача таких норм проводилась через одностороннюю коммуникацию – вещание. Историческими формами такой коммуникации было колдовство, демонстрация дейст-

вий с их многократным механическим повторением. Зародившаяся в первобытном обществе из общинных и сословно-семейных отношений примитивная педагогическая деятельность представляла собой трансляцию знаний исходя из необходимости.

Следующий этап развития педагогической деятельности – античность, когда впервые произошло преобразование педагогической деятельности транслирующего типа в деятельность посреднического типа, которую можно рассматривать как диалогическую.

В эпоху античности (2 – 3 тыс. до н.э. – III в. н.э.) завершился переход от присваивающей к производящей форме хозяйствования: возникло развитое земледелие и ремесло, образовались города. Освоение мира человеком теперь подчинялось не столько законам выживания, сколько закономерностям субъект-объектного взаимодействия человека с источником получения материальных благ, требующим познания и понимания. В области воспитания действует установка на согласование необходимого и возможного в воспитателе. Античный человек в силу своего космополитизма свободен в своих действиях: «Если бы я знал, как судьба обойдется со мной, то поступал бы по ее законам. Но это неизвестно. Значит, я все равно могу поступать как угодно. Я – герой» [1].

Поскольку наследованию подлежат нефиксированные нормы, а наследует их человек со свободной волей, то основной формой коммуникации в педагогике является диалог. В античной педагогике возникла майевтика – диалектический спор учителя и ученика, вызывающий у последнего процесс самозарождения истины. Древнегреческая педагогика имела интегративный характер: наполнялась духовным, культурным и гражданским содержанием и имела целью воспитание совершенного индивидуума. На практике она воплощалась в интегративной диалогике, где

первоначальной целью являлось умение вести разговор, дискуссию, спор различных логик культур, но не ради торжества победы, а ради того, чтобы непонятное становилось понятным.

Наставник учил не только словом, но и делом; учитель исполнял посредническую функцию между имеющейся культурной реальностью и культурным миром воспитанников. При этом смысл посредничества заключался в том, чтобы «никогда ничьим учителем не быть» [2], но быть своеобразным «зеркалом» позиций и ходов мыслей ученика. Результативность деятельности наставника определялась по тому, насколько воспитанник стал самоустремленным, насколько у него выражена позиция на самоизменение.

Исторический анализ возникновения и развития педагогической деятельности в период от первобытнообщинной эпохи к античной показывает, что из трансляции биологически и социально необходимого она превратилась в посредничество всеобщих эллинских идеалов, от простого сообщения общепринятых установок до диалога, представлявшего собой сотрудничество учителя и ученика, направленное на познание и самопознание.

Педагогическая деятельность в период средневековья вновь обусловлена необходимостью передачи жестко регламентированных норм человеческой деятельности, так как в обществе господствует натуральное хозяйство. Но в этом случае регламентация норм исторического наследования объясняется не борьбой за выживание, а социально-правовой, в том числе и религиозной заданностью.

Процесс преподавания проходит преимущественно на основе монологической формы коммуникации: сообщение знаний шло через учебные тексты, Библию, написанных на латинском и древнегреческом языках. Знания отдалялись от человека: за счет письменной формы речи и за счет преподнесения их на мертвых, неестественных для простого чело-

века языках. В эпоху средневековья в школе сложились отчетливые иерархические отношения между обучающими и обучаемыми, культивировались зубрежка и наказания. Учитель являлся посредником между учеником и Богом, с одной стороны, и учеником и сословными нормами, с другой. Такое положение дел приводило к растущей неграмотности, что вступало в резкое противоречие с начавшейся в XIII в. экономической переориентацией на капиталистическую, производящую форму хозяйствования.

Этап освобождения от жесткой регламентации педагогической деятельности начинается в эпоху Возрождения и получает свое исчерпывающее логическое завершение в Новое время.

Человек Возрождения формирует новую культуру: «развитую способность преодолевать культуру как рок, стравливать между собой противоположные судьбы и оставаться свободным», он движется от мышления «культурными блоками, мирами, целостностями, их столкновениями» к нововременному мышлению «векторами понятий» [3]. Стремительный переход к производящей форме капиталистического хозяйства привел к формированию установки на ценность самой готовности человека к творчеству, к преобразованию мира: «Жестко заданной становилась свобода от жесткой заданности» [4].

В эпоху Просвещения зарождается эмпирическая психология – наука о неравенстве индивидуальных способностей, об особенностях индивидуальных различий, о зависимости поведения от мотивов (Д. Локк), о возрастной периодизации (Ж.-Ж. Руссо), о человеческих задатках и способностях, о самодвижении и саморазвитии человека (И.Г. Песталоцци), об индивидуальности и психологических аспектах свободы воли (И.Ф. Гербарт).

С точки зрения форм коммуникаций, определяющих смысл педагогической деятельности по линии метода пре-

подавания, к Новому времени складывается идея внутреннего диалога различных «alter ego» классического разума. Диалогизм сократовского спора с реальным собеседником заменяется диалогикой внутренних собеседников, вчитывающихся в Природу и излагающих результаты познания в наукоучении, где «необходим логический челнок, снующий между анонимным (всеобщим) и личностным (индивидуальным) субъектом» [5]. Предметность такой педагогической деятельности многосоставна и уже представляет собой согласование ее реального как сохранения самооценности человеческой личности в ее приобщении к знанию о рациональности мира, Природы и идеального как представления о неисчерпаемости человеческой индивидуальности предметов.

В качестве формы согласования реального и идеального предметов выступали обстоятельно обоснованные эффективные методы обучения: метод исследующего наблюдения объектов (И. Песталоцци, Ж.-Ж. Руссо, Д. Дидро), метод дискуссий (И. Герbart, Ф. Дистервег), учебная дисциплина как метод обучения и учитель как олицетворенный метод обучения (Ф. Дистервег). Смысл обучения – в явном подчинении всего педагогического процесса активности личности обучаемого.

В целом период развития педагогической деятельности от средневековья к новому времени внес многие новые составляющие в ее содержание: привязка к воспроизводству социально-культурного типа жизнедеятельности, культ объясняющего учебного текста, посредничество учителя между учениками и знаниями, признание идеи гуманизма в сотрудничестве позиций знающего взрослого и обладающего возможностями ребенка.

Характеризуя современную педагогическую деятельность, следует отметить, что для нее свойственно одновременное существование монологичности (традиционная пе-

дагогика) и диалогичности (педагогика развивающего обучения).

Современная модификация традиционной педагогической деятельности, так же как и ее прообразы, культурно обусловлена духом своей эпохи. XX в. – время информационного общества. Гибкие принципы функционирования современной экономики передаются через систему образования в виде информационных кодировок, не требующих глубокого понимания их смысла. В результате изначально гибкие нормы человеческой деятельности сводятся к алгоритмам, то есть закрытым формам изложения. Информационные алгоритмы распространяются через технические средства массовой информации, которые работают в монологическом режиме коммуникации по принципу «запрос – ответ». Деятельность педагога представляет собой приобщение нового поколения к отобранной обществом информации, соответствующей возрасту учеников. При этом информационный запрос исходит не от непосредственного потребителя, а от общества. Предметом педагогической деятельности монологического типа является уже сложившееся знание. Педагог идентифицируется прежде всего с государственной программой обучения по своему предмету, а «вся система образования (не только у нас в стране) слепо и бездумно копирует все растущую дифференциацию науки, стремится объять необъятное» [6].

Тем не менее, составляющие «педагогического гуманизма» - данные о возрастных и индивидуальных особенностях личности, право личности на самореализацию и т.п. – требуют постоянного согласования с монологичной в своей основе имеющейся моделью педагогической деятельности. Такое согласование, реализуемое путем установки на «ум», «талант», «мастерство» учителя, осмыслено сегодня в трудах многих ученых (В.А. Кан-Калик, В.И. Загвязинский, В.А. Слостенин, Л.М. Митина, Д.А. Белухин и

др.). В качестве формы согласования реального и идеального в педагогической деятельности выступают методические средства достижения образовательного результата. Знаниевые алгоритмы и данные о познавательных возможностях обучающихся соединяются в современной установке на активные методы обучения – «профессионально-педагогические средства «закачивания» любой информации в головы ее будущих «носителей» [7].

Таким образом, современная педагогическая деятельность, несмотря на ее содержательность, фактически направлена на воспроизводство (как в средние века) социально-культурного типа эпохи – информационной личности. Результативность такой деятельности определяется путем ее соотнесения с заданными параметрами, обозначенными в учебных программах и психолого-педагогических характеристиках личностно-ориентированного образовательного процесса.

Неперспективность современного монологического способа обучения обнаруживается не только в его отрицательном воздействии на личность ученика (подавление воли, пассивность), личность учителя (необходимость соответствовать стереотипам, разрыв между обучением и общением), но и в результате анализа современной культурной парадигмы. Такой анализ показывает, что сети информационного общества преодолимы, но не человеком образованным, а человеком культуры. Постинформационное общество, вызревающее в недрах культуры XXI в., - это общество органического образования, а следовательно, и другой педагогической деятельности.

Необходимость обновленного теоретического понимания педагогической деятельности продиктована, прежде всего, самой логикой развития двух типов педагогической деятельности – монологической и диалогической – в истории культуры. Однако деятельность по типу монолога широ-

ко осмыслена в науке и выступает как теоретический инструмент создания и развития практики в течение нескольких столетий, в то время как диалогическая деятельность не имеет своей концептуальной модели и теоретического понимания, несмотря на то, что ее культурно-исторические корни уходят в эпоху античности. В связи с этим проблема диалогизма в педагогике требует своего теоретического осмысления не только в рамках психологии взаимодействия учителя и ученика, но и как «психология акта посредничества культуры и педагога» [8].

Педагогический диалог, урок-диалог как форма педагогической техники и мастерства и как новый дидактический метод появился в практике обучения различным предметам на рубеже 70–80-х гг. XX в. В это время группа харьковских педагогов - литератор В. Литовский, историк И. Соломатин, физик В. Ямпольский, математик С. Курганов - стала проводить первые «уроки-диалоги». Они были энтузиастами будущей «школы диалога культур», окончательно сформировавшейся в концепцию В.С. Библера в 1985 г.

Чем были вызваны эти попытки «диалогического обучения»? Несмотря на то, что уже существовали отдельные нестандартные методологии образования Э.В. Ильенкова, В.В. Давыдова, Д.Б. Эльконина, Ю.П. Азарова, М. Щетинина и других немногих первопроходцев, получивших в виде исключения временный «прорыв» в экспериментальных школах, они все-таки душились простыми, но хорошо отрепетированными административными средствами. Немаловажное влияние оказало и развитие мировой психолого-педагогической мысли, ориентированной с середины 50-х гг. на осуществление личностно-ориентированного подхода. Именно в 60-е гг. XX века виднейший представитель гуманистической психологии американский ученый К. Роджерс предложил новое построение обучения - личностно-центрированное. В середине 80-х гг. это построение

нашло отклик в концепции «педагогике сотрудничества». Серьезное влияние в этот период оказали книги Р. Бернса [9] и Р. Стоунза [10].

Опыт педагогического диалога в западной исследовательской практике способствовал актуализации проблем общения в отечественной науке в 70-е гг. «Современная концепция педагогического диалога развивается на уровне интеграции философского и психолого-педагогического знания: раскрывает сущность, содержание, динамизм, особенности развития диалога как самоценного и едва ли не уникального средства развития и расширения социокультурного пространства человеческих отношений», – пишет В.В. Горшкова, которая является автором учебного пособия о диалоге [11].

В ее концепции педагогический диалог направлен на преобразование традиционной системы образования и раскрывается как способ образования гуманистически ориентированной личности, как условие проектирования полисубъектного образовательного пространства. Эта книга является одним из немногих системно-целостных концептов идеи педагогического диалога с четко обозначенной авторской позицией.

Анализируя педагогическую литературу, раскрывающую степень научной разработанности проблемы, В.В. Горшкова справедливо указывает на то, что общение как педагогический феномен имеет ряд духовных и практических смыслов, в то время как коммуникация является чисто информационным процессом, передающим сообщение. Структура общения диалогична, а структура сообщения – монологична. Диалог отличается от плюролога наличием темы как некоторого единого смыслообразующего движения мысли. Процесс активного диалога рассматривается не столько как взаимокорректировка ошибочных действий друг друга и выступление каждого в роли эксперта, дающего в результате

сумму первоначально имеющихся мнений, сколько созида-ние чего-то принципиально нового на основе актуализации опыта субъектов-участников.

Несмотря на частые упоминания в ее книге понятий «гуманитарное мышление», «гуманитарный дискурс» и др., мы должны отметить, что в сфере собственно гуманитарного образования матрица диалога, сконструированная В.В. Горшковой, потребует неизбежной реконструкции. Это объясняется тем, что ее концепция диалога не включает в себя уже упоминавшуюся культурологическую составляющую современного образования. В ней не оставлено места для педагогической рефлексии, без которой, в свою очередь, невозможен диалог в пространстве гуманитарной культуры.

В этой связи особую значимость - и теоретическую, и практическую - приобретают те исследования, которые не только отстаивают необходимость использования диалога как метода влияния, но и раскрывают пути его практического использования, наполняют необходимой содержательностью как необходимым условием превращения продуктивной идеи в реально осуществляемую профессиональную деятельность.

Библиографический список

1. Лосев, А.Ф. Дерзание духа. [Текст] / А.Ф.Лосев. - М., 1988. – С. 158.
2. Жураковский, Г.Е. Очерки по истории античной педагогики [Текст] / Г.Е. Жураковский. - М., 1963. – С. 65.
3. Там же. - С. 88.
4. Там же. - С. 87.
5. Там же. - С. 48.
6. Зинченко, В.П. Образование. Мышление. Культура [Текст] / В.П.Зинченко // Новое педагогическое мышление. – М., 1989. – С.92.

7. Каминская, М.В. Педагогический диалог в деятельности современного учителя [Текст] / М.В.Каминская. – М., 2003. – С. 62.

8. Там же. - С. 69.

9. Бернс, Р. Развитие Я – концепции и воспитание [Текст] / Р. Бернс. - М., 1986.

10. Стоунз, Р. Психопедагогика [Текст] / Р.Стоунз. - М., 1984.

11. Горшкова, В.В. Педагогика диалога: инновационные образовательные технологии [Текст] / В.В.Горшкова. - Комсомольск-на-Амуре, 1997. - С. 22.

© С.Д.Филатова (ЯГПУ)

Педагогические возможности использования источников устного происхождения на уроках истории при изучении темы “СССР в 1960 – 1980 гг.”.

В фокусе исторической науки XX в. находилась в первую очередь политика: это было документальное воссоздание борьбы за власть, где жизни обычных людей уделялось мало внимания. История приобретает новое измерение, как только в качестве “сырья” начинает использоваться жизненный опыт самых разных людей.

Изучение истории России второй половины XX – начала XXI в. в 9, 11 классах строится по традиционной схеме: внутренняя политика, экономика, внешняя политика, культура. Программа предлагает учащимся освоение знаний о важнейших событиях, процессах отечественной истории. Однако изучаемое время интересно тем, что мы являемся современниками очевидцев прошедших событий либо сами были свидетелями и участниками истории нашей страны этого периода. Поэтому привлекательной показалась возможность использования устных источников в педагогической практи-

ке, особенно при изучении разделов мало или вовсе не разработанных в школьной программе и учебниках.

Термин “устная история” появился относительно недавно. Но это не значит, что столь же ново и собственно понятие устной истории. На самом деле устная история возникла одновременно с историей как таковой. Она была первой разновидностью истории.

Историческое исследование в рамках устной истории – это описание собственного опыта, рассказ людей о переживании исторических явлений. Основным методом сбора информации по устной истории является интервью.

Устная история дает нам источники, весьма напоминающие опубликованные автобиографии, но в гораздо более широком масштабе. Подавляющее большинство опубликованных автобиографий относится к узкой группе политических, социальных и интеллектуальных лидеров. Историк может найти автобиографию, связанную с интересующими его конкретным местом, временем и социальной группой, но в ней может почти или совсем не уделяться внимания изучаемой им проблеме. И, напротив, специалисты по устной истории могут точно определить, кого им интервьюировать и о чем спрашивать. Интервью к тому же является методом выявления письменных источников и фотографий, которые невозможно обнаружить иным путем.

Мир ученого уже не сводится к работе в библиотеках, архивах, музеях. Важнейшим преимуществом устной истории является возможность посмотреть на имеющиеся данные под другим углом. Она позволяет более реалистично и объективно воссоздавать прошлое, подвергать сомнению “официальную версию”, тем самым, оказывая радикальное влияние на социальные цели исторической науки в целом.

Семейные воспоминания как тактика устной истории могут вывести изучение истории на новый уровень. С

помощью интервьюирования возможно создать историю семьи за последние девяносто лет. Жизненный опыт простых людей открывает новые направления для исследования: изучение истории детства, повседневной жизни, быта и моды, досуга и работы, взаимоотношения поколений в семье, образования и т.д. Спектр научных исследований расширяется и обогащается; одновременно меняется и его социальная миссия. Попросту говоря, история становится демократичней. Но у этих перемен есть и другое, не менее важное измерение. Процесс написания истории меняется вместе с ее содержанием. Использование устных свидетельств ломает барьеры между учителями и учениками, образовательным учреждением и внешним миром.

Устная история особенно подходит для работы в рамках ученических исследовательских проектов, поскольку сама сущность этого метода предполагает и творчество, и сотрудничество. В школах могут разрабатываться проекты по истории семей учеников, имеющие целью связать окружающую их среду с прошлым в более широком смысле. У проекта по истории семьи есть еще два важных достоинства с образовательной точки зрения. Он способствует выработке методики, строящейся на центральной роли самого ребенка, который больше знает о своей семье и родственниках, имеет доступ к фотографиям, старым письмам и документам, газетным вырезкам и воспоминаниям. Аналогичным образом история семьи побуждает родителей к более активному участию в жизни школы.

Планируя проектную деятельность учащихся в рамках устной истории по периоду “СССР в 1960-е начале 80-х гг.”, я провела беседу с целью выяснить, какие темы для исследования жизни старшего поколения интересуют детей 9 класса. Большинство выбрало тему детства. Дети обосновали свой выбор тем, что родители постоянно сравнивают жизнь современной молодежи с жизнью своего поколения.

И это сравнение не всегда в пользу подрастающего поколения. Учащимся захотелось выяснить, каким было детство их родителей. Так появилось название проекта “Детство в СССР”. Был разработан и апробирован следующий план: первый урок – лабораторное занятие, второй и третий – семинар, четвертый урок – ученическая конференция.

В ходе лабораторного занятия группы представляют, по результатам анализа документов, вопросы для проведения интервью с родителями. Вопросы обсуждаются, объединяются в тематические блоки, и составляется общий список вопросов для проведения интервью с родителями.

Учитель напоминает детям, что основной формой сбора информации для выполнения проекта являются воспоминания родителей. Метод сбора информации – интервью. Его результаты могут быть представлены в форме рукописного текста, кассеты с записью интервью, распечатанного с кассеты текста интервью. Сведения, полученные в ходе интервью, становятся основой проекта. Результат проекта может быть представлен видеofilmом или компьютерной презентацией. Для выполнения проекта школьники объединяются в группы. Представление проектов прошло на уроке-конференции, завершающем изучение темы “СССР в 60-е – начале 80-х гг.”. Группы подготовили компьютерные презентации, где использовали музыку того времени, детские фотографии родителей, фото пионерской символики, комсомольского билета и другие атрибуты времени. Ответы родителей на вопросы оказались интересными для учащихся. Приведем выдержки из нескольких интервью на тему “Школа”.

“В школе порядки были строгие. Проходил смотр строя и песни, конкурс патриотической песни, проводились вечера поэзии”.

“Деятельность детей как внутри, так и вне школы была хорошо организована и четко контролировалась. Существовало множество бесплатных кружков и секций. Раньше

дети любили школу и много времени в ней проводили: вечера, кино, соревнования и многое другое. Сейчас в школе делать нечего. Досуг детей совершенно не организован. Они вынуждены “развлекать” себя сами. И как следствие, мы можем видеть: наркомания, курение, потребление алкоголя”.

“В школе не нравилась одинаковая форма, еда. Девочек заставляли убирать волосы, запрещали краситься и носить украшения”.

Некоторая информация, полученная в ходе интервью, вызвала у детей удивление, например, то, что родители считают систему образования в СССР самой лучшей. Чем не новая тема для ученического исследования?

В то же время многие дети впервые услышали, что учебники когда-то были бесплатными, джинсы – это модная одежда того времени (для современных детей джинсы – повседневная одежда). Государство заставляло детей отработывать на колхозных полях (в так называемых трудовых лагерях), за веру в Бога могли исключить из школы, и не было возможности как у детей, так и у взрослых свободно выражать свое мнение.

Учащиеся отметили общую черту в интервью: несмотря на трудности, родители вспоминают о детских годах как о счастливом времени. Школьникам понравилось брать интервью у родителей. Многих детей поразила степень участия и сотрудничества родителей с ними в период выполнения проекта. Родители заметили, что подготовленные презентации стали своеобразным современным архивным хранилищем семейных материалов.

Устная история позволяет организовать совместную урочную и внеурочную деятельность педагогов, учеников и родителей. Она привносит историю внутрь сообщества, чтобы сделать ее общим достоянием. Она способствует контактам, а значит, и взаимопониманию – между социальными классами и между поколениями. Устная история бросает вы-

зов общепризнанным историческим мифам, авторитарности суждений, заложенной в научной традиции. Она способствует радикальному преобразованию социального смысла истории.

© М.Е. Кожевникова (ЯГПУ)

Студент в музейной среде

Музеями накоплен достаточно большой опыт практической работы по реализации образовательно-воспитательных функций, но созданию среды посредством музейной коммуникации для формирования профессиональной направленности у студентов уделяется недостаточное внимание.

Актуальность проблемы обуславливается тем, что именно в возрасте юности и ранней зрелости жизненные цели часто нереалистичны и подвержены изменениям, наступает фаза проб и поиска, в том числе и поиска профессии. Социолог В.Т. Лисовский одним из первых поднял проблему профессиональной ориентации молодежи России [2]. Он утверждает, что изучение уровня информированности студентов по вопросам, связанным с их будущей профессией, имеет важное значение для организации и профессиональной адаптации в вузе, особенно для первокурсников. Утверждение В.Т. Лисовского о том, что решение получить высшее образование у студента предшествует выбору профессии, мы подтвердили посредством проведенных с ними бесед и интервью. В дальнейшем, в ходе учебы в вузе, происходит приобщение к профессии, однако темпы его невелики. Это, в свою очередь, диктует необходимость поиска и обоснования новых средств, которые смогут помочь в вопросе формирования положительного отношения к своей будущей профессии, к людям, с которыми общается студент, его росту и самосовершенствованию. Музей истории вуза может способствовать решению проблемы путем приобщения к прошлому, культурно-

историческому наследию. Музей истории вуза, благодаря своему потенциалу, имеет большие возможности решать задачи воспитательной работы, в стенах музея студенты могут знакомиться с прошлым вуза, его традициями, достижениями в области науки, культуры, в подготовке квалифицированных кадров. Именно здесь можно создать условия и широко использовать музейную среду.

Исследователь Н. Вертинский подчеркивал, что музей может оказывать сильное влияние на развитие общей культуры студентов и помогать им в профессиональной подготовке [1]. Для этого необходим комплекс соответствующих мероприятий: передвижные выставки, специальные семинары и кружки, практика на базе музеев, экскурсии, спектакли, концерты, демонстрации кинофильмов, художественное чтение и многое другое, что можно назвать организацией музейной среды. Ряд авторов представляет музейную среду целостной системой, включающей в себя три компонента: музейный педагог, музейный зритель и музейный предмет [3]. Музейная среда является столь же активным средством образования и воспитания, как школьная и вузовская. Она имеет широкий контекст, и если позволить сравнение, то можно сказать, что для процесса образования и воспитания в музее музейная среда то же самое, что для растения почва и климатические условия.

На наш взгляд, тема исследования актуальна, поскольку в ней заложены две проблемы: формирование профессиональной ориентации студентов, с одной стороны, и реализация новых путей развития музейной педагогики, с другой.

Источниковой базой работы являются научные публикации по музейному делу и по социологии [Е.Г. Вансловой, Л.М. Шляхтиной, И.М. Коссовой, Э.А. Павлюченко, М.Ю. Юхневич, Е.Б. Медведевой, Б.А. Столярова, Н.А. Никишина, В.Н. Нагорского, В.Т. Лисовского, А.А. Семашко и др.].

Задачу взаимодействия музея и его аудитории пытаются решить ведущие научно-образовательные центры, которые разрабатывают и предлагают различные пути и способы совершенствования музейной педагогики. Так, например, в Москве активно занимается этой проблемой лаборатория музейного проектирования Российского института культурологии (руководитель Н.А. Никишин). Еще одним центром, в задачи которого входит изучение научно-практических проблем, является творческая лаборатория "Музейная педагогика" кафедры музейного дела Академии переподготовки работников искусства, культуры и туризма (руководитель И.М. Коссова). Существенный вклад в развитие данного направления вносит Российский центр музейной педагогики и детского творчества Государственного Русского музея, возглавляемый Б.А. Столяровым. Профессор Б.А. Столяров разработал модель музейно-педагогического процесса, которая связывала воедино организационный и содержательный аспекты развивающей функции музейно-педагогической среды.

Сегодня накопленный передовой опыт музейной педагогической теории и практики требует анализа. Осознана необходимость поиска новых подходов к музейному образованию как школьников, так и студентов. Однако в современных музейно-педагогических проектах отдается предпочтение детям дошкольного и школьного возраста, поэтому эмпирический материал, касающийся проблем взаимодействия музеев и студентов, еще недостаточен для того, чтобы делать достоверные выводы и научно обоснованные прогнозы. Наш практический опыт работы по изучаемому вопросу показывает, что характер взаимодействия с данной аудиторией имеет определенную сложность. Это проявляется, зачастую, в заявке на исключительность, в преобладании максимализма в оценках и требованиях, предъявляемых к жизни. Поэтому встает вопрос: как построить работу со студентами в музее так, чтобы вызвать взаимный интерес и со стороны музейного работ-

ника, и со стороны студенческой аудитории? Наш практический опыт показывает, что ключевым словом здесь является вовлечение. Беседа с постепенным вовлечением аудитории в круг рассматриваемых вопросов всегда способствует установлению эмоциональной атмосферы. Мы вовлекаем студентов в обмен мнениями, именно это создает в ходе экскурсии обстановку соучастия и включение студентов в деятельность.

После первого знакомства студентов с музеем нами было проведено первичное анкетирование, которое позволило выявить их интерес и отношение к музею истории вуза, а также то, какие перспективы они связывают с тем опытом, который приобрели и могут приобрести в музее. Полученный материал позволил нам определить формы работы со студентами в музее вуза. Кроме традиционных форм экскурсий и лекций, были выбраны и нетрадиционные: творческая лаборатория, встреча, концерт.

Со стороны студенческой молодежи перечисленные формы работы вызвали наибольший интерес, и мы не могли этого не принять к сведению, поскольку современный музей не может не учитывать потребности студентов в отдыхе и развлечении. Надо учитывать и тот факт, что интерес студентов к музею более многогранный, избирательный и отнюдь не всеобщий. Поэтому музейно-педагогическое проектирование образовательных и рекреационных программ для данной аудитории является необходимым условием развития музея истории вуза. Кроме сочетания различных музейных форм работы, мы также акцентируем внимание на необходимости тесного сотрудничества музейных работников и преподавателей вуза.

Библиографический список

1. Вертинский, Н. Музей и высшая школа [Текст] / Николай Вертинский // Сов. Музей.-1979. - №9. – С.34-36.

2. Лисовский, В.Т. Духовный мир и ценностные ориентации молодежи России [Текст]: учебное пособие / В.Т.Лисовский . - СПб.: СПбГУП, 2000.-519 с.

3. Музейная педагогика в школе [Текст]. Вып. II. - СПб.: СпецЛит, 2000.

Содержание

Актуальные проблемы всеобщей истории

Е.Е.Лях. Образ Иосифа Праведного в новозаветной апокрифической традиции первых веков христианства	3
Н.В. Новикова. Визуальная пропаганда в кампании суфражисток начала XX века.....	11
Ю.Е. Барлова. Бедность, нужда и пауперизм в трудах английских политиков и мыслителей конца XVIII – начала XIX вв.	20
А.В. Литвинов. Партизанское движение в Эфиопии в 1936-1941 гг.....	30
Ю.А.Климова. Представления русских путешественников и публицистов о проявлении чудачества и эксцентричности в досуге англичанина второй половины XIX – начала XX вв.....	39
Ю.С.Никифоров. Социологический подход в историческом исследовании в конце XIX- начале XX в.: Н.И.Кареев и М.М.Ковалевский (опыт сравнительного анализа).....	48
А.С.Ходнев. Мнения американской политической элиты о деятельности Лиги Наций в 1920-1930-е гг.	57
Н.В.Бородкина. Неоголизм в военной и оборонной политике Ж.Ширака (1995-2000).	67
А.С.Гычева. Миссии ООН в Сьерра-Леоне и Демократической Республике Конго в конце XX – начале XXI в.....	76
С.В.Воронина. Развитие женского мусульманского движения во второй половине XX в. на примере Исламской Республики Иран и Республики Тунис.....	82

Народ, политика, власть в истории России

Л.М.Архипова. Русская триада в трактовке святителя Димитрия Ростовского.....	91
Е.Л.Сараева. Последствия реформ Петра I в контексте учения западников.....	97
В.В.Кудрявцев. Крымская война в контексте мировоззрения славянофилов.....	105
Ю.С.Крюкова. Путь исканий, или Кто и зачем вступал в российское масонство во второй половине XVIII – начале XX в.	114
Е.Е.Белова. К вопросу об истоках государственного призрения больных и раненых воинов в России.	122
А.Г. Любарец. Социальная деятельность ярославского духовенства в конце XIX- начале XX в.: к постановке проблемы... ..	130
А.М. Новоторцева. Условия введения подоходного налога в России в начале XX в.	137
В.В.Таточенко. Из истории изучения периодических изданий Ярославской губернии конца XIX – начала XX в.	143
О.В.Дубичев. Отражение проблем природопользования на страницах «Сельского вестника» в 1892-1898 гг.....	151
Г.В. Карандашев. Проблемы женского алкоголизма в России в конце XIX – начале XX в.....	157
М.Н.Иванов. Архетипы русской истории периода первой мировой войны.....	164
О.В.Ольнева. Газета «Голос» как источник сведений о повседневной жизни Ярославля в 1917 г.....	170
М.В.Александрова. Принципы и методы советской жилищной политики 1917-1932 гг. (по материалам Ярославля).....	178
Н.А.Миронова. Репрессии против медицинских работников в Советской России в начале 1920-х гг.....	187
Д.Н. Малахов Реформирование системы тыла РККА в период военной реформы 1924 – 1928 гг.....	196
Н.С.Новожилов. «Тоталитарная школа» изучения «кадровой революции» в партийной номенклатуре СССР в 1930-е гг. ...	206
О.Н.Литвинова. Оккупанты в восприятии брянских партизан в годы Великой Отечественной войны.....	214
М.В.Талашов. ЯГПИ в 1941-1945 гг.: к истории системы	

высшего образования в СССР в период Великой Отечественной войны.....	222
Актуальные проблемы политологии и социологии	
В.Н.Шеминов. О системном межпредметном подходе к анализу демографической ситуации.....	231
Л.Н.Тальзина. Город как элемент целостной социальной системы.....	237
И.А.Мамзелев. Региональные теледебаты на выборах в Государственную думу РФ в 2007 г. по материалам Ярославской области.....	242
Е.А.Пелевина. Политические технологии в современных избирательных кампаниях.....	251
Актуальные вопросы теологии	
В.В.Добродеев. Проблемы перевода Священного Писания Ветхого Завета.....	258
А.Н.Филькин, С.А.Кудрина. Русская философия против пагубного «Я»	269
С.Г. Осьмачко. Историки Московской духовной академии и реформы высшего духовного образования в России (вторая половина XIX – начало XX вв.).....	274
Н.И.Лихоманов. Репрессии против священнослужителей Ярославской области в первые годы после Октябрьского переворота.....	285
Д.И.Чистюхин. Миссионерская деятельность архиепископа Нила Исаковича.....	295
В.А.Марченко. Приоритеты раннего монашества в трудах свв. Иоанна Златоуста и Амвросия Медиоланского.....	303
М.А. Бuzдыгар. Религиозные искания С.Н. Дурылина в 1900-е– 1922 гг.....	313
В.Т.Юсупов. Новые религиозные движения: деструктивные психотехники.....	318
А.В. Еремин. К вопросу о периодизации истории государственно-церковных отношений в постсоветский период.....	329

Методика преподавания истории и обществоведческих дисциплин

Н.А.Валеева. Технологическая карта на уроках истории и обществознания в старших классах.....	337
И.Н.Баранова. Феномен диалога в истории педагогической деятельности.....	346
С.Д.Филатова. Педагогические возможности использования источников устного происхождения на уроках истории при изучении темы «СССР в 1960-1980 гг.».....	356
М.Е.Кожевникова. Студент в музейной среде.....	361

Научное издание

Вопросы отечественной и зарубежной истории,
политологии, теологии, образования
Материалы конференции «Чтения Ушинского»
исторического факультета

Редактор Л.К. Шереметьева
Компьютерная верстка – Ю.В. Машонина

Подписано в печать 16.09.2008
Формат 60х90/16.
Объем 23 п.л. Тираж 100 экз. Заказ 199.

Редакционно-издательский отдел
ГОУ ВПО «Ярославский государственный педагогический университет
им.К.Д. Ушинского»
150000, Ярославль, Республиканская ул., 108
Типография ЯГПУ
150000, Ярославль, Которосльская наб., 44